

ISSN 0869-544X (print)
ISSN 2949-3927 (online)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

2024

СЛАВЯНО · ВЕДЕНІС
SLAVIC STUDIES

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.А. Седакова (гл. редактор), А.С. Стыкалин (отв. секретарь), И.Е. Адельгейм,
М.В. Белов, О.В. Белова, М.М. Валенцова, Т.В. Володина (Беларусь), М. Гардзанити (Италия),
А.Н. Галямичев, А.А. Гиппиус, Хр. Дейкова (Болгария), М. Зеленка (Чехия), Е.Н. Ковтун,
М.В. Лескинен, К.В. Лифанов, Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко, В.В. Мочалова, С.А. Мызников,
К.В. Никифоров, О.В. Павленко, В. Павлович (Сербия), В.Я. Петрухин,
Р. Прешленова (Болгария), М.А. Робинсон, Н.Н. Старикова, О.В. Хаванова,
Э. Шашхалми (Венгрия), Е.И. Якушкина.

Заведующая редакцией Е.Ю. Нукина

Сотрудники редакции: Л.А. Авакова, Т.Ю. Кравченко, И.Ю. Веслова

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д.32а

Телефон +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках. Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; номер Orcid, адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Агапкина Т.А.</i> (Москва). <i>Тоска и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 1.</i>	5
<i>Белова О.В.</i> (Москва). Лексические раритеты этнокультурного пограничья	22
<i>Верижникова Е.В., Чиварзина А.И.</i> (Москва). У зла много имен: ёавол, натемаго, даескраја (к вопросу о македонских демононимах)	34
<i>Хазанова М.И.</i> (Москва). Безагенсные конструкции как способ создания эффекта кинематографичности (на материале оригинала, русских и украинского переводов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»)	53
<i>Падалко С.С.</i> (Санкт-Петербург). Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии	61

СООБЩЕНИЯ

<i>Струтинский И.М.</i> (Москва). О похоронно-поминальной и календарной обрядности в сербском Банате: полевые исследования 2023 года	75
<i>Борисов С.А., Кикило Н.И., Немчинов В.А.</i> (Москва). Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.)	85
<i>Гурочкина Е.А.</i> (Москва). Вклад А.И. Александрова в изучение светской и церковной истории Черногории на рубеже XIX–XX веков	100

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Робинсон М.А., Сазонова Л.И.</i> (Москва). Из писем Романа Якобсона академику А.А. Шахматову (по архивным данным)	114
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Проблемы чешско- словацких отношений в XX веке глазами советского историка (июль 1968 г.)	127

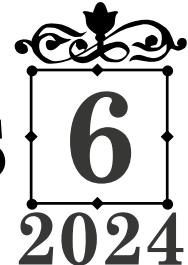
РЕЦЕНЗИИ

<i>Пескова А.Ю.</i> Н.М. Вагапова. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. 380 с.	141
--	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2024 году..... 145

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

NOVEMBER •
DECEMBER •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

Irina A. Sedakova (editor-in-chief), Aleksandr S. Stykalin (executive secretary),
Irina E. Adelgeim, Michael V. Belov, Olga V. Belova, Marina M. Valentsova, Tatiana V. Volodin (Belarus),
Marcello Gardzani (Italy), Aleksandr N. Galyamichev, Aleksey A. Gippius, Nikita S. Gusev,
Hristina Deykova (Bulgaria), Miloš Zelenka (Czech Republic), Elena N. Kovtun,
Maria V. Leskonen, Konstantin V. Lifanov, Gennady F. Matveev, Ľubor Matejko (Slovakia),
Victoria Mochalova, Sergey A. Myznikov, Konstantin V. Nikiforov, Olga V. Pavlenko,
Vojislav Pavlović (Serbia), Vladimir Ya. Petrukhin, Roumiana Preshlenova (Bulgaria), Mikhail Robinson,
Nadezhda N. Starikova, Boris N. Florya, Olga V. Khavanova, Endre Sashalmi (Hungary)
Ekaterina I. Yakushkina

Head of the Editorial office: *E.Yu. Nuykina*

Copy Editors: *L.A. Avakova, T.Yu. Kravchenko, I.Yu. Veslova*

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32a

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@inslav.ru

Contents

ARTICLES

<i>Agapkina T.A.</i> (Moscow). <i>Toska</i> ‘Sorrow’ and its Contextual «Partners» in Russian Charms. I.....	5
<i>Belova O.V.</i> (Moscow). Lexical Rarities of the Ethnic Cultural Borderland	22
<i>Verizhnikova E.V., Chivarzina A.I.</i> (Moscow). Evil has Many Names: <i>Davol, Natemago, Dajeskraja</i> (On the Issue of Macedonian Demononyms)	34
<i>Khazanova M.I.</i> (Moscow). Non-agent Constructions as a Way to Achieve a Cinematic Effect (in the Original Novel and Russian and Ukrainian Translations of A. Burdges’ <i>A Clockwork Orange</i>).....	53
<i>Padalko S.S.</i> (St. Petersburg). Jewish Religious Building in the Russian Empire: Problems of Terminology	61

ESSAYS

<i>Strutynsky I.M.</i> (Moscow). On Funeral, Memorial and Calendar Rituals in the Serbian Banat: Field Research in 2023	75
<i>Borisov S.A., Kikilo N.I., Nemchinov V.A.</i> (Moscow). The Linguistic Situation Among Macedonians, Czechs and Slovaks in Vojvodina (Based on Materials from the 2023 Expedition).....	85
<i>Gurochkina E.A.</i> (Moscow). Contribution of A.I. Alexandrov to the Study of the Secular and Church History of Montenegro at the Turn of the 19 th and 20 th Centuries.....	100

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Robinson A.M., Sazonova L.I.</i> (Moscow). From Roman Yakobson’s Letters to the Academician A.A. Shakhmatov (According to Archival Data).....	114
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). Problems of Czech-Slovak Relations in the 20 th Century Viewed by the Soviet Historian (July 1968).....	127

REVIEWS

<i>Peskova A.Yu.</i> N.M. Vagapova. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s.	141
--	-----

Index of articles and other content published in the journal in 2024.....	145
---	-----

СТАТЬИ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 5–21

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 5–21

DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Оригинальная статья / Original Article

Toska и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 1.

© 2024 г. Т.А. Агапкина

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

agapi-t@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны основные контексты слова *toska* и его производных в русских заговорах, соотнесенность этих контекстов с отдельными функциональными типами заговоров (лечебными, любовными, скотоводческими, заговорами на власть и др.), а также с большей или меньшей определенностью сформулированы особенности образа тоски в рамках этих типов: ее персонифицированность и субъектность, материальная природа, допускающая ее физическое устранение как объекта, корреляции тоски и смерти и, наконец, огненная природа тоски. Исследование *toski* в русских заговорах разной функциональной направленности выявило пять базовых значений этого слова: ‘болезнь’, ‘боль’, ‘душевное недомогание неясной этиологии’, ‘страдание в разлуке’ и ‘неодолимая печаль в отсутствии взаимности’. Было установлено, что диалектная семантика рус. *toska* и его производных в полной мере соответствует этим значением *toski* в заговорах, в то время как в литературном языке конкретно-физические значения *toski* оказываются в основном утрачены.

Ключевые слова: заговоры, тоска, диалектная лексика, сюжет, мотив, фольклорная традиция, этнолингвистика.

Ссылка для цитирования: Агапкина Т.А. *Тоска* и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. 1 // Славяноведение. 2024. № 6. С. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Toska ‘Sorrow’ and its Contextual «Partners» in Russian Charms. I.

© 2024. Tatiana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

agapi-t@yandex.ru

Abstract. The article describes the main contexts of the word *toska* ‘sorrow’ and its derivatives in Russian charms, the correlation of these contexts with different functional types of charms (medical, love, cattle breeding, charms for power, etc.). Also the features of the sorrow image are formulated within these types with more or less certainty: its personification and subjectivity, material nature, allowing its physical elimination

as an object, the correlations of sorrow and death, and finally the fiery nature of sorrow. The study of the word *toska* in Russian charms of different functional orientation revealed its five basic meanings: ‘illness’, ‘pain’, ‘mental illness of unclear etiology’, ‘suffering in separation’ and ‘irresistible sadness in the absence of reciprocity’. It was found that the dialectal semantics of the Russian word *toska* and its derivatives fully correspond to its meanings in charms, while in the literary language the concrete physical meanings of the word *toska* are mostly lost.

Keywords: charms, sorrow, dialect vocabulary, plot, motive, folklore tradition, ethnolinguistics.

For citation: Tatiana A. Agapkina. *Toska ‘Sorrow’ and its Contextual «Partners» in Russian Charms. I* // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 5–21. DOI: 10.31857/S0869544X24060015, EDN: XHUXHO

Тоска – одно из наиболее частотных понятий, с помощью которого в русском фольклоре описывается внутреннее состояние человека, а иногда и домашних животных. Трудно назвать жанр, в котором не встречалось бы само это слово или его дериваты. Продолжая темой тоски свое исследование «человека внутреннего»¹ в фольклоре, я решила разрабатывать эту тему от жанра к жанру, поскольку в некоторых случаях объем материала даже по одному из них превышает допустимые масштабы одной статьи.

К числу таких жанров принадлежит прежде всего заговор, где *toska* представлена как многозначный и разноплановый концепт, охватывающий широкий круг неблагополучных состояний как души, так и тела. Установить основные значения *toski* в русских заговорах, выявить контексты, в которых то или иное значение проявляет себя ярче и полнее, чем в других, взглянуть на соответствующие фольклорные контексты в соотношении с диалектной лексикой, а также исследовать базовые характеристики этого внутреннего состояния в заговорах – все это составляет первую задачу работы.

В русских заговорах *toska* обычно фигурирует не сама по себе – ее сопровождает целый сонм «попутчиков» и «двойников», дублирующих ее функции и проявления или уточняющих и расширяющих весь спектр передаваемых ею эмоций и состояний. Изучить состав этих «партнеров» и их поэтическую семантику в заговорном дискурсе видится еще одной задачей, которая будет решаться во второй части статьи.

Несколько слов о методологии работы. Учитывая многозначность фольклорного слова, его семантическую широту и неопределенность, диффузность его значений [Никитина 2000, 559], я следую за теми исследователями, которые считают, что оно должно изучаться в совокупности языковой (диалектной) и контекстной семантики. Такой подход предполагает рассмотрение фольклорного слова с учетом синонимов, эпитетов, предикатов, ассоциативных рядов [Хроленко 1992, 18–19], а также контекстов его употребления: поэтических сюжетов, мотивов, формул, клишированных оборотов и других устойчивых элементов.

Материалом для статьи послужили русские заговоры. В имеющемся в моем распоряжении корпусе текстов этого жанра слово *toska* и его производные встречаются более 2 000 раз, что делает выборку вполне репрезентативной для решения поставленных задач.

¹ Это не первая статья, посвященная «человеку внутреннему». Ранее были написаны работы о *сердце* (в аспекте его эмоциональности), *воле*, *гордости*, *славе* и *хитрости-мудрости*.

В русских заговорах мне удалось выявить пять основных значения слов *тоска*, *тосковать*, *тоскнуть/тоснуть*, и этим значениям соответствуют пять подгрупп заговоров, каждая из которых имеет свою, отличную от других функциональную направленность.

В группе лечебных заговоров (от разных недугов – физических, например от кровотечения или лихорадки, и от собственно насланных, в том числе душевных, – сглаза, порчи и др.) *тоска* понимается как ‘**болезнь**’ (болезнь вообще или конкретное заболевание), соответственно *тосковать* означает ‘болеть, страдать от болезни’. Еще Г. Попов, группируя тексты в своем собрании заговоров, пояснял: «заговоры от тоски мы относим к общим на том основании, что слово “затосковал” на крестьянском языке часто означает и “занедужил”, заболел и нередко обозначает общее недомогание, отчего бы последнее ни зависело»².

Синонимами *тоски*, регулярно составляющими с ней пару, в лечебных заговорах выступают *болезнь*, *скорбь*, *хвороба*, образуя своеобразный бином типа *болезнь-тоска*:

Речка-матушка, не ешь песку, а ешь мою болезнь да тоску (Нижегород.)³; В тистом поли – златой камень, на златом камени – красна дивитя, иголотка золотая, нитотька шелковая: кровь ту зашиват, тоску-болезнь отнимат во веки веков (Олонец., от крови)⁴,

а пару к *тосковать* составляют диалектные в основном глаголы с тем же значением, например *сконнуть*: «Медведь, не пеньев не рви, не кореньев, а сорви у младенца скорби и болезнь, и тоску, и пецаль, чтоб не тоснул и не сконнул, и не болел...» (от родимца)⁵.

Известны контексты, где *тоска* образует пару с таким понятием, как *все/всякие болезни*: «Вода...⁷ Ты обмывала луга, берега, каменья и кременья, обмой р. б. (имя), молитвою награжденною тоску и печаль и всякою болезню» (дон. казаки, от сглаза) [Проценко 1998, № 188].

На этом общем фоне более всего выделяются сердечные болезни/боли, поскольку, будучи эмоцией, внутренним состоянием, *тоска* ассоциируется именно с сердечным недугом: «Еду на море... там мёртвые наши веселятся, сердце у них не болит, не ноёт, ни о чём не тоскует... Сколь скоро это слово изменится, столь скоро и борзо у раба (имя) сердечная тоска, болезнь излечится» (Перм., от инфаркта)⁸.

Гораздо чаще *тоска* оказывается в одном ряду не только с *болезнью* как таковой, но и с названиями конкретных болезней, а также с перечнем лиц, на которых возлагается ответственность за причинение вреда здоровью человека: «Снимаю с раба Божьего такого-то всю болезнь, тоску, килу, грыжу, порчу⁹; Кто эту молитву знает и три раза на день читает, тот будет спасен, сохранен и помилован от всех бед и напастей, от скорби и болезни, от тоски и печали» (Владимир., «Сон Богородицы»)¹⁰.

² Попов, 231.

³ Здесь и далее географические названия, сокращенные до суффикса *-ск/-к* и написанные с прописной буквы, обозначают соответствующую губернию/область или регион.

⁴ Нижегородские заговоры, № 155.

⁵ Русские заговоры Карелии, № 252.

⁶ Русские заговоры Карелии, № 160. Ср. рус. диал. *скомить, сконнуть* ‘страдать от болезни, недомогать (о человеке, животном)’ (СРНГ 38, 73).

⁷ Отточия в цитатах принадлежат автору статьи; в конце цитаты отточия не ставятся.

⁸ Вишерская старина, 34.

⁹ Ветлужская сторона, 179.

¹⁰ Заговоры, обереги и молитвы, 410.

По наблюдениям Е.А. Ковригиной, в русских диалектах «взаимодействие полей ‘БОЛЕЗНЬ’, ‘ТОСКА’ и СКОРБЬ’ проявляется в их двусторонней связи в виде перехода номинаций полей ‘ТОСКА’ и ‘СКОРБЬ’ в поле ‘БОЛЕЗНЬ’, а номинаций поля ‘БОЛЕЗНЬ’ – в поля ‘ТОСКА’ и ‘СКОРБЬ’. Эти переходы являются результатом метафорических переосмыслений, обусловленных особенностями восприятия носителями диалекта состояний болезни, тоски и скорби» [Ковригина 2022, 9–10].

В контекстах, связанных с болезнями, *тоска* передает также значение ‘**боль**’, а *тосковать* – ‘болеть’: «На этом престоле лежит тело Пресвятой Богородицы. Секут тело ножами, топорами. Как у Ней кровь-руда неайдет, Пречистое тело не щемит, не болит, не тоскует, так бы у раба Божия (имя) кровь-руда не шла, тело не болело, не щемило, не тосковало» (Новгород.)¹¹.

Тоска как ‘боль’ присутствует и в скотоводческих заговорах: после оскопления жеребца коновал своими руками надевал на него узду и говорил: «*Тоску забывай, заботу забывай*. Поутру встань – работать иди» (Вят.)¹².

В подобных случаях у слов *тоска/тосковать* обнаруживается широкий круг синонимов, выступающих в паре с ними, – *щипота/щипать, щемота/щемить, ломота/ломить, саднить, ныть, рвать, мозжить, слышать* ‘чувствовать, ощущать’ и др.

Понимание тоски как ‘боли’ находит поддержку в диалектах, особенно на Русском Севере и в центре Европейской России, см.: рус. нижегород., мурман. *тоска* ‘мучение, боль’¹³; олонец. *тоска* ‘физическая боль’. Уж раз его гад кусил, так *тоска пошла, боль, тоснет*¹⁴; архангел., иркут. *тоскнуть* ‘болеть, испытывать боль; ныть, ломить’. Уменя ноги *тоскнут*¹⁵; архангел. *затоскнуть* (затоснуть), *затосковать* ‘начать болеть, ныть, ломить’¹⁶; вологод. *тосковать* ‘быть больным, болеть; испытывать ощущение боли (о какой-либо части тела); болеть, ныть (об ощущении тупой, тянущей боли)’, *тоскнуть* ‘ныть’¹⁷; костром. *тосковать* ‘болеть, ныть’. Второй день рука сломатая *тоскует*¹⁸ и т.д.

В южнорусских говорах такие значения проявляются реже, да и само слово *тоска* не имеет столь же широкого хождения, поскольку ему на смену постепенно приходит ю.-рус. *нуда, нудиться*¹⁹ и целый ряд других слов.

Таким образом, в народномедицинских и ветеринарных заговорах *тоска* получает значения ‘боль’ и ‘болезнь’, и потому, подобно другим болезням, ее излечивают, смывают, унимают и т.п., а самого человека стремятся лишить чувствительности к боли. Синонимами и «партнерами» *тоски* в этих значениях обычно являются слова, обозначающие те же болезнь и боль.

Также относительно немногочисленную группу русских заговоров составляют тексты, в которых тоска предстает как ‘**душевное или психическое недомогание неясной этиологии**’. Эта *тоска* оказывается болезнью прежде всего душевной, а оттого – наверняка насланной, пришедшей извне, результатом чужого влияния и недоброй воли, мысли или взгляда. Б.Д. Проценко при исследовании донской традиции указывал, что многое сближает заговоры

¹¹ Заговоры из архивных источников, 203.

¹² Верещагин, 37.

¹³ СРНГ 44, 295.

¹⁴ СРГК 6, 497.

¹⁵ СРНГ 44, 296.

¹⁶ АОС, с.в. *Затосковать*.

¹⁷ СВГ 11, 48.

¹⁸ Ганцовская, 384.

¹⁹ Сл. воронеж. 3, 219.

от тоски с заговорами от испуга и сглаза, поскольку *тоска* может быть наслана каким-то вредителем, на что намекают некоторые ее эпитеты, такие как *глазная, ветряная, напускная, наносная, замысленная* и др. [Проценко 1998, 169]. О чужом вмешательстве как причине тоски нередко говорится и в самих заговорах, в том числе таких, которые направлены против тоски и порчи одновременно: «Как ты обрывала крутые красные берега, желтые пески, такожде отрыть и отмывать от меня, р(аба) Б(ожия) и(мярек), тоску и кручину, и сердешную болезнь от набродов, притчей и уроки, и призоры, от всяких лютые и злые помыслы (XVIII в., от тоски и порчи)»²⁰.

Тоска как душевный недуг и тревога, во-первых, лишена объекта: человек тоскует не по кому- или чему-либо; она не имеет причины: это не физический недуг, не разлука с родными или любовная горячка — человек тоскует не из-за кого-то, а просто так. И вместе с тем такая тоска обладает одним уникальным свойством: она бесконечна, и эта бесконечность описывается в терминах пространства: «Тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до пепрепутья...» (Владимир.)²¹.

Самым частым в заговорах от тоски оказывается мотив ее смывания, удаления прочь, очищения человека от нее, фактически и составляющий основное содержание подобных текстов:

Матушка, быстрая вода... Обмой-ка ты с рабы Божьей (имя) тоску тоскучую, горе горючее, скорби и болезни, думу непобедимую и боль неутолимую, злу худобу смой-сполоши (Карел., от тоски и худобы)²²; Дон Иванович, Хопёр Воерданович. Ты текешь с запада на восток, обмываешь все яры, все каменья... обмой тоску у рабе Т.... уйди, тоска, в тёмные леса (дон. казаки)²³.

Понимание *тоски* как душевного недуга присутствует и в русских диалектах, см.: архангел. *тосковать* ‘тревожиться, беспокоиться, переживать’, ‘испытывать тяжелые душевые муки’ [Ковригина 2022, 144–145]; вологод. *тоску сымать* ‘ворожить с целью избавления от душевной тревоги, тоски’²⁴, хотя в большей степени оно характерно для литературного языка. Словари русского литературного языка довольно единодушны в своей трактовке *тоски*: *тоска* ‘мучительная грусть, сильное беспокойствие душевное’²⁵; *тоска* ‘сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой’²⁶; *тоска* 1. ‘душевная тревога, уныние’; *тосковать* 1. ‘испытывать тоску, томиться тоской’²⁷; 1. ‘тяжелое гнетущее чувство, душевная тревога’; 2. ‘скука, уныние, царящие где-л., вызываемые однообразием обстановки, отсутствием дела, интереса к окружающему’; 3. ‘о том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния’²⁸.

Именно эту «версию» *тоски* принято трактовать как состояние души, тяжелое, малопонятное его носителю и часто ничем не объяснимое. И хотя в русской культуре тоска не раз скрывалась под *скукой, меланхолией* и другими душевными состояниями и недугами, но почти всегда идентифицировалась именно как ‘тоска’. Об этой *тоске* как эмоциональном концепте и ключевом признаке национально-языковой картины мира (наряду с душой и судьбой)

²⁰ Русские заговоры, 472.

²¹ Заговоры, обереги и молитвы, 396.

²² Ершов, 89.

²³ Тимофеев, 194.

²⁴ Золотые россыпи, 141.

²⁵ САР 6, 379.

²⁶ Ушаков, с.в. *Тосковать*.

²⁷ Шведова, 992.

²⁸ МАС 4, 389.

писала А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996, 393 и др.]; именно эту *тоску* – как знак экстремальных жизненных ситуаций и вызванных ими переживаний – имел в виду А.Б. Пеньковский, размышляя над языком пушкинской эпохи [Пеньковский 2003, 187–267], и т.д.

Смыывание *тоски* или унесение ее дымом встречается как мотив во всем корпусе русских заговоров, а не только в рассматриваемой подгруппе: оно подчеркивает тот факт, что *тоска* понимается в этом жанре как нечто внешнее по отношению к человеку, наносное. Эта черта, как мне кажется, заметно отличает «фольклорную» тоску как психоэмоциональное недомогание от тоски «литературной», ибо «литературная» тоска почти всегда остается слабо мотивированной. Обычно «литературная» тоска не приходит извне, ее не связывают с «чужим» влиянием, хотя способность *тоски* доводить человека до смерти, ее не-доброе воздействие на человека вполне вписываются в концепцию *тоски* как чужой и враждебной силы, как ее понимал, в частности, Ю.Д. Апресян [Апресян 1995, 51]. Прямое называние тоски *силой*, проникающей в глубь человека, можно встретить и в русских заговорах: «Из-под этого камня Алатыря выпущу я силу для привороту и сажаю эту силу в могучую жилу моей милой... чтобы кровь ее кипела и шипела, чтоб она тосковала и горевала и в ночь спокойна не была... чтоб она тосковала и горевала, как мать над дитятей» (Встану я благословясь, № 83, Архангел.).

Четвертую группу составляют заговоры, обслуживающие такую эмоционально нагруженную ситуацию, как расставание, разлука. Заговоры, нацеленные на преодоление *тоски* как ‘**страдания в разлуке**’ (где *тосковать* означает прежде всего ‘*скучать*’), входят в разные функциональные группы. Это заговоры от тоски по родным – будь то рекрут, покинувший родные места, или молодая женщина, выданная далеко замуж, или ребенок, отлученный от материнской груди и мн. др. Однако прежде всего это заговоры от тоски по умершему, когда *тоска* является производной горя и появляется в результате осознания безвозвратности потери (об этих аспектах тоски см.: [Байбурин 2001]; [Толстая 2001, 159–160]); такую *тоску* рекомендуется смыть, сжечь, оставить за собой как нечто физическое, вещное: «Речушка, речушка, тоску забери ты себе»²⁹; сжигают доску и говорят: «Сгори, доска, сгори по мужу и тоска»³⁰; бросая песок за спину, говорят: «Бросаю песку, оставляю боязнь и тоску» (Киров.)³¹.

Особый корпус текстов связан в фольклорной традиции с тоской по умершему супругу (реже – родителей по детям или детей по родителям), однако заговоров на эту тему записано ничтожно мало. Так, стремясь уберечь мать от нескончаемой тоски по умершему ребенку, используют как прецедент евангельское событие:

Как плакала Пресвятая Богородица о Господе нашем Иисусе Христе... И утешали Пресвятую Богородицу все святые угодники и вся сила небесная, и я утешаю рабу Божию, чтобы она не тосковала и не горевала о своем родимом детище, а развлекала бы свою скучу, как Пресвятая Богородица с силой небесной! (Забайкалье)³²,

ср. аналогичное значение диал. *тоснуть* в ситуации отделения теленка от коровы: рус. олонец. *тоснуть* ‘проявлять привязанность к детенышу в разлуке с ним (о животных)’. *Первый раз доится; чтобы корова не тоснула по теленку, потом свести теленка кругом коровы и ткнуть его туда, с которого места он*

²⁹ Архив РГГУ, Кречетово Каргопольского р-на Архангельской обл. 1996, от тоски по покойнику.

³⁰ Архив РГГУ, Печниково Каргопольского р-на Архангельской обл. 1997.

³¹ Русские заговоры и заклинания, № 2449.

³² Логиновский, 52.

вышел, и сказать: «Ты мне не мать, я тебе не сын»³³. Те же эмоциональные проявления описываются в скотоводческих заговорах, которые читали над скотиной, разлученной со своим хозяином, обычно в случае ее продажи: «Как эта Вага бежит день и ночь, не плачет да не тужит, не горюет ни об пенье, ни об сером камене, назад не поворачивается, так бы не плакала и не тосковала лошадка о своем доме» (Вологод.)³⁴.

Тоска представляется отторгаемой субстанцией, что вполне отвечает восприятию ее как материальной сущности: «Плод да живот домой понесла, тоску и печаль назад оставляй» (Олонец., при покупке скотины)³⁵.

Впрочем, в редких случаях тоска животного оказывается эмоцией желательной: в пастушеских отпусках насылание тоски на скотину практикуется в том числе для того, чтобы животные возвращались к пастуху, по которому скучают: «Сходят небесные Ангелы с небесным огнем неугасаемым и зажигают у моего скота пор и сердце, чтобы всякая скотина горела бы и тосковала сердцем и по своем доме, и по своем хозяине и хозяйке, и по мне, рабу Божию, пастырю (имр.), и моем голосе» (Олонец.)³⁶.

Слово *тоска* и соответствующие глаголы, прежде всего *тоскнуть/тоснуть*, означающие страдание в разлуке, широко известны в диалектах: рус. диал. *тоскнуть по ком-л.* Че-то я о своем парне тоскнул; Мать по сыне, а жена по муже тоскует, тоскнет; *тоснуть по ком.-л. Не знает, когда уж она и перестанет тоскнуть-то по ём*³⁷; архангел. затосковать ‘начать скучать по кому-н., чему-н., страдать в разлуке’³⁸; томск. экспр. душа *тоскнёт* ‘о переживании тоски по умершему’³⁹; рус. печор. *тоскнуть* ‘скучать, тосковать’. *Я дак там тоснула у тётки, никого не знаю*⁴⁰; *стоскнуть, стосковаться* ‘соскучиться’⁴¹, но также нечужды и литературному языку: *стосковаться, по ком-чем и о ком-чем* (разг.) ‘соскучиться, впасть в тоскливо, унылое состояние’⁴² и др.

Таким образом, в этой подгруппе заговоров *тоска* понимается как страдание в разлуке с кем-то дорогим и ушедшим или отделенным от имярека⁴³. Чаще такая тоска описывается глаголами (*тосковать/тоснуть*) с косвенным дополнением: *тосковать о ком-нибудь, по кому-нибудь*; и сообщение о том, по кому или чему тоскует имярек, составляет основное содержание заговора. Как и в группе народномедицинских заговоров, *тоска* как страдание в разлуке приписывается не только человеку, но и скотине; для восстановления душевного здоровья принято символически смывать и сжигать *тоску*. Что касается страдания по умершему, то оно складывается в фольклоре в пространный и многоплановый культурный текст, который в отличие от тоски по другим персонажам реализуется не только и не столько в заговорах, сколько в мифологической прозе и во всем тексте похоронного обряда.

³³ СРГК 6, 498.

³⁴ Русские заговоры и заклинания, № 985.

³⁵ Русские заговоры Карелии, № 362.

³⁶ Тучемский, 514.

³⁷ СРНГ 44, 295–297.

³⁸ АОС, с.в. Затосковать.

³⁹ Афанасьева-Медведева 15, 176.

⁴⁰ СРГНП 2, 355.

⁴¹ Удина, 253.

⁴² Ушаков, с.в. Тоска.

⁴³ Т.е. человека, от имени которого произносится заговор, или того, на кого он направлен. При чтении заговора в реальной обстановке на это место подставляется имя конкретного человека.

Наконец пятая, значительно более многочисленная группа связанных с *тоской* русских заговоров отчасти пересекается с предыдущей, так как относится к сфере межличностных отношений и передает неудовлетворенность их качеством и состоянием.

В рамках этой группы *тоска* означает ‘**неодолимую печаль при отсутствии взаимности**’, а глагол *тосковать* обнаруживает целый спектр соотносимых друг с другом значений, таких как ‘хотеть быть любимым и необходимым’; ‘стремиться заполучить объект’; ‘внушить тягу к имяреку’ и др.

Основной массив текстов с упоминанием *тоски* в названном значении касается сферы отношений между мужчиной и женщиной, т.е. любовных заговоров. Тщательный их разбор предпринят в книге А.Л. Топоркова, где рассмотрена история изучения этих заговоров, их сюжета и поэтики, и им же посвящен большой указатель [Топорков 2005, 110–182, 364–388]. Не повторяя сказанного в этой книге, попытаемся сформулировать самые общие положения, раскрывающие образ *тоски* в любовных заговорах.

Понимаемая как неодолимая и причиняющая страдание привязанность к лицу противоположного пола *тоска* субъектна – она не просто персонифицируется, она двигается, разговаривает, испытывает эмоции, вселяется в мужчину или женщину и т.д.:

По этой реке Терке бежит тоска тоскующая, сухота сухотущая. Спрошу раба Божья Н.: – Ай же ты, тоска тоскующая, сухота сухотущая, куда пошла-полетела, куда путь держишь? Тоска-сухота отвечает: – Пошла я, полетела рек озер разжигать, синяго моря иссушать (Олонец.)⁴⁴; И в том чистом поле попадут мне встречу три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски не усыпающие. И те три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски не усыпающие падут к рабице Божией (имя рек) в ретивое серце, в мягкое лехко (Вологод.)⁴⁵.

Персонифицированность тоски выражается в заговорах целым рядом глаголов активного действия: *тоска летает, бежит, идет/ходит/находит, падает, суетится, хлещется, бьется, бросается, кидается, к земле припадает*, и эмотивными глаголами, передающими как сами эмоции, так и их физические проявления: *плачет, рыдает, ноет, тоскует* («Тоска тоску тоскует, сухота сухоту сухотует», Архангел.⁴⁶). Действия *тоски* по отношению к человеку и внедрению в него также описываются глаголами активного действия: *входит, вселяется, падает, садится, одолевает, нападает, наваливается, накатывается, давит, въедается-впивается, сушит/иссушает* («Впивайся тоска, въедайся тоска, в грудь – в сердце! Взростись по всем жилам ноетой-сухотой!», Тул.)⁴⁷ и др. Как субъект заговоров *тоска* может множиться (бывает 3 и даже 33 тоски), она появляется обычно не сама по себе, а в сопровождение «партнеров» и в составе определенных синонимических рядов, о которых подробнее будет сказано во второй части статьи.

Тоску напускает/наводит на него или ее сам имярек. Чаще всего он насыляет *тоску* ветрами или по ветру: «Пущу свою тоску и печаль по буйному ветру. Дойди до меня и от меня, моя тоска-печаль, до раба Божьего (имя), в его мягкие губы, в его белые зубы, в его белую грудь, чтоб он ел – не заел, спал – не заспал... тосковал день и ночь, и в глухую полночь по рабе Божьей (имя)» (Саратов.).⁴⁸

⁴⁴ Кофырин, 2.

⁴⁵ Виноградов 1, 34, № 45.

⁴⁶ Русский заговоры и заклинания, № 722.

⁴⁷ Пятницкий, 226.

⁴⁸ Булушева, 42.

Помимо имярека, насытать / наводить на человека тоску могут демоны, нечистая сила:

Это ты <Сатана> по ветру летаеш, тоску спускаеш, огонь в крови человеческой мысли разнесешь и во владееш, пади в грудь, в сердце, в голову чтобы он не мог не есть ни пить ни думу думать не работать без рабы (имя) (Карел.)⁴⁹;...лежит доска, а под той доской лежит тоска тоскучая, сухота сухучая. Черты-сатанята, идите на все пути и найдите раба божьего (имя)... скрутите его и вложите в него грусть, печаль, тоску, болезнь, скучу, во все его члены и суставы ([Проценко 1998, № 247], дон. казаки),

или сам субъект без участия помощников: «Я девица брава, стою на ноге правой, головой шатну, тоску пущу по всему свету, своему богосуженому в сердце и душу; не мог бы он без раба Божия меня ни дня дневать, ни часу часовать» (Олонец.)⁵⁰.

Субъект заговора часто не прямо переносит тоску на другого человека, а просит своих помощников (ветры, а также зверей и птиц, дым, зарю) снять тоску с него и отнести ее объекту своей страсти, вложить в его тело и душу: *снести/донести/принести/нанести на имярека, вселить, нагнать, дать на сердце, посадить, навеять*:

Ой вы, двенадцать братьев ветров, подсобите и помогите мне, рабу Божию, снимите с меня тоску, печаль и сухоту несусветимую, отнесите и напустите на рабу Божию, чтобы сохла и тосковала она по мне, по рабе Божием, жить бы не могла, ни пить, ни есть, смертной тоской бы тосковала, а сухоты бы не избывала, в бане бы не замыла и водой не отлила (Костром.).⁵¹

Тем самым заговор решает две взаимосвязанные задачи — избавляет имярека от тоски по возлюбленному и «приговаривает» последнего к имяреку.

Есть еще один контекст, широко известный в любовных заговорах. Имярек, желающий поселить тоску по нему в сердце объекта своей страсти, просит помощника пройтись по людям, страдающим от тоски по близким, а именно по солдатам и солдатским матерям, по заключенным в тюрьмах, по вдовам и сиротам, собрать с них тоску, опять же как некую материальную субстанцию, и поместить ее в сердце другого человека: «Ходите вы (ветры) по всем местам, по всем городам, тюрьмам тоску тоскующую, горе горюющее соберите, в рабу (имярек) вложите в ее 77 костей, 77 жил, в крепки кости, в туги жилы — в стальные, в ходовые, в попятные, в юность, в ярость» (Нижегород.).⁵²

Обратим внимание на то, что *тоска*, которую в подобных контекстах стремятся навязать объекту страсти, — это изначально не любовная неудовлетворенность как таковая, а *тоска* как страдание в разлуке, что создает причудливое соединение разных граней рассматриваемого концепта. Мужчине или женщине стремятся внушить *страсть-тоску* по имяреку, но страсть, основанную на чувстве неудовлетворенности от разлуки с имяреком, чтобы имярек так же страдал в разлуке, как, к примеру, страдают вдовы и сироты по своим умершим близким и заключенные — по своим родным:

Ветры... возьмите вы с тех людей, с тюремцов, с посидельщиков, с бедных людей, которые приговорены под смертную казнь, которые не пьют, не едят, тоскуют и горюют, плачут и рыдают; возьмите вы с тех людей, с тех потюремщиков тоску, кручину, печаль великую и понесите вы с собой... к рабице Божией (М)... и где вы ее найдете... тут к ее посадите тоску... загорелось бы у рабицы Божией ретивое сердце... тужила бы и плакала, тосковала бы и горевала обо мне... (Вят.).⁵³

⁴⁹ Ершов, 86.

⁵⁰ Суеверие и предрассудки, 673.

⁵¹ Виноградов 1, 93, № 124.

⁵² Заговоры из архивных источников, 165, № 13.

⁵³ Комаровских, 146.

Наконец, в тех заговорах, где речь идет о *снятии тоски* с имярека, т.е. в отсушках, эта функция возлагается главным образом на проточную воду, которая *смывает/споласкивает тоску* как нечто физическое:

Матушка быстрая вода, обмываешь ты круты берега, бел горюч камень, желты пески и корни своей быстрой золотой струей, обмой-ка ты с рабы Божьей (имя) тоску тоскучую, горе-горючее, скороби и болезни, душу непобедимую и боль неумолимую, злу худобу, смой, сполоси с рабы Божьей (имя) с буйной головы, с белого лица... (Архангел).⁵⁴

Мотив удаления тоски передается широким рядом глаголов активного действия: тоску можно *вынуть, собрать, отобрать, сорвать, спровадить, разогнать/изгнать/отогнать/согнать, отослать, свести, взять, очистить, смыть, обмыть, сполоснуть* и т.д., а сама *тоска*, покидая человека, *смывается, стекает, уходит, отшатывается, отваливается, спадает* и др. Все эти глаголы подчеркивают физическую природу *тоски*, а также в известном смысле – ее внешнюю по отношению к человеку сущность, которую можно убрать почти механически.

Рассмотрев основные значения *тоски* в русских заговорах, перейдем к ее общим характеристикам.

Чувство тоски, которое испытывает человек, передается в заговорах рядом однокоренных слов – прежде всего именем существительным *тоска*, глаголами (*тосковать, тоскнуть/тоснуть, тосковаться, затосковать* и др.), а также наречиями.

Тоска (имя существительное) упоминается главным образом в контекстах, где она выступает как персонаж/субъект заговоров (в любовных заговорах), а также как нежелательный объект, подлежащий удалению (во всех рассмотренных группах). Как одиночное имя нарицательное *тоска* может появляться лишь в тех заговорах, в которых оно означает ‘боль’ и ‘болезнь’; в остальных значениях *тоска* почти всегда фигурирует в сочетании с эпитетами, в том числе однокоренными типа *тоска тоскучая, тоску(ю)щая, тоскливая, тоскучая, тосковая*, усиливающими экспрессивность магического текста:

Вси четыре брата, летите по всем ордам... Снимайте, взимайте у всех солдатских матерей тоску-тоскусту, сухоту-сухотусту и не сроните ее на лес... несите эту тоску-сухоту Ивану (Олонец).⁵⁵; В той избе лежит доска, на той доске сидит три тоски тосковые, горевые и плачевые⁵⁶.

В диалектной речи и литературном языке известно много словосочетаний существительного *тоска* с глаголами, с помощью которых также передается значение ‘испытывать тоску’, см., например: *тоской затосковать, иметь тоску на (в) сердце, вянуть с тоски, тужить тоскою, мучиться в тоске, вдаваться в тоску*; значительная часть экспрессивных выражений такого рода встречается и в заговорах: *чуять тоску*: «Богородица, помоги... чтобы не чуял раб Божий (или раба Божия имярек) ни тоски, ни болезни... ни в белом теле, ни в ретивом сердце» (Вологод.).⁵⁷; *слышать тоску*: «Так бы раб Божий (имя рек) не слышал бы ни тоски, ни сухоты, ни в костях, ни в жилах, ни в ретивом сердце» (от разных болезней)⁵⁸; *(не) видеть на себе тоску*: «Как мне зари не видать, так бы мне и тоски на себе не видеть» (Костром.).⁵⁹.

⁵⁴ Знатки, № 207.

⁵⁵ Русские заговоры Карелии, № 47.

⁵⁶ Русские заговоры, 695.

⁵⁷ Русские крестьяне, т. 5, ч. 4, 43.

⁵⁸ Майков, № 228.

⁵⁹ Виноградов 1, 50, № 66.

В заговорах обнаруживается по крайнем мере два наречия на ⁺тоск- — тошно и тоскливо:

А коль тошно и горько той тоски на той доске... столъ бы было тошно и горько той рабе имярек, как она меня, раба имярек, не увидит на которой день и на которую час и в которую четверть, она бы тосковала да горевала, сохла и плакала⁶⁰; скол тошно и горко тому человеку или зверю, или скотине, столъ бы было тошно и болно той красной девице (такой-то) кровью по мне, по доброму молотце (имярек) таким-то кровью, умом и разумом, и помыслом, и хотением ... и столъ бы ей было тошно, и столъ бы ей было горко и тоскливо (XVII в.)⁶¹.

В этимологическом отношении глагол *тосковать*, как считается, образован от существительного *тоска*, в свою очередь, восходящего к **t̥ska*, от которого др.-рус. *тъска* «стеснение; горе, печаль; беспокойство, волнение», цsl. сътьснъти [Фасмер 4, 88]. П.Я. Черных предполагает родство слов *тоска* и *тощий* и возводит их к общей и.-е. базе **teus-* ‘опорожнять’, ‘делать пустым’, ‘осушать’. Старшее значение слова **t̥ska* ‘давление’, ‘теснота’, из которого развивается более позднее ‘ощущение беспомощности, подавленности’ [Черных 1999, 253].

В соответствии с этимологией в словах с корнем ⁺*tosk-* (*тоска*, *тосковать* и др.) принято усматривать семантику давления, стеснения, тесноты. В заговорах на основе этих значений чаще всего развивается тема давления⁶², тяжести, с которой *тоска* воздействует на имярека: «На море Окиане, на острове Буяне, лежит сер камень, под тем камнем сидят три черта, они бьют и выбивают пуд укладу на тоску раба Божией (имя), чтоб полюбила меня, молодца, раба Божия (имя) больше родимого отца, родимой матери, роду и племени» (Смоленск.)⁶³.

Известно, что во многих русских заговорах *тоска* описывается как лежащая на доске или под доской⁶⁴: «Есть на море-окияне, на острове Буяне, — там стоять баня, в этой бане лежит доска, под этой доской ходит тоска⁶⁵; ходит, тоскует — некуда ей деться, не в кого вселиться. Вселись, тоска, в раба или рабу имярек» (терские казаки)⁶⁶. Понятно, что этот образ доски, под которой находится *тоска*, также соотносится с ощущением тяжести: «...в ц'истом поле лежит доска, а под доской тоска. Плац'ет тоска, извивается, выти никак не может. Как вот тоска под доской, так вот чтобы мой милый обо мне тосковал, не мог ни пить ни йись... так бы тосковал обо мне» (Архангел.)⁶⁷.

Пуд укладу, который черти выбивают на *тоску*, отправляемую на сердце возлюбленной, находит развитие в образе доски из металла (*медной*, *чугунной*, *железной*, *мраморной*), образ которой только усугубляет значение ‘тяжелый, давящий’ (об этом см.: [Топорков 2005, 168–169]): «Во синем море есть чугунная доска, есть под ней тоска. Приподними ты доску чугунную, вынь из-под нее

⁶⁰ Покровский, 262.

⁶¹ Русские заговоры, 370.

⁶² См. томск. *тоска задавила* ‘о тяжёлом психическом состоянии человека, характеризующемся подавленностью, сильным душевным томлением, душевной тревогой в соединении с грустью и скучкой’ (Афанасьева-Медведева 16, 363).

⁶³ Неклюдов, 23.

⁶⁴ Впервые образ тоски на доске, как установил А.Л. Топорков, зафиксирован в заговоре из следственного дела 1688 г. [Топорков 2005, 165].

⁶⁵ Пара *доска* — *тоска* хотя бы отчасти обязана своим появлением схожести этих слов и связывающей их рифме, что не осталось незамеченным в традиции, см.: «Под ногой доска, на столе — треска, а в глазах — тоска» (CHPP, 53, поговорка о жизни в Архангельске); «На качели я качалась, / на берёзовой доске, / я с любимым расставалася / в печали и тоске» (Афанасьева-Медведева 20, 71, частушка, Сибирь.).

⁶⁶ Баранов, 175.

⁶⁷ Знатки, № 192.

тоску, вынь из-под нее тоски столько, сколько во синем море желтых песков» (Нижегород.)⁶⁸.

Тоску-тяготу очень редко, но можно встретить даже в охотничьих заговорах, где ею наказываются звери, не желающие идти в ловушки или попадаться на наживку: «...буде вы белые звери горностали чернохвостые, не станите есть наживки, наложит той Никола на тебя белого зверя горностала чернохвоста тоску и сухоту, и велику тяготу, не можно тебе белому зверю горносталю не жити, не быти...» (Архангел., Слова горносталие)⁶⁹.

Образ тяжелой, давящей *тоски*, в свою очередь, ассоциируется с гробовой доской и шире – темой смерти, сквозной для всего дискурса русских заговоров от тоски, а также присутствующей в диалектной лексике и литературном языке⁷⁰. Как заметил А.Л. Топорков, «в любовных заговорах *тоска* и *доска* сближаются не только формально и ситуативно, но и в символическом отношении... слово *доска* могло иметь значение ‘нагробная плита’... и широко употреблялось в выражении *гробовая доска*. В связи с этим *доска* могла символизировать смерть или границу между жизнью и смертью» [Топорков 2005, 170]. Отсюда в заговорах образ *смертной* или *смертельной тоски*, а также, как мне представляется, мотивы «тосковать до гробовой доски», «помирать(ся) с тоски», «убиваться с тоски» и мн. др.:

Чтобы он смертельной тоской сухотовал, день сох при солнце, ночь – при месяце, во все дни и ночи (Олонец).⁷¹; В этой грядоцьке есть два выношка... Они выются, завиваются, друг по дружке с тоски помираются. Так бы этот раб божий (имярек) так бы вился, завивался, с тоски помирался... Все бы думал, жалел и тосковал навеки до гробной доски, отныне век и по веку (Архангел).⁷²; Как во граде Лукорье летел змей по поморию... царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ее умалялась, сердце тосковалося, одному утешению предавалася – как змей прилетит, так се и обольстит (от тоски по огненному змею)⁷³.

С образом *смертной тоски* отчасти перекликаются и другие эпитеты тоски в заговорах, подчеркивающие крайнюю степень выражаемых ими негативных эмоций, абсолютную «невыносимость» испытываемого человеком чувства – *несносная, неисповедимая, неведомая, неусыпающая и черная*:

Батюшки-ветры... отберите от меня раба божья (имя) всю мою тоску тоскующую, сухоту сухотущую, тоску неисповедиму и плач неутолиму, да понесите от меня раба божия (имя) к рабице божьей (имя) (Екатеринбург).⁷⁴; И те три тоски тоскующия, три тоски сухующия и три тоски неусыпающая падут к рабице Божией (имя рек) в ретивое серце, в мягкое лехко... (Вологод).⁷⁵; На море, на окияне... под дубом мокрецким сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится от таски неведомой, во грусти недознамой, в кручине недосказанной (Владимир).⁷⁶.

Есть еще один аспект тоски в русских любовных заговорах, пронизывающий самые разные ее пласти. Это тема огня, которая проявляется на разных уровнях текста – от сюжетики до широкого лексического ряда (*жар, жарко*,

⁶⁸ Заговоры из архивных источников, 166.

⁶⁹ Ефименко, 185.

⁷⁰ О тоска как смерти (тоски до смерти, смертной, предсмертной, смертельной и др. см. [Приходько 2016, 116].

⁷¹ Русские заговоры Карелии, № 61.

⁷² Встану я благословясь, № 113.

⁷³ Майков, № 370.

⁷⁴ Шилков, 149.

⁷⁵ Виноградов 1, 34, № 45.

⁷⁶ Заговоры, обереги и молитвы, 396.

зажигать, разжигать, прожечь, распалять, воспаляться, высыхать, сохнуть, сухота, иссушать, огонь, огниво, огненный, гореть и др.)

По наблюдениям А.Л. Топоркова, «образы <огня и тоски> могут существовать по отдельности, но могут и сочетаться друг с другом... Заговоров с насыщением любовного огня и в XVII–XVIII вв., и в XIX в. примерно столько же, сколько заговоров с насыщением тоски, и примерно столько же, сколько тех, в которых насылаются вместе и огонь, и тоска» [Там же, 114, 118]. Очевидно, что соположение тоски и огня обусловлено представлением о любовной горячке и метафорой любви как огня, горения сердца, души и тела.

Учитывая все эти соображения, хотелось бы взглянуть на образ тоски сквозь призму темы огня, чтобы понять, насколько они взаимосвязаны и как выражаются друг через друга. Прежде всего, согласно любовным заговорам, тоска имеет огненную природу, что передается ее постоянным эпитетом: «...пошли я ему огненную тоску прямо в сердце и в черную печень» (Карел.)⁷⁷, а усиливает этот яркий образ упоминание о пребывании тоски в печи: «В этой чаше, трущобе стоит новый терем. В этом тереме стоит новая печь. В этой печи лежит чугунная доска, под этой доской лежит тоска, тоска тоскующая, сухота сухотущая и плач-плакущая» (казаки Урала)⁷⁸, и отсылки к Сатане как к посреднику в деле тоски, которая тем самым начинает ассоциироваться не просто с огнем, а с огнем адovым⁷⁹: «Ой вы, Сотона со д(ъ)яволи со малы, со великими, вылести с окияне моря, возмити огненную тоску мою... зажгти у рабы по мне рабу душу» (XVII в.)⁸⁰. Ср. ту же функцию, придаваемую огненному змею: «Гой еси, огненный змий, полети во все четыре стороны, во все дальние города, собери ты тоску и кручину со всех заключников, принеси ту тоску и кручину полну коробу рабу Божиemu» (Вологод.)⁸¹.

Огненная природа тоски объясняет и один из самых частых мотивов любовных заговоров, а именно «тоска зажигает сердце/утробу/тело имярека»:

Вставайте, вы, матушки, три тоски тоскучия, три рыды рыдучия, и берите свое огненное пламя; разжигайте рабу (имя) девицу, разжигайте ее во дни, в ночи и в полуночи, при утренней заре и при вечерней (Сибир).⁸²; Зайдите вы, тоски, к рабу Божиу имрак... и воспалися, утроба, сердце и кровь горючая... (если жена не любит мужа)⁸³.

Для понимания того, насколько образы огня и тоски взаимосвязаны и взаимозависимы, уместно указать также на одновременное присутствие их обоих в одних и тех же заговорных контекстах, когда разжигание души и тела становится условием возникновения любовной тоски или символически с ней соотносится:

Как плоти жарко, так бы рабе (и.р.) было б меня жалко, как плоть высыхает, так бы раба обо мне стала тосковать (Нижегород.).⁸⁴; И как сие одинакое осиновое или какое ни деревцо отсечено сохнет и горит от красного солнца и от буйного ветра, так бы сия р(аба) Б(ожия) и(мярек) кровью и волосом сохнула б и горела и тосковала по мне, по добром молоты и(мярек) (XVII–XVIII вв.)⁸⁵; Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распаляти, а сердцу моему не тосковати (от тоски по огненному змею)⁸⁶.

⁷⁷ Ершов, 87.

⁷⁸ Голубых, 291.

⁷⁹ См., «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его» (Мф 25, 41); «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» (Отк 20, 9–10).

⁸⁰ Русские заговоры, 333.

⁸¹ Зырянин, 388.

⁸² Гуляев, № 1.

⁸³ Русские заговоры, 695.

⁸⁴ Заговоры из архивных источников, 166.

⁸⁵ Русские заговоры, 371.

⁸⁶ Майков, № 370.

В готовящейся второй части статьи будет в том числе показано, как связь огня и тоски развивается в заговорах и через других «партнеров», сопровождающих образ тоски.

Среди всего разнообразия заговоров этой группы, объединенной значением *тоски* как ‘неодолимой печали в отсутствии взаимности’, небольшая часть текстов адресована властям, начальникам и судьям, которым имярек стремится навязать любовь к себе, тем самым надеясь избежать угрозы наказания и иных неприятностей. Основным способом добиться этого было напустить на выбранный объект тоску по имяреку, чтобы объект испытывал это сильное чувство неудовлетворенности и стремился воссоединиться с имяреком:

Скользко тошно и горько по хлебе и по соле... столь бы тошно и горько рабу и рабыни по мне, по робе имярек, тужил бы и плакал, не видечи меня, раба Божия имярека, на всяк день, на всякую ночь и на всяк час (XVII в., насылание тоски на власти)⁸⁷; Где бы слова и заговоры мои его не заступили... напала бы на него тоска, сухота и великая жалость; и показался бы я, раб Божий (имя рек), ему, рабу Божию (имярек), лучше всего света белого, лучше солнца красного, милее отца и матери (заговор судей)⁸⁸.

* * *

В статье описаны основные контексты русской *тоски*, их соотнесенность с отдельными функциональными типами заговоров, а также с большей или меньшей определенностью сформулированы особенности образа тоски в рамках каждого из этих типов: ее персонифицированность и субъектность, изначальная автономность по отношению к имяреку, ее «вещность», материальность, допускающая физическое устранимое *тоски* как объекта; корреляция тоски и смерти и, наконец, огненная природа *тоски*.

Исследование *тоски* в русских заговорах разной функциональной направленности выявило пять базовых значений этого слова: ‘болезнь’, ‘боль’, ‘психоэмоциональное недомогание неясной этиологии’, ‘страдание в разлуке’ и ‘неодолимая печаль при отсутствии взаимности’. Предложенный порядок следования значений в заговорных контекстах в целом отвечает логике развития этих значений в истории слова *тоска* (*тьска*), смысл которой состоит в изначальной нерасчлененности семантики, связанной с миром материального (в т.ч. неприятные физические ощущения) и духовного (тяжелое, неприятное чувство). Такую же картину можно наблюдать в диалектной семантике рус. *тоска* и его производных, в то время как в литературном языке конкретно-физические значения *тоски* оказываются в основном утрачены⁸⁹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. М.: МГУ, 1980–. Вып. 1.
 Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: В 20 т. СПб., 2007. Т. 1–.
 Баранов Е. Из области суеверий и устной словесности терских казаков // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1899. Т. 26. С. 167–244.
 Булушева Е. Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. Вып. 4. Заговоры. Саратов, 1994. С. 1–65.

⁸⁷ Русские заговоры, 316.

⁸⁸ Виноградов 1, 51–52, № 68.

⁸⁹ Об историко-лексикологическом взгляде на др.-рус. *тьска* и его окружение см. специально [Шимчук 1991].

- Верещагин Г.Г. Коновальство и захаство в Прикамском крае // Изв. Сарапульского земского музея. 1913. Вып. 3. С. 34–43.
- Бетлужская сторона. Фольклорный сборник. Вып. 2 / сост. А.В. Кулагина. Кострома, 1996.
- Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908–1910. Вып. 1–3.
- Вишерская старина / сост. И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Н.В. Жданова. Пермь, 2001.
- Встану я благословаясь... Лечебные и любовные заговоры, зап. в части Архангельской области / изд. подгот. Ю.И. Смирнов и В.Н. Ильинская. М., 1992.
- Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. СПб., 2013.
- Голубых М.Д. Казачья деревня / под ред. М. Феноменова. М., 1930.
- Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири // Биб-ка для чтения. 1848. Т. 90, отд. III. С. 1–142.
- Ершов В.П., Логинов К.К. Потаенный фольклор Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск, 2022.
- Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1878. Ч. 2. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 30. Труды этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2.)
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 2 / издание подготовили А.Б. Ипполитова, А.Л. Топорков. М., 2024.
- Заговоры, обереги и молитвы / сост. и автор статьи Л.В. Фадеева // Традиционная культура Муромского края. Экспедиционные, архивные, аналитические материалы: В 2-х т. М., 2008. Т. 1. С. 363–418.
- Знатки, колдуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере / под общей ред. А.Б. Мороза. М., 2013.
- Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. Вологда, 2014.
- Зырянин. Суеверные обычаи в северо-восточных уездах Вологодской губ. // Вологодские губ. вед. Ч. неофиц. 1867. № 35. С. 388–389.
- Комаровских А. Захарство в Орловском уезде // Календарь и памятная книжка Вятской губ. на 1898 год. Вятка, 1898. С. 136–147.
- Кофырин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского у. // Олонецкие губ. вед. 1900. №127. С. 2
- Логиновский К.Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков // Зап. О-ва изучения Амурского края Владивостокского отд-ния Приамурского отд. РГО. Владивосток, 1904. Т. 9. Вып. 1.
- Майков Л.Н. Великорусские заклинания // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. СПб., 1869. Т. 2. С. 417–580. Дополнения: с. 747–748.
- Мансикка В. Заговоры Пудожского уезда Олонецкой губернии // Sborník filologický (III. Trída České akademie věd a umění). Praha, 1926. Sv. 8, č. 1. С. 185–233.
- МАС – Малый академический словарь / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984. Т. 1–4.
- Неклюдов М.Н. Заговоры // Памятная книжка Смоленской губ. на 1909. Смоленск, 1908. Прил., №7. С. 17–24.
- Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и comment. А.В. Коровашко. Нижний Новгород, 1997.
- Покровский Н.Н. Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.
- Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1903.
- Пятницкий Ар. Суеверия, поверья и приметы, заговоры, лечения и гадания // Прибавление к Тульским епарх. вед. 1873. № 6. С. 223–229.
- Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М., 1998.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / сост., подг. текстов, статьи и comment. А.Л. Топоркова. М., 2010.
- Русские заговоры Карелии / сост. Т.С. Курец. Петрозаводск, 2000.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский уезд. СПб., 2008.

- САР – Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1822. Ч. 1–6.
- СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т.Г. Паникаровская. Вологда, 1983–2007.
- Сл. воронеж. – Словарь воронежских говоров / науч. ред. Г.Ф. Ковалев. Воронеж, 2004–. Вып. 1–.
- СНРП – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска. Т. 1. Городское просторечие / под общей ред. О.Е. Морозовой. Архангельск, 2013.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / под ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2005. Т. 1–2.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- Суеверие и предрассудки в простом народе // Олонецкие губ. вед. Ч. неофиц. 1885. № 76. С. 673.
- Тимофеев – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общей ред. П.Т. Тимофеева. Донецк, 2013.
- Тучемский С.В. Три отпуска (наговоры), произносимых пастухами над скотом в с. Унице Петроводского уезда Олонецкой губернии // Живая старина. 1900. № 4. С. 512–515.
- Удина С.А. ...Говоря лешуконьска, как водица из родника.... Архангельск, 2021. 384 с.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 1–4.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2011.
- Шилков П. Заговор для присухи // Живая старина. 1892. № 3. С. 149–151.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов: Концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов: Проспект. М.: Русские словари, 1995. 558 с.
- Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 96–115.
- Вежбицкая А. Концептуальные основы психологии культуры // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. С. 376–404.
- Ковригина Е.А. Семантическое поле ‘БОЛЕЗНЬ’ в пространстве диалекта (на материале архангельских говоров). Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2022. 222 с.
- Никитина С.Е. Лингвистика фольклорного социума // Язык о языке / под общей ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 558–596.
- Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд. 2. М.: Индрик, 2003. 640 с.
- Приходько В.К. Лексические средства презентации базовых эмоций в русских говорах Приамурья: (лингвокультурологический подход). Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 250 с.
- Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону: [б/и], 1998. 324 с.
- Толстая С.М. Полесские поверья о холячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М.: Индрик, 2001. С. 151–205.
- Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX в. История, символика, поэтика. М.: Индрик, 2005. 480 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 137 с.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. язык, 1999. Т. 1–2.
- Шимчук Э.Г. Из истории лексики, связанной с духовным миром человека (др.-русск. *тьска* и его окружение) // Историко-культурный аспект лексикологического описания русского языка. М.: Наука, 1991. Ч. 1. С. 75–85.

REFERENCES

- Apresian Iu.D. *Novyi ob "iasnitel'nyi slovar' sinonimov: Kontseptsii i tipy informatsii, Novyi ob "iasnitel'nyi slovar' sinonimov: Prospekt*, Moscow, Russkije slovari Publ., 1995, 558 p. (In Russ.)
- Baiburin A.K. *Toska i strakh v kontekste pokhoronnoi obriadnosti. Trudy fakul'teta etnologii. Vyp. 1*, St. Petersburg, Jevropeiskij un-t v Sankt-Peterburge Publ., 2001, pp. 96–115. (In Russ.)
- Chernykh P.Ia. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennoego russkogo iazyka*, Moscow, Rus. iazyk Publ., 1999, vol. 1–2. (In Russ.)
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva, Moscow, Progress Publ., 1964–1973. (In Russ.)
- Khrolenko A.T. *Semantika fol'klornogo slova*, Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1992, 137 p. (In Russ.)
- Kovrigina Je.A. *Semantichesko pole 'BOLEZN'* v prostranstve dialektika (na materiale arkhangelskikh govorov), Diss. ... kand. filol. nauk, MGU, 2022, 222 p. (In Russ.)
- Nikitina S.Je. *Lingvistika fol'klornogo sotsiuma. Iazyk o iazyke*, ed. N.D. Arutiunova, Moscow, Iazyki rus. kul'tury Publ., 2000, pp. 558–596. (In Russ.)
- Pen'kovskii A.B. *Nina. Kul'turnyi mif zolotogo veka russkoi literatury v lingvisticheskem osveshchenii*, Moscow, Indrik Publ., 2003, 640 p. (In Russ.)
- Prikhod'ko V.K. *Leksicheskije sredstva reprezentatsii bazovykh emotsiy v russkikh govorakh Priamur'ia: (lingvokulturologicheskii podkhod)*, Khabarovsk, Tikhookean. gos. un-t Publ., 2016, 250 p. (In Russ.)
- Protsenko B.N. *Dukhovnaia kul'tura donskikh kazakov. Zagovory, oberegi, narodnaia meditsina, pover'ia, primety*, Rostov-na-Donu, 1998, 324 p. (In Russ.)
- Shimchuk E.G. Iz istorii leksiki, sviazannoj s dukhovnym mirom cheloveka (dr.-russk. *toska* i jego okruzhение). *Istoriko-kul'turnyi aspekt leksiko-logicheskogo opisaniia russkogo iazyka*, Moscow, Nauka Publ., 1991, vol. 1, pp. 75–85. (In Russ.)
- Tolstaia S.M. Polesskije pover'ia o khodiachikh pokoinikakh. *Vostochnoslavianskii etnolingvisticheskii sbornik*, Moscow, Indrik Publ., 2001, pp. 151–205. (In Russ.)
- Toporkov A.L. *Zagovory v russkoi rukopisnoi traditsii XV–XIX v. Istoryia, simvolika, poetika*, Moscow, Indrik Publ., 2005, 480 p. (In Russ.)
- Vezhbitskaia A. Kontseptual'nyje osnovy psichologii kul'tury. Vezhbitskaia A. *Iazyk. Kul'tura. Poznanije*, per. s angl.; otv. red. M.A. Krongauz, vступ. st. Je.V. Paduchevoi, Moscow, Russkije slovari Publ., 1996, pp. 376–404. (In Russ.)

Received on 10.02.2024

Accepted on 12.03.2024

Информация об авторе:

Агапкина Татьяна Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Information about the author:

Tatiana A. Agapkina
DSc. (Philology),
Chief Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 6, с. 22–33
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 22–33

DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Оригинальная статья / Original Article

Лексические раритеты этнокультурного пограничья

© 2024 г. О.В. Белова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

olgabelova.inslav@gmail.com

Аннотация. В статье предложен анализialectных лексических примеров, зафиксированных в архивных материалах рубежа XIX–XX вв. и конца XX в., и уточняется их бытование в современных говорах русско-белорусского пограничья. Исследуемый регион представляет собой сложно структурированный в пространственном плане ареал, где существуют разные этноязыковые и этнокультурные традиции. Для исследования выбраны несколько примеров из фондов архивов Смоленской области: фраземы, хрононимы, названия персонажей народной demonологии и термины, связанные с магическими ритуалами. Подобные «лексические раритеты», культурная семантика которых представляет интерес для этнолингвистов, диалектологов, фольклористов, также являются маркерами, благодаря которым современный исследователь может фиксировать границы dialectных микроареалов, уточнять географию бытования лексических единиц при утрате их этнографического контекста (например, обряда).

Ключевые слова: этнолингвистика, язык народной культуры, лингвистическая география, русско-белорусское этнокультурное пограничье, хрононимы, мифонимы, лексика традиционной обрядности.

Ссылка для цитирования: Белова О.В. Лексические раритеты этнокультурного пограничья // Славяноведение. 2024. № 6. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Lexical Rarities of the Ethnic Cultural Borderland

© 2024. Olga V. Belova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

olgabelova.inslav@gmail.com

Abstract. The article offers an analysis of dialect lexical examples from the archival materials of the turn of the 19th–20th centuries and the end of the 20th century. The author's aim is to clarify their existence in modern dialects of the Russian-Belarusian borderland. The region under study is a spatially complexly structured area where different ethnic, language and cultural traditions coexist. Several examples from the

archives of the Smolensk region were selected for the study: phrasemes, chrononyms, names of folk demonology characters and terms related to magical rituals. Such “lexical rarities”, the cultural semantics of which are of interest to ethnolinguists, dialectologists, and folklorists, are also markers thanks to which a modern researcher can fix the boundaries of dialect microareals, clarify the geography of the existence of lexical units with the loss of their ethnographic context (for example, folk ritual).

Keywords: ethnolinguistics, the language of folk culture, linguistic geography, Russian-Belarusian ethnic cultural borderland, chrononyms, names of folk demonology characters, vocabulary of traditional rituals.

For citation: Olga V. Belova. Lexical Rarities of the Ethnic Cultural Borderland // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X24060022, EDN: XHDYBR

Статья является продолжением исследования лексики народной культуры русско-белорусского пограничья, зафиксированной в этнографических и лексикографических источниках XIX–XX вв., отражающих, в первую очередь, традиции сопредельных смоленского и витебского регионов. Ценный материал подобного рода находится в архивных фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и в Архиве Литературного музея Смоленского государственного университета (фонд «Фольклор Смоленщины») (АЛМ СмолГУ), значительная часть которого еще не введена в научный оборот. В одной из работ мы уже обращались к материалам из ГАСО, анализируя семантику и географию бытования таких регионализмов, как *затеи* ‘мн. ч. распорядок’, *боговать* ‘думать, размышлять’, *протасеи* ‘хоругви’, *рученец* ‘12-дневный срок после рождения домашнего животного’ [Белова 2023, 169–171].

Исследования и выводы С.М. Толстой и Т.И. Вендиной в области типологии конкретных славянских лексических ареалов, ареального распространения лексем, соотнесенности литературных и диалектных форм в одном пространстве, соотношения диалектного и литературного элемента в разных пластах славянской лексики [Толстая 2019, 577–588; Вендина 2014, 255–306, 307–338] вдохновляют на продолжение работы в этом направлении. Предложенная типология ареалов (в том числе цельные, разорванные, клинообразные – по С.М. Толстой [Толстая 2019, 581–582], ограниченные, островные, микроареалы – по Т.И. Вендиной [Вендина 2014, 308–313]) чрезвычайно важна для исследований лексики русско-белорусского пограничья, которое представляет собой сложно структурированный в пространственном плане ареал, где существуют разные этноязыковые традиции. Учитывая указанные работы, особое внимание уделено лексическим раритетам¹, культурная семантика которых представляет интерес для этнолингвистов, диалектологов, фольклористов.

В этой статье рассмотрены лексические примеры, зафиксированные в архивных материалах рубежа XIX–XX вв. и конца XX в., уточнено их бытование в современных говорах русско-белорусского пограничья.

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) в фонде 391 (Орловский Иван Иванович) находятся описания сел уездов Смоленской губернии, выполненные приходскими священниками, откликнувшимися на призыв смоленского историка и краеведа И.И. Орловского (1869–1909) составить подробное описание Смоленской епархии. Для современного исследователя «словарные»

¹ Ср. предложенные Т.И. Вендиной понятия «эксклюзивные лексемы», «эксклюзивы славянских языков», определяющие «портретное» своеобразие диалектов славянских языков [Вендина 2014, 255, 287].

материалы из фонда Орловского интересны не только как тексты, отражающие языковую ситуацию на русско-белорусском пограничье, но и как образцы межкультурной коммуникации между собирателями и носителями говора.

Урожайная женщина

В словарной подборке из с. Язвено Ельинского уезда, составленной священником Павлом Юденичем (1904 г.), отмечена фразеологическая единица, передающая образность народной речи: «урожайная женщина (здравая, полная)»².

Эпитет *урожайный* применительно к человеку не является общераспространенным, в отличие, например, от характеристики плодородных природных объектов или благоприятных сезонов, ср.: рус. *урожайная земля, урожайная культура, урожайная пшеница, урожайная ягода, урожайная пора, урожайный год*³; ср. также рус. диал. *урожайливый, урождистый, урожительный*⁴. Сходная картина вырисовывается по материалам ассоциативных связей в восточнославянских языках⁵.

Урожайный как физическая характеристика живого существа однократно зафиксировано на Русском Севере: *урожайная корова ‘высокоудойная’* («Много и коров, да коровы урожайны таки. Пудож. Карел.»)⁶.

Что же касается значения ‘здравый, полный, крепкий’ по отношению к человеку, в смоленском регионе оно, согласно современным данным, локализуется в Кардымовском и Руднянском районах: «Урожайный – упитанный, крепкий (о ребенке) – Урыжайный мальчик, урыжайная девычка, Раньши уси дети урыжайны были, а тяперя уси бальныи какии-та»⁷. Данную характеристику можно соотнести с рус. диал. *урода ‘рост, стан, статная наружность’*⁸.

Заламывать/заламливать залом и служить заклятной молебен

Священник Георгий Чернавский (с. Песочня Ельинского уезда, 1904 г.), перечисляя народные вредоносные магические практики, наряду с отбиением молока и наведением порчи на людей и скот отметил обычай оставлять на полях заломы (злонамеренно скрученные стебли злаков):

Верять, что есть люди, которые отнимают молоко у коровъ, портятъ людей и скотъ, заламливаютъ заломъ во ржи, если кто по неосторожности сожнеть его, тотъ будетъ калекою, а чтобы избавиться отъ него, просятъ священника отслужить на местѣ залома заклятной молебень, и священникъ выдергиваетъ его крестомъ⁹.

Обезвредить залом можно было, отслужив в поле заклятной молебен. Подобное обозначение фиксирует В.Н. Добропольский в «Смоленском областном словаре» (наряду с выражением *заклятная молитва*): «Заклятэй молебен – молебен против нечистой силы. Батюшка служіў заклятэй молебин. Заклятная молитва – молитва об изгнании злых духов»¹⁰.

² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 84об.

³ СТСРР 2007 (https://syn_tesaurus.academic.ru/3906/урожайный, https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/186253/урожайный); *Ожегов*, 745; МАС 4, 513 и др.

⁴ СРНГ 47, 346, 347, 348.

⁵ Уфимцева и др. 2004, 359, 490, 734.

⁶ СРНГ 47, 346–347.

⁷ ССГ 11, 25.

⁸ Даль 4, 508 (с пометами зап. и южн.). Ср. бел. витеб. *урадлівы, ўрадлівы ‘урожайный’ и ‘красивый’* (Касцяровіч 1927 (2011), 322).

⁹ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. За. Л. 43–43об. Здесь и далее сохраняется орфография оригинала.

¹⁰ Добропольский 1914, 239. Ср. бел. витеб. *заклáты ‘заклятый, заколдованный’* (Касцяровіч 1927 (2011), 118); ср. также в Сенненской районе Витебской области: «ЗАКЛÁТЫ прым. Пракляты. Цяпéр яны заклáты, чарéй таму нямá, што малéнкія рыбáта і жанічыны ругáюща, усá зямáя заклáтая, і их ня стáла» (СС 1, 180).

Свидетельство Добровольского подтверждает, что заклятной молебен был направлен не просто на избавление от опасного «артефакта», но являлся способом защиты от деятельности пособников нечистой силы – колдунов и ведьм.

О заломах и устраивающих их ведьмах-сороках сообщал также священник Алексей Барсов из д. Незнаново Рославльского уезда (1904 г.):

Например, въдьмы (старыя женщины) будто бы ночью обращаются въ сорок¹¹ и летая по полямъ (безъ сомненія заклятымъ) заламывают такъ называемы заломы или куклы изъ хлѣба на нивѣ человѣка, на котораго сердиты – и будто это семейство или скотъ, принадлежащій этому же семейству, только съѣсть этотъ заломъ и вообще весь хлѣбъ съ этой нивы, непременно должны умереть. Узнавъ о таковомъ страшномъ несчастіи, хозяинъ той нивы, на которой найдень заломъ, немѣдленно объявляетъ Священнику. Священникъ дѣлаетъ крестный ходъ (а иногда и безъ онаго) съ хоругвями и животворящимъ крестомъ на ниву, где заломъ, совершає тамъ водоосвѧщеніе, окропляетъ святою водою мѣсто, вырываетъ крестомъ заломъ, потомъ въ самую средину, где бывъ заломъ, какъ бы въ сердце той въдьмы, которая дѣлала его, вбиваютъ осиновый коль, обложенный навозомъ, – и все вмѣстѣ и заломъ и коль сжигаютъ¹².

Как следует из этого описания, средством обезвредить залом в Рославльском уезде тоже считался молебен с водосвятыем, «подкрепленный» вбиванием осинового кола на месте залома.

На Смоленщине термин залом и выражение заломы заломлять фиксируется на протяжении последнего столетия, в том числе благодаря бытованию фольклорных «религиозных» произведений – об этом свидетельствуют примеры из материалов В.Н. Добровольского, где в качестве контекста приводятся фрагменты из ритмизованного перечня тяжких грехов, которые несет на себе «грешная душа»: «Залом – колосья, спутанные на ниве колдуном, с целью повредить урожаю. Я па полюшку ходіў и заломы заламляў, да и спор вынимай, А людэй галодных астайліяў¹³; «Заломы заламлять – известный способ колдовства на растущем хлебе на поле»¹⁴; «Знахыри заломы делають»¹⁵. «Залом – не сколько стеблей ржи или пшеницы, перевитых с целью како-либо колдовства. А кали залом хто найдеть у жыти, то знай – ня быть дабру»¹⁶.

Представления о заломах (как о спутанных колосьях, так и о способе колдовства) бытуют и на сопредельных белорусских территориях, см. свидетельство из Бешенковичского района Витебской области: «У нашым жице сёлета заломы»¹⁷. В Лиозненском районе известен термин заломицца ‘колдунья делающая «заломы»’¹⁸.

Отметим, что в описании из Рославльского уезда приводится еще одно название залома – кукла. Аналогичные названия, согласно словарю Даля и СРНГ, отмечены в орловском и калужском регионах: «Кукла – завой колосьев

¹¹ Поверье, что в сорок обращаются ведьмы, распространены в разных областях славянского мира (восточные славяне, поляки, лужичане), см. Гура 1997, 556–557. Локальное свидетельство со Смоленщины (русско-белорусское пограничье) дополняет географию бытования этого поверья.

¹² ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 184–184 об.

¹³ Добровольский 1914, 242. Ср.: грѣшная душа «ина па чистинъким полюшку хадила, А заломы и ў житушку заламляла, Во и спор ў хлебушку атбирава, А галодных людей астанавляла» (Смоленский уезд) (Добровольский 1903, 167).

¹⁴ Добровольский 1914, 242.

¹⁵ Добровольский 1891, 85 (далее приводится рассказ о том, как женщина сжала оставленный в поле залом, и ее муж заболел).

¹⁶ ССГ 4, 84. Термин зафиксирован в Смоленском и Новодугинском районах.

¹⁷ Каспярович 1927 (2011), 119–120. Ср. заломак в говорах северо-западной Беларуси – СБГПЗБ 2, 226–227.

¹⁸ Там же, 120.

знахарем, колдуном на порчу и гибель того, кто снимет куклу»¹⁹; «Кукла 11 – пучок заломленных и связанных особым образом колосьев ржи или овса, вызывающий, по суеверным представлениям, гибель, порчу скота, хлеба и т.п.»²⁰. На северо-западе Беларуси, в Гродненской области, термин *кукла* (Ивьевский р-н) также может относиться к вредоносному залому, являясь синонимом к слову *кузла* (Поставский р-н): «Кукла 4 – Нехта закруціў куклу ў жыця, мусіць, нешта заваражыў, кап ты галавой наляжыў»²¹. Имеется также интересный пример (без указания точного места записи – возможно, Дятловский р-н Гродненской области?), в котором создание залома (*куклы*) напрямую атрибуировано ведьме: «Кукла. 1. Залом /Ни руш гетай куклы, куклы ведзьма завазала у жыци/»²².

В белорусских говорах спорадически (Минская, Гомельская области) фиксируется термин *кукла* как название жатвенного обряда «борода»²³. В говорах Центральной Беларуси (Минская область), на витебско-смоленском и гомельско-брянском пограничье, а также на Смоленщине (Ернический, Починковский р-ны) *кукла* встречается в значении ‘пучок льна’²⁴.

Кривая неделя

В сообщении священника Михаила Юденича (с. Вежники Рославльского уезда, 1904 г.) перечисляются запреты на разные виды работ (в основном связанные с кручением, верчением, плетением), приуроченные к так называемым *сплошным неделям*²⁵.

Много суев'ёр у крестьян: во всѣ сплошныя недѣли до среды нельзя ничего крутить, напр. плести лапти, вить веревки и пр., прядь нельзя въ пятницу; во всѣ Святки старое поправлять нельзя; оть Пасхи до Вознесенья – вечеромъ огня не зажигать; в недѣлю предь Духовским днемъ (кривую) нельзя ничего крутить, т.е. работать съ верчениемъ; если же въ указанные дни будешь что ниб.[уды] крутить, то в хозяйствѣ появится уродъ и тогда в Крещенскую коляду нужно переделать работу. Подъ Вел.[икий] Четвергъ вечеромъ крестьянки выносят подъ крышу мыло, воду и соль, утромъ въ четвергъ снимають и берегутъ въ теченіи года какъ вѣрнѣйшее средство отъ суроць (дурного глаза)²⁶.

В этом сообщении привлекает внимание народное название недели перед Духовым днем (перед Троицей) – *кривая*. Семантика хрононимов с корнем *-крайв-* подробно описана С.М. Толстой [Толстая 1998]. Благодаря этой работе локальный хрононим может быть представлен на более широком фоне соседних традиций.

По наблюдениям С.М. Толстой, в белорусской и западнорусской традиции термин *кривая неделя* может относиться к Святкам, Масленице, Духовской (Троицкой, Русальной) неделе; к этому времени приурочены запреты «чинить старое, городить изгородь, вить, поправлять в колесах» [Там же, 221]. Ср. другие названия «*кривых*» недель, например, в Полесье: *каляды, масленая и усередная* – кривые, опасные недели (гомел. ветков.), *Середняя, середная*

¹⁹ Даль 2, 213. Синонимами выступают: *зáвертка, зáкрутка, закрúта*. Ср. в белорусских говорах (минско-гомельское пограничье): *закрутэя, закрутня, завітак* (Азим-заде 1976, 58).

²⁰ СРНГ 16, 36.

²¹ СБГПЗБ 2, 561, ср. также с. 558–559.

²² Азим-заде 1976, 62.

²³ ЛАБНГ 3, карта № 270. Подробнее об ареальном распространении наименования *кукла* в значении «борода» на территории Беларуси см.: Антропов 2008, 34–35.

²⁴ ЛАБНГ 4, карта № 150; ССГ 5, 125.

²⁵ Сплошные седмицы – недели, в которые отменен пост в среду и пятницу, они же *всеедные*; в них входят: Рождественские святки, Всеядная неделя (Седмица о мытаре и фарисее), Сырная седмица, Светлая седмица, Троицкая седмица.

²⁶ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 46.

неделя — третья от конца мясоеда неделя перед Великим постом (житомир., олев., овруч.; ровен. рокитн.), *Всеедная, Всередная* неделя (брест. столин.; ровен. дубровиц.)²⁷.

На Смоленщине к «кривым» относится еще и пасхальная неделя: «Кривые недели — две недели Святок, Святая неделя после Христова дня, Духовская и масляница»²⁸. Но, как следует из сообщения из Рославльского уезда, в этой микролокальной традиции *кривой* называется неделя перед Духовым (Духовским) днем, то есть *Семицкая* неделя, предшествующая Троице. Хотя толкование термина, предложенное в ССГ, говорит, что в ряде районов Смоленской области (Смоленский, Монастырщинский, Починковский, Краснинский, Хиславичский) *кривая неделя* — это неделя после Духова дня, заметим, однако, что из приведенных в ССГ примеров совсем не следует, что речь идет о периоде после Духова дня²⁹.

В продолжение темы о «точечных сюжетах» (ранее была рассмотрена типология и география фольклорных сюжетов и мотивов, связанных с локальными персонажами народной демонологии и специфика их бытования на русско-белорусском пограничье) [Белова 2018] приведем несколько лексем, относящихся к области народно-мифологических представлений.

Рахманный

В 1864 г. на страницах газеты «Смоленские губернские ведомости» Н. Ельчининов публикует «Краткий сборник местного крестьянского наречия в Бельском уезде». Некоторые особенности этой словарной подборки уже рассматривались в одной из публикаций [Белова 2023, 165–169]. Здесь же обратим внимание лишь на одну пару лексем: «*Рахманный – смирный*» [Там же, 168].

Западнорусское диалектное *рахманный*, а также бел. *рахманы*, ст.-бел. *рахманный, рохманый*, укр. *рахманий* имеют ряд схожих значений: ‘тихий’, ‘смирный’, ‘спокойный’, ‘покладистый’ (ср. также пол. *rochmannu* ‘о ручном звере’)³⁰. В говорах Смоленщины *рахмáный* ‘смирный, спокойный (о животных); тихий, смиренный, кроткий (о людях), не бойкий, нерасторопный, вялый’; *рахмáнина* ‘о смиренном спокойном человеке’; *рахманю́га* ‘о смиренном спокойном человеке’; *рахмáно* ‘тихо, спокойно’³¹. В Мстиславльском районе Могилевской области *рахмáный* также означает ‘тихий, спокойный’: «Твой сын такей рахманы, што нікому і вады ні замуціць»³².

Отмечая большую семантическую близость эпитета *рахманный* к *блаженны*, А.Ф. Журавлев указывает на факт заимствования слова из греч. *βράχμανοι* ‘брахманы’ и распространение его под влиянием книжных памятников — сказаний об Александре Македонском и др. [Журавлев 2005, 451–452]³³. Добавим, что сведения о мифическом блаженном народе рахманов (*рахмани, рохманы*,

²⁷ Толстая 2005, 56–57, 128, 229.

²⁸ Добровольский 1914, 359.

²⁹ ССГ 5, 106.

³⁰ См.: ЭСБМ 11, 153. Согласно наблюдениям А.Ф. Журавлева (с опорой на словарь Даля), значения рус. диал. *рахманный* по регионам находятся в дополнительном распределении: ‘на юго-зап. и ю.-вост. от Москвы ‘вязкий, хильный, неразвязный; смиренный, скучный, простоватый, глуповатый, нерасторопный’, на сев. и вост. ‘веселый, разгульный, беседливый, хлебосольный, тороватый, чтивый’, зап. ‘тихий, кроткий, смиренный, ручной’ [Журавлев 2005, 451].

³¹ ССГ 9, 123.

³² Балькевич 1970, 387.

³³ Ср. версию о заимствовании из турецк. *rahman* ‘милосердный, сострадательный’, которое восходит к арабскому [Журавлев 2005, 452]. Ср. также версии о заимствовании из древнееврейского или татарского (через турецкий из арабского) — ЭСБМ 11, 153.

врахмани), обитающем на краю света, были довольно широко распространены как в книжной, так и в устной традиции восточных славян благодаря таким сочинениям, как Хронографическая Александрия (середина XIII в.), Хроника Георгия Амартола (славянский перевод X–XI вв.), словари-азбуковники XVI–XVII вв., переведенный с латинского «Луцидариус» и особенно переводной (с греческого) апокриф «Хождение Зосимы к ра�ахманам» (древнерусские списки с XIV в.), известный и во многих устных версиях³⁴.

Однако устная легенда о ра�ахманах распространена в основном на юго-западе Украины [Агапкина 2002, 283, 570], на русско-белорусском пограничье сюжет не фиксируется. Соответственно, отсутствует здесь и характерный для Подолии, Галиции, Гуцульщины, Буковины хрононим *Рахманьский Великден* («Рахманская Пасха», приходится на Преполовение Пятидесятницы) [Там же, 281–285]. Севернее, в белорусском Полесье распространен хрононим *Навский Великден* («Пасха навий», «Пасха мертвых»), который приходится на троицкий четверг и связан с практиками поминовения предков [Там же, 283].

Таким образом очевидно, что лексема *ракхманий* из смоленских говоров относится к семантическому полю «тихий, спокойный», характерному для южно- и западнорусского регионов, но не подкрепляется ни легендарным сюжетом, ни хрононимом.

Аржаница и кутейница

В фонде «Фольклор Смоленщины» АЛМ СмолГУ в записи былички из Велижского района обнаружены два редких мифонима — названия персонажей народной демонологии.

Говорят, что домовые могут жить в доме, и их никто не видит, в образе змеи. Рассказывали, был такой случай. Девка пошла жать в поле рожь. Жнет и слышит: «Скажи кутейнице, что аржаница родила». Девка вначале подумала, что ей просто почудилось. Перекрестилась и жнет дальше, и опять тот же голос говорит: «Скажи кутейнице, что аржаница родила». Страшно ей стало. Тут она бросила жать и пошла домой. Как уходила с поля, змея черная толстая переползла дорогу. Как только пришла она домой, сразу рассказала мамке то, что слышала. Только сказала последнее слово, как с кута выползает змея, похожая на ту, которую она видела в поле, и через всю хату поползла к порогу.

Старики объяснили, что это домовая змея — кутейница — поползла в гости (в навиды³⁵) к аржанице — полевой змее³⁶.

Сюжет о том, как мифологический персонаж просит человека передать весть другому мифологическому персонажу, бытует довольно широко. В зависимости от локальной традиции героями былички становятся разные локальные духи. На Смоленщине известен рассказ о том, как «полевая хозяйка» — *паляха* — сначала указывает крестьянкам, где найти потерявшихся телят, а потом просит передать «домовой хозяйке» — *дамахе* — весть о смерти другой *паляхи*: «Скажитя, маладушички, Дамахи, што умёrlа Паляха»; при получении этого известия в доме кто-то невидимый заголосил «приятным голосом» и пошел вон из избы³⁷. В велижском варианте змея-аржаница просит передать змее-кутейнице весть о прибавлении в семействе.

³⁴ Белова 2001, 216.

³⁵ Ср.: *Нáвиды, нáвиды* — посещение роженицы родными и знакомыми (твер., псков., смолен.), *ушла по нáвидам* — СРНГ 19, 166; посещение родильницы не ранее четвертого дня, с гостинцами (псков., твер., зап.) — Даль 2, 386. На Смоленщине зафиксировано в Краснинском, Смоленском, Велижском, Демидовском районах: «Нáведы, ходить (идти) в нáведы — навестить с подарком роженицу — *Уся дяреуня у нáвиды хадила к мамки; идуть у нáвиды*», см. ССГ 6, 140.

³⁶ АЛМ СмолГУ. Велиж 1/6. Тетр. 5. Л. 18 (записано в 1993 г. в д. Колотовщина Велижского р-на от Игнатьевой А.К. (1926 г.р.) Ивановой О.К.). В сильно отредактированном виде и с купюрами опубликовано в: Кошелев 1997, 190.

³⁷ Добровольский 1891, 91–92.

В настоящее время трудно установить, насколько характерно для смоленской традиции имя *аржаница* применительно к полевому духу в змеином облике. По данным ССГ, имеется термин *аржаніще* ‘поле, с которого убрана рожь’³⁸, ср. в том же значении бел. могилев. *аржанішча*³⁹, а также бел. витеб. *аржаніна* ‘ржаной хлеб’, *аржаны* ‘ржаной’⁴⁰.

Что касается второго персонажа – *кутихи* (домовой змеи), то на севере России есть немногочисленные свидетельства о *кутихе* (*кутинье*) – домовом духе, обитающем под печным углом⁴¹. Согласно новгородской быличке, некто, похожий на маленького человечка, выскочив из-под стога, закричал проходившей мимо бабе: «Дорожиха, скажи кутихе, что сторожихонька померла». Когда баба рассказала об этом дома, из подполья вышло что-то черное вроде человечка с причитанием «Ой, сторожихонька!», бросило бабе новину полотна и пошло вон⁴².

Другая пара подобных мифологических персонажей зафиксирована в быличке, записанной в Крупском районе Минской области, – это сёстры-змеи *кутавіца* и *межавіца*: «Адна жыве на куце, а другая на мяжэ». Домовая змея *кутавіца* мстит человеку, убившему ее полевую сестру, задушив его⁴³.

Мат

В материалах фонда И.И. Орловского в ГАСО встретилось свидетельство еще об одном уникальном мифологическом персонаже. В 1904 г. из Сычёвского уезда Смоленской губернии в коллекцию Орловского поступила рукопись священника Алексея Скворцова «Историко-статистическое описание прихода села Милюкова⁴⁴», датированная 7 января 1874 г.⁴⁵ «Описание» Алексея Скворцова в полном объеме никогда не публиковалось и лишь частично использовалось, спустя десять лет после написания, в статье «Приход села Милюково» в № 21 «Смоленских епархиальных ведомостей» за 1884 г.⁴⁶

Рассуждая о верованиях местных крестьян, автор отметил: «Все вообще прихожане и верят и не верят в колдовство, домовых, лесовых, матов⁽¹⁾ (⁽¹⁾ – примеч. корреспондента. – О.Б.) Мат – это демонское существо, которое по темняет ум, заводит человека на пути не туда, куда идти следовало»⁴⁷.

Рукопись Скворцова – единственный на сегодняшний день смоленский источник с упоминанием этого мифологического персонажа и его имени. В словаре В.Н. Добропольского находим лишь *мат* ‘голос’⁴⁸, ср. ‘громкий голос, крик’ (псков., смолен.); *сделаю лихим матом* ‘кричать, реветь’ (псков., смолен.)⁴⁹, а также *матыно* ‘противно’ (смолен.)⁵⁰. Сомнение в существовании

³⁸ ССГ 1, 85. Ср. также: *аржаница* ‘ржаное поле’ (твер.), ‘ржаная солома’ (псков.); *арженина* ‘ржаная солома’, *арженуха* ‘ржаной хлеб’ (Даль 1, 22) и *аржаница* – травянистое растение семейства злаков, *Heleochoea Host ex Roem.*

³⁹ Бялькевич 1970, 57 (зафиксировано в Мстиславльском районе, на могилевско-смоленском пограничье).

⁴⁰ Каспярович 1927 (2011), 24.

⁴¹ Власова 2000, 276. Ср.: *кутинья* (сев.-двин.) – по народному поверью, дух женского пола, обитающий в углу дома – СРНГ 16, 169.

⁴² Максимов 1903, 79.

⁴³ ТМКБ 5/2, 479–480.

⁴⁴ Ныне Новодугинского района Смоленской области.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 80–111.

⁴⁶ См.: Каплинский 2021.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 5. Л. 103об.

⁴⁸ Добропольский 1914, 403.

⁴⁹ СРНГ 18, 19.

⁵⁰ СРНГ 18, 29. Ср.: *мат* ‘неприятно, противно’ (perm.) – ЭССЯ 18, 10 и *мотоха* (perm.) ‘напрасная траты времени’, *мотошино* (ладож.) ‘неудобно, неловко’ – СРНГ 18, 303.

слова *мат* в значении ‘громкий голос, крик’ высказал А.Б. Страхов, подчеркнув, что оно «совершенно однородно примерам наречного употребления слова *мáтом* и, таким образом, просто не существует» и реконструировано собирателями лексики из оборотов с формой *матом* в функции наречия [Страхов 2023а, 214].

Иное дело – имя мифологического персонажа. Хронологически близкая параллель к уникальному смоленскому *мат* как обозначению демонического существа, наводящего морок на человека, обнаружилась в материалах из с. Курилово Череповецкого уезда Новгородской губернии (публикация 1893 г.): «Мат, манить, приманило – Призрак, привидение; представилось что-нибудь сверхъестественное»⁵¹.

Благодаря этому источнику *мат* как обозначение призрака (привидения) вошло в словари⁵². В.А. Меркулова сближает эти значения с рус. диал. *матить* ‘чуть-чуть виднеться, слабо отмечаться, чуть-чуть припоминаться, бредить’ (сев.-двин.), ‘надоедать, наскучивать, досаждать’ (perm.)⁵³. Более дальняя параллель прослеживается в западнославянских языках, ср. чеш. *mátat* ‘страшить, пугать’, *matoha* ‘привидение’, пол. *matać* ‘обманывать’⁵⁴.

Следует отметить также еще одно региональное (псков., смолен.) значение лексемы *мат*, связанное с представлением о недуге и близкой смерти – ‘тяжелое физическое состояние, последние дни, конец’⁵⁵; то же у Даля: ‘крайнее, гибельное положение, беда и конец’ – «Ему пришел мат, пришло дело к мату. Дожили до мату, что ни вина (ни хлеба), ни табаку!»⁵⁶.

А.Б. Страхов обосновал положение, согласно которому *мат* – это интенсивное образование (с удлинением корневого гласного) от *мотать* [Страхов 2023б, 84]⁵⁷. Именно предполагаемая связь с *мотать* (ср. *мóтом* ‘с трудом’), по мнению А.Б. Страхова, способствует пониманию мотивированности значений ‘труд, работа’ и ‘тяжелое физическое состояние; конец’ у слова *мат*: «Смотали, укатали молодца крутые горы; ходнем хаживал, набежал мат – постельке рад»⁵⁸. К этим значениям близки: *мат* ‘противно’ в функции безличного сказуемого (*мат смотреть*) и *мат* в значении ‘дурной’⁵⁹ [Там же].

В отношении значения лексемы *мат* ‘призрак, привидение’ вывод А.Б. Страхова таков: семантические отношения *мат* ‘призрак’ : *мотать(ся)* напоминают отношения *блуд* (в значении ‘нечистый дух’)⁶⁰ : *блуждать*. Данное заключение подтверждает неслучайность и мотивированность рассматриваемого нами редкого демонима *мат*, зафиксированного пока только в двух микролокальных традициях.

Таким образом, судьбу регионального смоленского демонима и персонажа, который стоит за этим именем, еще предстоит выяснить. Решению этой

⁵¹ Герасимов 1893, 381.

⁵² СРНГ 18, 20; ЭССЯ 18, 10.

⁵³ ЭССЯ 18, 10. Ср. также *матый* (бездл.) ‘о состоянии незддоровья, недомогания; тошнит, мутит’ (Там же).

⁵⁴ ЭССЯ 18, 10.

⁵⁵ СРНГ 18, 19.

⁵⁶ Даль 2, 306.

⁵⁷ Ср. диал. *матásться* ‘качаться; мотать головой; кривляться; бродить без цели’, *мотásать(ся)* ‘качать, мотать из стороны в сторону’, *мотосаться* ‘качаться; жить разгульно’, *мотошиться* ‘шевелиться’ – СРНГ 18, 21, 296, 303.

⁵⁸ СРНГ 18, 19.

⁵⁹ СРНГ 18, 20.

⁶⁰ Отметим, что *блуд* ‘злой дух, нечистая сила, леший’ на территории Смоленской области фиксируется в 15 районах из 25. См. Азим-заде 1976, 46.

загадки будут способствовать как дальнейшие архивные разыскания, так и записи живого народного слова.

В заключение хотелось бы констатировать перспективность изучения подобных языковых раритетов. «Осколки» лексического и фразеологического фонда языка традиционной культуры не только проясняют географию бытования того или иного поверья, обряда или персонажа в прошлом. Они также являются маркерами, благодаря которым современный исследователь может фиксировать границы диалектных микроареалов, уточнять географию бытования лексических единиц при утрате их этнографического контекста (например, обряда). Живое бытование на этнокультурном и языковом пограничье лексем, семантика которых связана с традиционной духовной культурой, является подспорьем в изучении «пограничных» форм обрядности и фольклорных текстов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ (АРХИВЫ)

АЛМ СмолГУ – Архив Литературного музея Смоленского государственного университета. Фонд «Фольклор Смоленщины» (г. Смоленск).

ГАСО – Государственный архив Смоленской области (г. Смоленск).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Азим-заде Э.Р. Мифологическая лексика в белорусском языке. Дипломная работа М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, 1976. 96 с.

Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2001. 320 с.

Бялыкевич І.К. Краёвы слоўнік ўсходняй Магілёўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1970. 511 с.

Власова М.Н. Русские суеверия. СПб.: Азбука, 2000. 672 с.

Герасимов М. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1893. Вып. 3. Отд. 2. С. 374–388.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978–1981. Т. 1–4.

Добропольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1891. 716 с.

Добропольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. Ч. 4. СПб.: Типография А.В. Васильева, 1903. 720 с.

Добропольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1914. 1022 с.

Каплинский В. Кладезь сельской истории (Историко-статистическое описание прихода села Милюкова Сычевского уезда Генваря 7 дня 1874 года) // [https://smolbattle.ru/threads/c-Милюково-Новодугинский-район-Смоленская-область\(2021\).69653/](https://smolbattle.ru/threads/c-Милюково-Новодугинский-район-Смоленская-область(2021).69653/). Дата обращения: 1 марта 2024 г.

Касцяяровіч М.І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы). Віцебск: Заря Запада, 1927 (переиздание – Минск, 2011). 372 с.

Кошелев Я.Р. Народное творчество Смоленщины. Смоленск: Смядынь, 1997. 239 с.

ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Мінск: Фонд фундаментальных даследаванняў рэспублікі Беларусь, Міністэрства архітэктуры і будаўніцтва Рэспублікі Беларусь, 1993–1998. Т. 1–5.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Глике и А. Вильборг, 1903. 529 с.

МАС – Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1–4.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1982. 816 с.

СБГПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходній Беларусі і яе паграничча. Т. 2. Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 728 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–22); Ф.П. Сороколетов (вып. 23–42); С.А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.:Наука, 1965–. Вып. 1–.

СС – Слоўнік Сенненшчыны / уклад. Н.М. Бунько [і інш.]. Т. 1 (А – К). Мінск: Беларуская наука, 2013. 279 с.

- ССГ – Словарь смоленских говоров / отв. ред. Л.З. Бояринова, А.И. Иванова. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса / СмолГУ, 1974–2005. Вып. 1–11.
- СТСРР – Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 508 с.
- ТМКБ 5/2 – Традыцыйная маствацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5: Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 2 / ідэя і агул. рэд. Т.Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2011. 911 с.
- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. 600 с.
- Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караполов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М.: [Московский государственный лингвистический университет], 2004. 800 с.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск: Беларуская навука. 1978–. 1–.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина Т.А. Мифopoетические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
- Антропов Н.П. Номинации белорусской дохинальной “бороды” в картографическом аспекте // Живая старина. 2008. № 4. С. 33–36.
- Белова О.В. О «точечных» сюжетах русско-белорусского пограничья // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў / рэд. У.А. Лобач. Наваполацк: ПДУ, 2018. С. 160–169.
- Белова О.В. Словари «народного языка» русско-белорусского пограничья: по материалам из Государственного архива Смоленской области (начало XX в.) // Белова О.В., Мороз А.Б., Ясинская М.В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М.: Неолит, 2023. С. 164–178.
- Вендина Т.И. Типология лексических ареалов Славии. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 692 с.
- Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М.: Индрик, 2005. 1004 с.
- Страхов Александр Б. По страницам словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // Страхов Александр Б. Очерки по восточнославянской народной лексике. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023a. С. 171–292 (Palaeoslavica 2023. Vol. 31. No. 1).
- Страхов Александр Б. Сила слова: заложный покойник и матерная брань // Страхов Александр Б. Очерки по славянской этнолингвистике и этнографии. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023. С. 71–84 (Palaeoslavica. 2023b. Vol. 31. No. 2).
- Толстая С.М. Культурная семантика слов. *kriv- // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Т. 2 / редкол. Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. М.: Индрик, 1998. С. 215–229.
- Толстая С.М. Диалектные ареалы литературных слов (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 577–588.

Рукопись поступила в редакцию 27.03.2024

Рукопись принята к печати 01.08.2024

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Mifopoeticheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendarja. Vesenne-letniy tsikl.* Moscow, Indrik Publ., 2002, 816 p. (In Russ.)
- Antropov N.P. Nominatsii belorusskoi dozhinal'noi «broody» v kartograficheskem aspekte. *Zhivaia starina.* 2008, № 4, pp. 33–36. (In Russ.)
- Belova O.V. O «tochechnykh» siuzhetakh russko-beloruskogo pogranich'ia, *Belaruskaje Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh daslедавannia,* ed. U.A. Lobach. Navapolatsk, PDU Publ., 2018, pp. 160–169.
- Belova O.V. Slovari «narodnogo iazyka» russko-beloruskogo pogranich'ia: po materialam iz Gosudarstvennogo arkhiva Smolenskoi oblasti (nachalo XX v.). Belova O.V., Moroz A.B., Yasinskaia M.V. *Slovo ustnoje i slovo pis'menoje v iazyke etnokul'turnogo pogranich'ia.* Moscow, Neolit Publ., 2023, pp. 164–178. (In Russ.)

- Strakhov Aleksandr B. Po stranitsam slovaria russkikh narodnykh govorov (zamechaniia, popravki, soobrazheniya). Strakhov Aleksandr B. *Ocherki po vostochnoslavianskoi narodnoi leksike*. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023a, pp. 171–292 (Palaeoslavica, 2023, vol. 31, no. 1).
- Strakhov Aleksandr B. Sila slova: zalozhnyi pokoinik i maternaia bran'. Strakhov Aleksandr B. *Ocherki po slavianskoi etnolingvistike i etnografii*. Cambridge – «Palaeoslavica» – Massachusetts, 2023b, pp. 71–84 (Palaeoslavica, 2023, vol. 31, no. 2).
- Tolstaya S.M. Kul'turnaia semantika slav. *kriv-. *Slovo i kul'tura. Pamiati Nikity Il'jicha Tolstogo*, vol. 2, ed. T.A. Agapkina, A.F. Zhuravlev, S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 215–229. (In Russ.)
- Tolstaya S.M. Dialektnye arealy literaturnykh slov (Zametki na poliakh «Leksicheskogo atlasa belorusskogo iazyka»). Tolstaya S.M. *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i etnolingvistike*. Moscow, Indrik Publ., 2019, pp. 577–588. (In Russ.)
- Vendina T.I. *Tipologija leksicheskikh arealov Slavij*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2014, 692 p. (In Russ.)
- Zhuravlev A.F. *Iazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A.N. Afanas'jeva «Poeticheskie vozzreniya slavian na prirodu»*. Moscow, Indrik Publ., 2005, 1004 p. (In Russ.)

Received on 27.03.2024

Accepted on 01.08.2024

Информация об авторе:

Белова Ольга Владиславовна

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник
Институт славяноведения Российской
академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Information about the author:

Olga V. Belova
DSc. (Philology),
Principal Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-5221-9424
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

Славяноведение, 2024, № 6, с. 34–52
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 34–52

DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH

Оригинальная статья / Original Article

У зла много имен: *ѓавол, натемаго, даескраја* (к вопросу о македонских демононимах)

© 2024 г. Е.В. Верижникова^{1,*}, А.И. Чиварзина^{2,**}

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

²Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация\)

*eluska@mail.ru

**mss-vah@yandex.ru

Аннотация. По христианским и околохристианским народным представлениям, дьявол является воплощением зла и причиной несчастий в мире, а потому его имя подлежит табуированию. Материал македонских сказок, апокрифических легенд и быличек содержит многочисленные эвфемизмы, которые используются в качестве его номинаций. Помимо собственных и заимствованных (*враг, бес; сотона, ѓавол* и др.), а также метафорических народных атрибутивов (*рогатиот, куциот, едноногиот, нечестивиот, црвениот* и др.), среди моделей номинации встречаются и сращения, восходящие к формулам проклятия и оберега (*натемаго, даескрајата*). В статье рассматриваются обозначения дьявола в македонском языке, а также происхождение демононимов, трансформация их значений и функционирование в современном узусе.

Ключевые слова: этнолингвистика, народная демонология, македонский язык, демононимы, фразеология и паремиология, дьявол.

Ссылка для цитирования: Верижникова Е.В., Чиварзина А.И. У зла много имен: *ѓавол, натемаго, даескраја* (к вопросу о македонских демононимах) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 34–52. DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH

Evil has Many Names: *Davol, Natemago, Dajeskraja* (On the Issue of Macedonian Demononyms)

© 2024. Elena V. Verizhnikova^{1,*}, Alexandra I. Chivarzina^{2,**}

¹Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

²Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*eluska@mail.ru

**mss-vah@yandex.ru

Abstract. According to the Christian and folk religious beliefs, the devil is the embodiment of evil and the cause of misery in the world, and therefore his name is subject to

taboo. The material from Macedonian fairy tales, folk narratives and Christian legends testifies to the numerous euphemisms that are used in this meaning. In addition to proper names and borrowed nominations (*vrag, bes; sotona, davol* etc.), as well as figurative folk attributes (*rogatiot, kuciot, ednonogiot, nečestiviot, crveniot* etc.), among the nomination models there are also examples of word fusion that go back to the formulas of curse and verbal amulet (*natemago, daeskrajata*). This article conciders the designations of devil in the Macedonian language, the stages of the origin of demononyms, the transformation of their meanings and functioning in contemporary Macedonian usage.

Keywords: ethnolinguistics, folk demonology, Macedonian language, demononyms, phraseology and paremiology, devil.

For citation: Elena V. Verizhnikova, Alexandra I. Chivarzina. Evil has Many Names: *Davol, Natemago, Dajeskraja* (On the Issue of Macedonian Demononyms) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 6. P. 34–52. DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH DOI: 10.31857/S0869544X24060033, EDN: XHDTBH

В македонском языке, как и во всех славянских, зарегистрировано большое количество наименований дьявола / черта, различных по происхождению, способу номинации, широте употребления, словообразовательной модели, потенциалу полисемии, и т.д. Причины множественности номинаций очевидны: древность и многослойность образа, его семантика, обуславливающая эвфемизацию. Персонаж – продукт взаимодействия «церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла, и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве. В народной демонологии трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [Березович, Виноградова 2012, 519].

Образу дьявола у восточных и южных славян посвящена обширная научная культурологическая и этнолингвистическая литература (см. [Толстой 1995; Успенский 2012 и др.])¹. Предметом же нашего интереса являются прежде всего названия и имена персонажа, поэтому вкратце напомним лишь основные его характеристики, существенные для его номинаций.

Основным наименованием является лексема ёавол. Заимствование давно освоено и функционирует и в богословских сочинениях, и в фольклорных текстах. В македонском, как и в других южнославянских языках, отсутствует лексема, восходящая к праслав. *չъртъ, представленная в западно- и восточнославянских². Лексемой ёавол может обозначаться как восставший против Бога ангел, царь ада и повелитель темных сил, так и многочисленные бесы и всевозможные хтонические существа. Ёавол также – олицетворение и источник мирового зла, вредоносная и злокозненная сила, противостоящая добру в лице Бога или ангела. Это и источник человеческих бед, и, по выражению С.С. Аверинцева, космический провокатор, подстрекатель и соблазнитель, толкающий на путь греха [Аверинцев 1992, 412]. Македонские народные тексты (пословицы, поговорки, сказки и т.д.) иллюстрируют комплексность и противоречивость

¹ Так, например, образ, функции, наименования черта в восточнославянских языках, и в частности в Полесье, подробно рассмотрены в отдельной главе фундаментального труда по Полесской демонологии Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской [Виноградова, Левкиевская 2019], на южнославянском материале – в статьях Л. Раденковича [Раденкович 2011, 2014], на македонском – в книге по македонской демонологии Т. Вражиновского [Вражиновски 1998 1, 231–236].

² «Наблюдения над славянским материалом при поддержке общих наблюдений над универсальной тенденцией уклончивого называния нечистой силы позволяют толковать слав. *չъртъ как инновацию праслав. временем, охватившую зап.- и вост.-слав. языки, но не охватившую ю.-слав.» [ЭССЯ 4, 165].

семантики образа, воплощающего в том числе наивные представления о природе зла вообще как характеристику бытия (зло как несчастье): «Ѓаволот ги има замешано прстите» (Дьявол руку (букв. ‘пальцы’) приложил).

Зло противостоит добру на всех уровнях: высшем, ангельском, и человеческом: «Еден чоек што не оди по Бога, тој ќе оди по ѓаола» (Тот, кто не идет за Богом, идет за дьяволом); «На чело Ристоса, в пазва ѓаоли» (На челе Христос, а за пазухой черти); «На правјот анѓелот, а на кривјот ѓаолот му поможвит» (Правому ангел, а виноватому дьявол помогает); «Пред тебе светец, зад тебе ѓаол» (В лицо глядит святым, а за спиной – дьяволом оборачивается)³ Следование за дьяволом может представляться как сознательный выбор человека одной из сторон дилеммы добро/зло, что отражается в паремиях: «Се збратими со ѓаволот» (Побрался с дьяволом); «Се сврти кон ѓаволот» (Повернулся в сторону дьявола); «Се фатил со ѓаволот под рака» (Взялся с дьяволом под руку); «Со ѓаволот е ортак» (Он дьяволу напарник); «Трагата на ѓаволот не се гледа, а многумина одат по неа» (Дьявольского следа не видно, но многие по нему идут)⁴, «Биди му на ѓаволот другар, ако сакаш да те турне в бунар» (букв. Дружи с дьяволом, если хочешь, чтобы он тебя сбросил в колодец)⁵.

В то же время, зло выступает как иррациональная сила, помимо воли толкающая человека на совершение неблаговидных поступков: «Го дупна ѓаволот. Ѓаволот го надупи (натера)» (Черт его дернул); «Го зеде ѓаволот. Го зедоа (зеле) ѓаволите» (Его черт / черти взяли в оборот, с толкованием: Стал вести себя как не следует, встал на дурной путь)⁶.

Дьявол может завладеть человеком (конкретным индивидом или всем родом человеческим), стать его временной или постоянной составляющей. «Му влегол ѓаволот <во умот>. Му влегол ѓаволот под капа. Му влегол ѓаволот под кожа» (Черт вселился <в голову> / под шапку / под кожу)⁷. В фольклоре находим сюжеты, как дьявол становится неотъемлемой частью человеческой природы через съеденное: например, в сказке «Човекот што ја изеде ќерка му од ѓаолот како јаболко» (Человек, который съел дочь дьявола в виде яблока)⁸, здесь очевидна связь с историей грехопадения.

Интересно, что в рамках известного феномена, пословичной «полемики», когда одно и то же может в одной паремии утверждаться, в другой отрицаться, а в третьей оказываться одинаково верным или неверным [Мечковская 1998, 60; Пермяков 1970, 25]⁹, дьявол с одной стороны – виновник всех бед и скверных поступков человека, а с другой – не во всех грехах и глупостях виноват он: «Ѓаволот ли ја научи бабата да се качи на дрен и да падне?» (Разве черт подговорил старуху залезть на кизиловое дерево и упасть с него?).

1. Основные номинации: ѓавол, враг, бес, сатана / сотона

1.1. ѓавол

Основным и универсальным наименованием дьявола в македонском языке выступает ѓавол от греч. διάβολος (нар. ѓаол, орф. варианты в докодификационных записях и публикациях македонских фольклорных и поучительных

³ ГМ.

⁴ФРМЈ I, 311; БВ, 205.

⁵БВ, 31.

⁶ФРМЈ I, 306.

⁷ФРМЈ I, 309.

⁸СБНУ I, 98; МЦ 4, 221–223.

⁹БВ, 60.

текстов: *гъавол, гъаол, дявол, дїаволъ, дїаволъ, дјавол*). О широком употреблении лексемы свидетельствуют материалы М. Цепенкова, К. Шапкарева, Т. Вражиновского, дидактические тексты И. Кырчовского [Крчовски 1974] и К. Пейчиновича [Пейчинович 1816], произведения современной македонской литературы. Именно это наименование чаще всего встречается в пословицах, поговорках и проклятиях: «Тука се крие ꙗаволот» (Вот где собака зарыта, букв. Здесь-то и кроется дьявол); «Пукна ꙗаволот» (Дело пошло на лад, букв. лопнул дьявол); «Гавол да го носи (земе)» (Черт бы его побрал); «По ꙗаволите» (К чертям!); «Гаволот ни ора, ни копа (само бељи прави / само ги учи луфето да се нејќат)» (Дьявол не пашет, не копает, а только пакости делает / учит людей ненавидеть друг друга), т.е. зло не дремлет, беда всегда подстерегает человека¹⁰.

Лексема выступает как нарицательное существительное, обычно пишется с прописной буквы, при необходимости снабжается артиклем, употребляется и во множественном числе.

Словари македонского языка указывают для слова *ѓавол* два¹¹, три¹² и пять¹³ значений: авторы первых трех объединяют переносные значения в одно, а З. Мургоски не только их разделяет, но и различает религиозное и наивное представление: «ѓавол м. 1. (во христијанската, муслиманската и еврејската религија) дух, врховно олицетворение на злото; сатана. 2. лош дух; демон» (1. (в христианстве, мусульманстве и иудаизме) дух, верховное олицетворение зла; сатана. 2. злой дух; демон)¹⁴.

У слова отмечаются переносные значения (правда, не все словари снабжают их соответствующей пометой): ‘коварный, злой, безжалостный человек’ («Пази Боже од крстен ѓаол» (Сохрани, Боже, от крещеного дьявола))¹⁵ и ‘изворотливый человек, хитрец, шельма, бестия’: «Сиромав човек – жсив ѓавол» (Бедный человек – сущий дьявол), т.е. бедняк выкрутится в любой ситуации (ср. рус. «Голь на выдумки хитра»). Представляется, что не следует объединять эти значения, поскольку основания семантической деривации различны, они базируются на разных свойствах референта, точнее, на разных характеристиках концепта. Первая связана с существенным признаком, отраженным в толковании лексемы: злой, вредоносный. Второе же базируется на коннотациях¹⁶. В РМЈсхт все переносные значения толкуются как переносное – *како ѓавол* ‘как черт’¹⁷.

¹⁰ФРМЈ I, 305–312; БВ, 60.

¹¹РМЈсхт I, РМНП II, ТРМЈ I.

¹²DRMJ.

¹³ЗМ.

¹⁴ЗМ, 173.

¹⁵ГМ.

¹⁶ Под коннотацией мы, вслед за Ю.Д. Апресяном, понимаем «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ю понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него»; «коннотации характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях, метафорах или сравнениях, производных словах, фразеологических единицах, определенных типах синтаксических конструкций, семантических областях действия одних единиц относительно других» [Апресян 1995, II, 159, 163]. Ю.Д. Апресян обращает внимание на компаративность как на первое и главное внутриязыковое свойство коннотаций [Там же, 169].

¹⁷РМЈсхт, I, 161.

Между тем не все коннотации, связанные с рассматриваемым персонажем, негативные. Мы видели выше, что среди них есть положительно оцениваемые признаки ‘изворотливый, находчивый, ловкий, шустрой’ и даже ‘шутник’¹⁸: «Ит'р како некој ѓаол» (Хитрый как черт). Такие коннотации нашли выражение и в переносном значении диминутива ѓаволче ‘бесенок, озорник, проказник, егоза’, обычно о маленьких детях, но нередко и применительно к обольстительной, кокетливой, лукавой девушке.

У слова ѓавол большое словообразовательное гнездо (до 23 производных). Часть слов семантически мотивирована основным значением (ѓаволски, ѓаволов, ѓаволка), но немалая часть восходит к переносному значению «бесенок, егоза» (ѓаволест, ѓаволит, ѓаволица, ѓаволитина, зѓаволи), некоторые имеют оба, прямое и переносное, значения (ѓаволи глагол НСВ).

Как и в других языках, в македонском лексема ѓавол и содержащие ее выражения употребляются в бранной функции: «Ѓавол нека го земе» (Пусть идет к черту) — междометизация проклятия, сохранение эмотивной функции при снятии магической.

1.2. враг; бес

В македонском языке тот же референт может обозначаться лексемами славянского происхождения *vrag* < *vorgъ¹⁹ и *бес* < *běsъ²⁰. Оба слова, помимо обозначения нечистой силы, имеют еще, как минимум, по одному значению: ‘враг, недруг’ и ‘ярость, злоба, бешенство’ соответственно. Однако представляется, что направление развития семантики этих слов противоположно.

1.2.1. *vrag*

В старославянских памятниках фиксируются оба значения для **ВРАГЬ**, при этом исходным, по-видимому, следует считать значение ‘враг’, а производным, эвфемистическим, ‘дьявол’:

ВРАГЬ <...> враг перѣтіл: възлюбиши подроуга своего • і възненавидиши врагы своїа Mt 5, 43 Зогр, врага своего Map Acc Сав; <...> • перен. о дьяволе: прѣскврънъни бо врагъ родоу чл^ковѣчъскоу Супр 519, 16²¹.

В качестве первичного в старославянском языке это значение указывает П. Скок²², С. Поп-Атанасова и В. Костовска в словаре поэтических произведений Климента Охридского²³.

В современном языке значение ‘враг’ является редким, используются синонимы *неприятел*, *противник*, *душман*. Хотя все словари²⁴ приводят его как второе, не снабжая стилистической пометой, с нашей точки зрения значение следовало бы охарактеризовать как устаревшее или уходящее²⁵. Это значение у слова можно обнаружить в произведениях учившихся в России К. Миладинова, К.П. Мисиркова, а также в текстах 1940-х годов, под влиянием русского и/или болгарского языка²⁶ [Чундева 2017, 241]. Показательно, что в словаре македонской народной поэзии это значение не фиксируется²⁷.

¹⁸ DRMJ.

¹⁹ БЕР 1, 178–179.

²⁰ ЭССЯ 2, 89–91.

²¹ СтелС, 122.

²² Skok 3, 617.

²³ ЛптКО, 96–97.

²⁴ PMJсхт, TPMJ, ЗМ, DRMJ.

²⁵ О характеристиках и помете *уходящее* [Апресян и др. 1995, 74–75].

²⁶ Поиск осуществлялся по лемме *vrag* [DRMJ, дата обращения: 14.12.22].

²⁷ РМНП 1, 312.

Наряду с ёавол / ёаол, хотя и реже, враг встречается в паремиях: «Кој ојт по бога, викат до бога; кој ојт по врага, живејт ко ага» (букв. Кто ходит Божьим путем – к Богу взывает; кто ходит чертовой дорогой – живет как богач); «Не дава на Бога сус прсте, дава на врага сус грсте» (букв. Не дает Богу и с палец, черту же дает горстью); «Ни богу темјан, ни врагу колач» (Ни Богу свечка, ни черту кочерга, букв. Ни Богу ладан, ни черту калач); в проклятии «Да го носи врагот» (Черт его побери).

Часто в рамках одной паремии можно обнаружить «противопоставление» двух синонимичных лексем: «Бегал од ёаолот, паднал на врагот» (Из огня – да в полымя, букв. Убегал от дьявола, попал к черту); «Го остајл ёаолот, се нашол со врагот» (букв. Оставил дьявола, встретился с чертом); «Не би ёаол ами враг» (Один черт)²⁸.

Как полные синонимы употребляются лексемы ёаол и враг в охридской сказке «Влахот и врагот (ѓаолот)» в записи К. Шапкарева:

«Гъаолот іјдосан за измàмата, ногу се нальутил на ортàка си пријатеља. Тога Влаот му рèкол: аїде годинàава да посадиме друго нèшчо, та ти земи корèњата, а иас земам вјрфоите. Враѓот се стòрил кајл, та посèале жито. Кога уздрèало житото, Влаот, спроти збòрот, што си стòриле пòна-пред, зèл вјрхоите, – иклàсчето, сàмoto жито, а гъаолот – корèњата» (Раздосадованный обманом, дьявол страшно разозлился на своего друга напарника. Тогда влах (арумын) сказал ему: “Давай на этот год посадим что-нибудь другое, теперь ты возьмешь корешки, а я вершки”. Черт согласился, посеяли они пшеницу. Когда созрела пшеница, влах, как и договорились, взял вершки – колосья, само зерно, а дьявол – корешки)²⁹.

Кроме того, у лексемы враг, как и у ёавол, фиксируется значение: ‘ловкий, находчивый, остроумный, проказливый’. У деривата *враговщина* отмечено значение: *итрина, лукавство* ‘хитрость, лукавство’³⁰, а в качестве иллюстраций к глаголам *врагува* и *заврагува* – «се однесува итро, лукаво, се палави» (хитрить, лукавить, баловаться) – приводится пример: «Децата заврагуваа низ дво-рот» (Дети стали беситься во дворе)³¹.

Словообразовательное гнездо «враг» включает также диминутивы *враже* и *врагуле* / *вражсуле*, атрибутивные номинации *вражји* и *врагов*, глагол *вражса* в значении ‘1. ворожить, гадать 2. ползать, копошиться, шевелиться; шевелить че-л. 3. болтаться, таскаться’³² [БЕР возводит глагол к *враг*]³³, а от последнего фиксируются *вражалец*, *вражач* ‘колдун’.

Частотность слов, согласно платформе DRMJ: ёавол 1179, враг 6662³⁴.

1.2.2 бес

Развитие семантики слова бес имело противоположное направление. Л. Раденкович указывает, что изначально *bëss был общеславянским наименованием опасного духа. С принятием христианства значение лексемы распространилось на обозначение как дьявола, так и более мелких языческих божеств и их кумиров [Раденковић 2013, 13]. В демонологических исследованиях старославянский бес обычно рассматривается как прототип дьявола [Вражиновски 1998 1, 231].

²⁸ ГМ.

²⁹ СБНУ 2, 186–187.

³⁰ TPMJ II, 33.

³¹ TPMJ I, 300.

³² TPMJ I, 300; DRMJ.

³³ БЕР 1, 180.

³⁴ Правда, составители электронного словаря не уточняют, каким образом и на каком объеме корпуса подсчитывалась частотность. Указано лишь, что «Корпус представляет собой собрание произведений македонской литературы в оцифрованной форме, выложенных в свободный доступ» [DRMJ].

В XII–XVI вв. именно это значение было главным, что отражено в РЦСЈмр³⁵, в дидактических произведениях: И СЪ ЄЛИКА РАДУЕТ СЕ БѢСѠВЄ ЄГДА СІА ТВОРИМ (Крнинский дамаскин)³⁶.

Словари современного языка³⁷ указывают значение ‘дьявол’ как четвертое после ‘гнев, злоба, ярость’, ‘бешенство’ и ‘страсть’, а ЗМ не приводит вовсе. Примечательно, что это значение отсутствует в РМНП³⁸ и в [Макаријоска 2016, 134].

Семантический механизм такого развития значения ‘бес → гнев, ярость, бешенство’ очевиден. Измененное психическое состояние приписывается одержимым бесом (бес вселился). Аналогичное развитие семантики наблюдается и в соседних южнославянских языках, но с иной иерархией значений. В македонском и сербском основное значение – ‘гнев, ярость’, в болгарском – *бяс* ‘бешенство’, диалектное для македонского, в котором стандартная лексема для обозначения болезни *беснило*.

В искомом значении слово обнаруживается в пословицах: «Бес бараše, два си најде» (Получил по заслугам, букв. Черта искал, двух нашел), «Бесот да го истреби» (Побей его черт), в эмоциональном восклицании «За каков бес!» (Какого черта!)³⁹.

1.2.3. *сатана/сотона*

Наименования *сатана*, *сотона* (последнее приводится только в DRMJ и в РМЈсхт с отсылкой на *сатана*) чаще всего выступают как нарицательные существительные мужского рода. Они присоединяют artikel и имеют множественное число: «Сотона, нога крива гром да му ја сотре, ги потерал пред себе» (Сатана, разрази гром его кривую ногу, погнал их перед собой) [С. Јаневски «Кловнови и луѓе»]; «А овие изрипаа од дупка како сотони од пекол, па, ти си ни кум!» (А эти повышали из ямы, как черти из ада, и на тебе – ты теперь наш кум!) [В. Ильоски «Чорбаци Теодос»].

Сатана – заимствование из греч. *σατανᾶς* из др.-евр. *sātān*⁴⁰. В старославянских памятниках оно фиксируется 51 раз. **СОТОНА, -Ы М: ВИДЬХЪ СОТОНЖ** Л Зогр Map Ac Сав⁴¹. «Ст.-слав. *СОТОНА*, с.-х. *сотона*, др.-чеш. *sotona*, словен. *sotona* демонстрируют переход от греч. *a* к слав. *o*; это означает, что они относятся к древнейшему слову славянских заимствований из греческого языка» [Дукова 2015, 200].

Хотя словари указывают мужской род для *сатана* / *сотона*, нередки примеры его употребления в женском роде: «Животот ме научи оти нè има секакви. Дури и такви, кои за една копејка ќе ѝ го предадат на сатаната и најблискиот свој!» (Жизнь меня научила, что среди нас <людей> всякие есть. Даже такие, что за копейку продадут сатане и самого близкого) [С. Ивановски «Жената на белогвардецот»].

Разумеется, здесь можно усмотреть влияние грамматической формы (окончание *-a* обычно для существительных ж.р., хотя есть небольшая группа существительных м.р., обозначающих лиц мужского пола, с этим окончанием: *владика, муштерија* и т.п.). Но, возможно, это свидетельствует и об амбивалентности гендерной принадлежности персонажа, тем более что в мифопоэтической модели мира в универсальном наборе пар противопоставленных друг другу

³⁵ РЦСЈмр, 530.

³⁶ Крнинский дамаскин 1570–1580, цит. по [Пандев 2020, 166].

³⁷ РМЈсхт; ТРМЈ.

³⁸ РМНП 1, 106.

³⁹ ФРМЈ I, 30.

⁴⁰ Фасмер III, 565.

⁴¹ СтслС, 619.

признаков, имеющих соответственно положительное и отрицательное значение, признак *женский* входит в негативный комплекс (см. [Топоров 1980, 162]).

Сатана, сотона указываются как синонимы слов *ёавол* и *враг*, но их частотность на порядок ниже (в DRMJ ранг для *сатана* 12059, для *сотона* 16402). В текстах разные имена дьявола употребляются как семантически тождественные синонимы:

«— Што сакаш да праиш, бре Адаме? — го прашал **ѓаоло**. / — Сакам да орам, приятеле, и да сеам жито за да јадам, чунки така ме блаосои Госпо коа ме истера — му рекол Адам на **ѓаолот** — Со пот на лицето да си го вадиш лебо! — ми рече. / — Арно ама тва кај што сакаш да ораш, Адаме, земјата е моја, да не те остаам за бадијала да ораш! / Слушајќи тие зборои Адам од **ѓаолот**, си дигна оралото и отиде на друго место да орат, арно ама и тамо му се препречил **сатаната** и не го остаал да ора. Неколку дни исто не го остааše **ѓаоло** Адама да ора, дури не му падна Адам на аман» (— Ты что делать надумал, Адам? — спросил его дьявол. / — Пахать собираюсь, приятель, и жито сеять, на пропитание, так Господь повелел, когда меня выгнал, отвечал Адам дьяволу. — В поте лица будешь добывать хлеб свой! — так Он мне заповедал. / — Да вот только земля, которую ты хочешь пахать, Адам, — моя, так что не трудись понапрасну! / Услышав эти слова, Адам забрал соху и пошел на другое место, но и там встал перед ним сатана и не дал пахать. Так несколько дней дьявол не позволял ему пахать, пока Адам не взвыл) [«Дедо Адам и баба Ева истерани од рајот»]⁴².

Вариативное употребление имен дьявола встречаем в пословицах: «Бегал од ёаволот, паднал на врагот / сатаната»; «Го оставил ёаволот, па се фатил за сатаната» (Из огня да в полымя)⁴³. О сугубо негативной коннотации слова говорит и его семантическая структура. Единственное переносное значение — ‘сатана, исчадие ада (о злом, коварном, жестоком человеке)’, слово используется и как бранное: «Сотони, сотони, поарно в ковчег на гробишта да ме однесете!» (Сатаны, сатаны, лучше в гробу на кладбище меня отнесите) [В. Ильоски «Чорбаци Теодос»];

В отличие от *ёавол* и *враг*, *сатана* не образует диминутивов. У слова небольшое словообразовательное гнездо: *сатански* (прилагательное и наречие), *сатанизира* ‘сатанизировать, представлять источником зла’, *сатанизам*, *сатанист*. *Сотона* производных не имеет, за исключением редкого *сотоњак*, которое, вероятно, заимствовано из сербского и используется как бранное: «С тебе сотоњак човек не може човечки да зборува» (С тобой, сатаной, невозможно по-человечески разговаривать) [В. Ильоски «Чорбаци Теодос»].

Усиление негативных коннотаций у этой лексемы вполне объяснимо, поскольку слово часто выступает как имя собственное, обозначение верховного сатаны: *Сатана, Сотона, Сатанаил, Атанаил* [Ковилоски 2020, 42]. У М. Цепенкова встречаются и такие свидетельства представлений об иерархии нечистой силы:

«<Детето> Си зело петравило, си зело киската од вардаочот и крстот од другио, и застанало спроти порта да види што ќе праи сатаната со ѓаолите. / Како дал еден страшен вик сатана по сите ѓаоли, и на часе сите дотрчале да видат што мака имат...» (<Мальчик> взял епитрахиль, взял ветку базилика у одного сторожа, а у другого — крест и встал напротив ворот посмотреть, что будут делать сатана и черти. Сатана вскричал страшно, призываю чертей, и в тот же миг они сбежались посмотреть, что за беда с ним приключилась) [«Врзаниот сатана»]⁴⁴

В словаре Л. Макариоской *сатана* со строчной буквы приводится как один из синонимов в статье *ёавол*, а в отдельной статье «**Сатана ж.**» толкуется как ‘божество зла и тьмы, владыка всех дьялов и злых людей, которых он обольщает разными обещаниями» [Макариоска 2016, 437].

⁴² МЦ 4, 19.

⁴³ БВ, 30; 45.

⁴⁴ МЦ 4, 287.

Рассмотренная номинация является переходной к следующей группе, поскольку может выступать и как нарицательное, и как собственное имя.

1.2.5. шејтан

Многовековой тесный контакт македонцев с мусульманской духовной культурой обусловил заимствование из турецкого в том числе и ряда религиозных терминов, среди которых наименование злого духа в исламе. Чаще всего лексема *шејтан* (тур. *şeytan*, из араб. *شَيْطَانٌ*) в текстах маркирует иноконфессиональную принадлежность субъекта речи: «Шејтанот не влегува во куќа полна со деца! (курдская поговорка)» (Шайтан не входит в дом, полный детей (курдская поговорка)) [Л. Старова «Балканвавилонци»]; «Мојот еким, оној шејтан Ибраим-ага, ја мачкаше со масла, со ума, ѝ читаше од Коранот <...>» (Мой лекарь, этот шайтан Ибрагим-ага, мазал ее маслами, обмазывал глиной, читал над ней Коран) [О. Николова «Вежби за Ибн Пајко»].

2. Имена собственные

Часть наименований, встречающихся в текстах различного характера, являются именами собственными: *Луцифер* (лат. *Lucifer* ‘светоносный, несущий свет’), *Еладија*, *Еосфорос* или *Есфорос* (греч. соответствие латинскому названию), *Деница* (слав. соответствие), *Левиатан* (греч. Λεβιάθαν, верховный морской демон) [Ковилоски 2020, 41-42]; *Велзевул*, *Зерзевул*, *Зарзавило* (н.-греч. βεεζεβούλ, ζεοζεβούλης ‘предводитель чертей’, от др.-евр. *Baal-Zebub* ‘повелитель мух’, бог-оракул в Экорне) [Дукова 2015, 156], *Асмодеј* (греч. Ἀσμοδαῖος из евр. *אַשְׁמוֹדָא* ‘искуситель’), *Белзебуб*, *Мефистофел* [Mk.wikipedia.org/wiki/Гавол].

В македонских фольклорных текстах личное имя относится, прежде всего, к падшему ангелу. Это предания, наивные парабиблейские нарративы:

«Коа го назначил Господ Риста над сите ангел и цар, сите кумандири го приемаа и клетва му дадоа за да му бидат верни. Само сераскеро *Деница* се измрдал» (Когда назначил Господь Христа над всеми ангелом и царем, все командиры его приняли и принесли присягу на верность. Только сераскер (главнокомандующий в турецкой армии) Деница уклонился) [«Сатаната му се спротивставил на Бога, но Бог страшно го накажал»]⁴⁵.

«Господ го истерал *Зерзевулот* со негоите ангели од рајот и ги проколнал да бидат црни и темни, а седењето да им биди во вечна мука. *Зерзевуло* од вечна мука го гледал рајот и му беше многу мака. Мака му беше и на негоите ангели, и многупати му велеа: – Ах, што стори ти, *Зерзевуле*, што му греши на Господ и нè истера од рајот, та нè тури во вечнава мука!» (Господь изгнал Зерзевула и его ангелов из рая и проклял, чтобы они сделались черными и темными, а домом им был ад. Зерзевул из ада смотрел на рай и было ему очень обидно. Роптали и его ангелы, говоря: – Ах, что ты наделал, Зерзевул, зачем согрехил против Господа, и Он нас выгнал из рая и в ад отправил) [«*Зерзевулот*, коа го истерал Господ од рајот»]⁴⁶.

В сказках же личным именем наделяется предводитель чертей. В следующем тексте одно и то же имя выступает в разных вариантах: *Везевулот*, *Веезевулот*, *Везевуло* (с диалектной формой артикля):

«На ехлата што била до чешмата се збирале сите ғаоли секоја ноќ и праеле мушавере кој какво зло напраил дента. – Е, ти бре, што зло напраи денска? – му рекол на еден големио ғаол, *Везевуло*» (На ольхе, что росла возле источника, каждую ночь собирались все черти и ответ держали, кто какое зло дело за день сделал. – Эй ты, какое зло ты сегодня сотворил? – сказал одному <из них> большой дьявол, Вельзевул) [«Гаолот што ќе оженеше четириесет кауѓери»]⁴⁷.

Этимологию этих имен (с указанием в качестве источника публикаций М. Цепенкова в СБНУ и дополнений Т. Панчева к словарю Н. Герова) подробно рассматривает У. Дукова, но трактует их и как нарицательные, с чем трудно

⁴⁵ МЦ 4, 7–8.

⁴⁶ СБНУ I, 97; МЦ 4, 219–220.

⁴⁷ СБНУ VIII, 164; МЦ 4, 256.

согласиться: «Велзевул является именем собственным предводителя чертей, оно также стало – особенно с артиклем – нарицательным именем черта» [Дукова 2015, 156]. Материал македонского языка свидетельствует, что рассматриваемая лексема и ее варианты выступают в качестве личного имени конкретного мифологического персонажа – верховного предводителя нечистой силы. В прилепском диалекте с артиклем всегда употребляются прозвища, возможно и такое употребление личных имен. Поэтому, вслед за Л. Раденковичем, мы полагаем, что анализируемые номинации следует трактовать как имена собственные [Раденкович 2013, 59, 64].

Номинацией, занимающей положение между именами собственными и нарицательными, а также переходной к группе эвфемистических наименований, выступает *цацко* (мн. *цацковци*). Лексема приводится в ТРМЖ, DRMJ, ЗМ, в словаре малоупотребительных слов Белчева⁴⁸, а также в диалектном словаре демихисарского говора, где приведен пример: «Тој цацко те боди со рогојте криви!» (Это черт тебя рогами кривыми бодает), т.е. провоцирует, подстрекает⁴⁹. Слово встречается в публицистических и художественных текстах: «Од каде идеш? - Од Маврово. – Од Маврово? Што цацко си барад во Маврово» (Откуда ты идешь? – Из Маврово. – Из Маврово? Какого черта ты делал в Маврово?) [Д. Солев «Синовски татковци»].

Лексема также используется в рамках фразеологических оборотов: «Медупнал цацко» (Черт меня дернул), «Му влегол цацко» (В него черт вселился), «Кој цацко те тераше?» (Какой черт тебя дернул?)⁵⁰ (ср. выше аналогичные выражения с лексемами *ёавол* / *бес* / *враг*).

Мы полагаем, что происхождение этой номинации, в современном языке воспринимаемой как имя нарицательное, – эвфемистическая подстановка распространенной гипокористики, зафиксированной в словарях личных имен:

Цацко, изведено од Цац(о) + -ко.

Цацо, од *Александар*, *Славко*, *Станко*, *Стојан*, *Цветан* итн., XVII-XVIII век⁵¹.

Использование личных имен в качестве замены табуированных (опасных или неприличных) лексем – известное и описанное в лингвистической литературе явление. На материале имен нечистой силы см., например [Раденкович 2013].

3.1. Эвфемистические наименования, основанные на свойствах

Основным источником разнообразных номинаций является эвфемизация, обусловленная магической функцией языка, верой в то, что произнесение имени может привлечь носителя имени: «Да не чуе ёаволот!» (Как бы не услышал дьявол!). «Общей чертой отношения к слову как к магической силе является неконвенциональная трактовка языкового знака, т.е. представление о том, что слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть, поэтому, например, произнесение ритуального имени может вызывать присутствие того, кто им назван». «Табуированные слова заменялись эвфемизмами, но и они вскоре табуировались и заменялись новыми эвфемизмами» [Мечковская 1998, 42, 63].

Христианские и околохристианские предания способствовали закреплению в языке эвфемизмов, таких как *Антихрист*, *имрец*, *поганец*, *лукавиот*, *нечестивиот* [Вражиновски 1998 1, 232]. В текстах эти эвфемизмы могут использоватьсь как имена собственные.

⁴⁸ Белчев, 194.

⁴⁹ ДГ, 746.

⁵⁰ DMRJ.

⁵¹ Станковска, 294.

3.2. Эвфемистические наименования, мотивированные внешним видом

В работе, посвященной демоническим существам, Н.И. Толстой перечисляет виды внешнего облика «нечистиков»: антропоморфный, зооморфный, «нулевоморфный», или бесплотный, а также смешанный антропозооморфный. Последний, по наблюдениям исследователей, существенно преобладает в «книжном» представлении и, скорее всего, был усвоен в достаточно поздний период вместе с христианской религией [Толстой 1995, 252, 261; Успенский 2012, 17].

В македонских народных верованиях, отраженных в иконографической и книжной традиции, черт предстает в антропо-зооморфном облике. Так, в описании иконы св. Марины XVIII в. из известной Охридской коллекции икон⁵² читаем:

«Отворената муцка, во која има два реда заби и долг, црвен јазик, е издолжена, а носот е во вид на сурла и извиен нагоре. Над зашилените уши има кафеаво-сиви рогови, а на задната страна на телото кратка опашка. Околу вратот има синцир со златна боја, со кој му се врзани и рацете и нозете» (Вытянутая пасть с двумя рядами зубов и длинным красным языком разинута, нос в виде хобота изогнут кверху. Над заостренными ушами буровато-серые рожки, на задней части туловища короткий хвост. От шеи спускается изображенная позолотой цепь, которой связаны руки и ноги) [Георгиевски 1999, 100].

Церковная книжная и иконографическая традиция повлияла на народные атрибутивы, широко представленные в македонском материале. В качестве номинаций нечистого используются субстантиваты *рогатиот* ‘рогатый’, *кусиот* ‘коротышка’, *куциот* ‘хромой’, *едноногиот* ‘одноногий’, *црвениот* ‘красный’, *карагоз* ‘черноглазый’ (от тюр. *kara* ‘черный’ и *göz* ‘глаз’) и др. Материал македонских сказок, христианских легенд, быличек свидетельствует о многочисленных примерах такого варианта эвфемизации.

Несколько довольно частотных субстантиватов указывают на ущербность конечностей черта или отсутствие одной из них: *кравиот*, *куциот* ‘хромой’, *едноногиот* ‘одноногий’: «И ваа песја ќерка и магарица, каде не кршила глава, каде не ѓопала, и а донесе тој едноногиот во нашата куќа» (И вот эта сучья дочка и ослица, где только не моталась, где не шастала, а вот принес же *одноногий* к нам в дом) [С. Попов «Крпен живот»].

К. Шапкарев воспроизводит охридскую сказку, записанную от отца в 1855–1861 гг., своеобразно объясняющую происхождение номинаций:

«Кога Господ създал светов и чоекот дяолот му се пофалил, оти и той можел да създайт чоек. По боже посаквенье дяолот създал едно създание; ама тоа не било чоек, а волк; го създал туку бездушен; душа не можел да му дайт, та се чудел како да г’оживит и го опитал господа: “Ами сеа да му даам душа?” Господ му рекол: “Тоа ѝе лесна работа; доста ѝе само да му речиш: ‘Стани, изеди ме!’ и на часот той ќе оживит.” Дяолот по божето поучвенье рекол на бездушниот волк: “Стани, изеди ме!” Волкот на часот се сторил со душа, — оживел, станал и се спущчил връз създателя си дяолатого, за да го изейт. Дяолот се уплашил и, от страх да не го изейт, за да откинит, се фърпил во близкната тамо река: ама одвай що привтасал да влезит во реката само со ёдната си нога, волкот го грабнал за другата и му я изел, та така дяолот останал со една нога. От тоа и ден денеска останало да велиме за дяолот “Едноногиот” или “Куцийот”; от тоа и со изречението: “изел го волкот”, разбираме дяолатого; от тоа истийт се викат и “Подводниийот” или “Водниийот”» (Когда Господь создавал мир и человека, дьявол похвалился, что и он может создать человека. По Божьему велению дьявол создал одну тварь; но это был не человек, а волк; и не было у него души; душой не мог наделить его дьявол, и недоумевал он, как же вдохнуть душу, и спросил он Господа: «Как мне теперь ему дать душу?» Господь ответил: «Проще простого, всего лишь скажи: ‘Встань и съешь меня!’ И он тотчас оживет». Дьявол по Божьему наущению сказал бездушному волку: «Встань и съешь меня!» Волк в тот же миг обрел душу, ожил, встал и бросился на

⁵² https://ru.wikipedia.org/wiki/Марина_Антиохийская#/media/Файл:St._Marina_killing_the Devil,_around_1711,_Icon_Gallery-Ohrid_2.jpg

своего создателя дьявола, чтобы съесть его. Дьявол испугался и со страху бросился в реку, что была недалеко. Но едва добежал до воды и ступил одной ногой, волк цапнул его за другую и откусил ее. Так дьявол и остался одногоним. С тех пор мы и говорим про дьявала «одногонгий» или «хромой»; оттуда же и выражение: «чтоб его волк задрал», тут мы разумеем дьявола; оттого же его еще называют «подводный» или «водный»)⁵³.

Несколько субстантивированных прилагательных, обозначающих дьявола, связаны с цветом. Наряду с распространенными представлениями о черном цвете кожи (ср. регулярный эпитет *ицн ёавол*⁵⁴, а также номинации *темниот*, *ицнобог, караѓоз* (от тур. *kara* ‘черный’)), в народных поверьях встречаются упоминания о красном цвете глаз или красном элементе одежды. Красный цвет присутствует в образе многих славянских мифологических персонажей (ср. у сербов Баната о черте говорят диал. серб. *онај са црвеним капом* ‘тот, в красной шапке’, *онај са црвеним чакширама* ‘тот, в красных штанах’, диал. серб. *онеј червени с розимами* ‘тот, с красными рогами’, *онеј у червени цол(ил)а* ‘тот, в красном платье’) [Белова 1999, 647–651; Раденович 2011, 95]. Л. Раденович отмечал, что красный цвет выделяет существо потустороннего мира в ряду живых, указывает на его связь с опасностью и смертью [Раденович 2011, 97].

3.3. Эвфемистические наименования, восходящие к бережным формулам

3.3.1. натемаго

Среди славянских эвфемистических наименований нечистого отмечаются сращения, образованные от формул берега: «рус. костром. *упасибог*; укр. *він пропав би*, укр. гуцул. *бий го божа сила, щезби* [исчез бы]; серб. *будибогснама* [Березович, Виноградова 2012, 519]. Такая модель номинации представлена и в македонском языке. Одним из эвфемизмов—сращений междометных формул является *натемаго*.

«Еднаш беше ѝ влегол натемаго (фаоло) во срцето и – што ќе му напраит? Купила отруачка и месила едно кравајче убао и кога дошол питачот, му го дала за да го отрут» (Однажды дьявол вселился в ее сердце и – что же она удумала? Купила яду, замесила пышный каравай и, когда пришел нищий, дала ему, чтобы отравить) [«Мајката што си отру сина си»]⁵⁵;

«Детето іе рекло: „маіко, іа се научиf многу науки и мариfети, туку се препрааf као небаре не-можа да се науча, оти даскалот, тои што ме зеде, беше Натемаго (гъяолот)» (Мальчик ей сказал: «Мама, много знаний и умений я приобрел, но притворялся, будто не могу ничему научиться, потому что учитель, тот, что меня взял, был дьявол») [«Гъяолот даскал», кичевский говор]⁵⁶.

Поскольку вышеупомянутая сказка печаталась в Софии, К. Шапкарев посчитал необходимым дать сноску: «Натемаго, гръц. рѣчъ = проклетъ да е. Тази фраза употребляватъ отъ омраза къмъ диавола, когато искатъ да кажатъ нѣщо за него, а нерачтъ да го споменжтъ по име» (Натемаго, греч. слово = будь проклят. Эту фразу употребляют из ненависти к дьяволу, когда хотят что-то сказать о нем, но не хотят упоминать его имя).

Междометие *натема* (< исл. (A)NATEMA < греч. ἀνάθεμα / ἀνάθημα ‘анатема, проклятие’)⁵⁷, в отличие от *анатема*, употребляющегося в религиозном контексте, используется как бранное. Оно может сопровождаться краткой формой личного местоимения для прямого объекта (*ме, те, го* и т.д.): « – А, мори, ти не разбираш? Не свинско! Шо ќе прайш со толку месо? – Ај, натема ме, заборајф за свинско оту не треба» (Ты что, не понимаешь? Нельзя свинину!)

⁵³ Шапкарев 1892.

⁵⁴ РМНП II, 216.

⁵⁵ МЦ 5, 313.

⁵⁶ Шапкарев, СБНУ II, 1890, 186.

⁵⁷ РЦСЈмр, 266–267.

Что ты будешь делать с таким количеством мяса? – Ай, чтоб меня, забыла, что нельзя свинину) [М. Ристевска Селчанец «Гена»].

Народная проза и художественные тексты, отражающие сельский быт и обычаи, наглядно демонстрируют механизм превращения формулы в наименование. Лексема *ѓаол* очень часто сопровождается проклятием *натема* или *натема го*:

«Во старо време имало еден чоек што го колнеше и го караше ѓаолот,eve како. Што-год да спритеште, без дури не го проколнеше, не беше чаре. Ако му паднеше нешто од рака наземи, веднаш ќе даеше вик: / - Aj, натема, ѓаоле, натема! – Ќе добиеше нешто, пак ќе го проколнеше и ќе решеше: / - Aj натема, ѓаоле, пукна ѓаолот, добив толку пари! / И така немаше збор али арен, али лош, што да не го проколни и да него го окара (опцуе) ѓаолот» (В старые времена жил человек, который все время клял и ругал дьявола, и вот как. Что бы он ни сделал, не бывало такого, чтобы он его не проклял. Упадет у него что-либо – «Будь ты проклят, дьявол, будь проклят!» А если прибыль какая, и тогда бранится, приговаривает: «Будь ты проклят, дьявол, чтоб ты лопнул, дьявол, вон я сколько денег получил!» Не бывало у него речи ни плохой, ни хорошей без того, чтобы не проклясть и не побранить дьявола) [«Чоекот што го караше и колнеше ѓаолот»]⁵⁸.

«Така вележим и плачејќим сиромајот, го чу џаол, натемаго, му се преставил пред него и му рекол:...» (Когда бедняк плакал и причитал, услыхал его дьявол, будь он проклят / анафема ему, и сказал:...) [«Еден чоек што потпишал под џаола да се обогати»]⁵⁹.

«Еден маж и една жена си живееле многу арно, како што сакал Господ; на живејачката згора секој му заблазнувал и му повалувал дека толку се милуваа мажот и жената. Ѓаол, натемаго, му завидел, та му удрил по траго за некако да 'и скарат» (Одна супружеская чета жила в большом согласии, как заповедал Господь; и все восхищались и хвалили их, что они так любят друг друга. Дьявол, будь он проклят / анафема ему, позавидовал им и стал искать способ их поссорить) [«Ѓаол и бабата, мажо и жената»]⁶⁰.

На втором этапе оформления эвфемизма номинация персонажа перестает упоминаться, заменяясь местоимениями *тој* ‘он, этот’, *оној* (диал. *онај*) ‘тот’, после чего следует *натемаго*:

«— Влезе тој натемаго во ниј, ќе а пустат куката, — рече Стојо еден ден кога пак се повторија кавгите меѓу Митра и Доста и се обиде некако со притисок да ја замазни кавгата» (— Этот самый, будь он проклят, к нам повадился, погубит он наш дом, — сказал как-то раз Стойо, когда Митра и Доста снова принялись ругаться, и постарался замять скору) [С. Попов «Крпен живот». Персонажи говорят на мариовском диалекте].

«Што ми се криви луѓето, а и Јон не ми е крив. Може и тој не сака така, ама нешто го тера, го турка Тој натемаго» (В чем люди виноваты передо мной, да и Јон тоже не виноват. Может, он и не хочет так поступать, но что-то заставляет его, толкает его этот, что б его / окаянный) [Петре М. Андреевски «Пиреј»].

В такой комбинации *натемаго* уже на полпути к субстантивации, оно может восприниматься как приложение. Об этом свидетельствует приведенный ниже пост одной из участниц обсуждения темы *Луцифер* на форуме, посвященном вопросам религии (орфография автора сохраняется):

«Старите на времето не сакале ни името да му го спомнат. Баба ми кога требаше за него нешто да спомне ке речеше - Леле колку е лош, изгледа му влегол ОНАЈ НИКАКВИОН, или, Леле се испо-карала меѓу себе, изгледа ОНАЈ НАТЕМАГО ги набуцка. А ние како деца прашувавме - Кој е тој бабо НАТЕМАГО?» (В былые времена старые люди не хотели даже имени его произносить. Бабушка, когда ей нужно было его помянуть, говорила: Ой-ой-ой, до чего плохой человек, видать в него вошел ТОТ негодный, или: Ой-ой-ой, вконец разругались, видно, ТОТ БУДЬОНПРОКЛЯТ, их настрополил. А мы, дети, спрашиваем: Кто этот, бабушка, БУДЬОНПРОКЛЯТ?) [Milenko.com.mk].

На следующем этапе утрачивается и местоимение, *натема* становится нарицательным существительным, которое может присоединять artikel: «Го

⁵⁸ МЦ 2, 135.

⁵⁹ МЦ 2, 131.

⁶⁰ МЦ 2, 136.

слушаа луѓето, а потоа ги грабнаа стаповите и пак го претепаа. - Ти си јавол-лот! Ти со натемагото! - му рекоа» (Люди слушали его, а потом схватили палки и снова избили. - Ты дьявол! Ты окаянный!) [J. Стрезовски «Свето проклето»].

Лексема *натемаго* как существительное м. р. зафиксировано в словарях⁶¹. З. Мургоский снабжает ее пометой «архаичное», однако слово до сих пор остается в живом употреблении и фиксировалось в записях этнолингвистических экспедиций в Северную Македонию (2022). Как яркая и эмоциональная, лексема используется в медиа, ср. заголовки: «У. – адвокат на натемаго» [И. Антоновски, Fama.mk 20.02.2013]; «Натемаго во македонското Сен Тропе» [Љ. Костовски «Глобус» 15.05.2012].

Возможна и суффиксальная деривация от междометия *натема*. В четырехязычном словаре Г. Пулевского в качестве синонима к *антихристъ* приводится *натемникъ* [Пулевски 1873]. Эта единица обнаруживается и в словарях литературного языка с толкованием ‘ѓавол, сатана’⁶².

Показательно, что в арумынском языке, распространенном на территории Македонии, фиксируется лексема *nașimat* ‘проклятый; дьявол’ [Димчев, 362]. Одной из отличительных черт арумынского вокализма является протеза гласного *a* перед согласными, форма *nașimat* без инициального гласного (ср. греч. ἀνάθεμα, мак. *анатема*) свидетельствует не только о влиянии македонского языка, но и о широкой употребительности лексемы *натема* в последнем.

3.3.2. даескраја

Образованная по той же модели, номинация *даескраја* (также с прописной буквы), в отличие от *натемаго*, не зафиксирована ни в одном словаре. Между тем она, хотя и гораздо реже, встречается в текстах:

«Пак, како што рекоа жените, Весела вечерва му го дупна мевцето на десното уше на рулчето за по крштевањето, откога Зарче ќе ја узнае првата буква на името негово и ќе ја вреже, да му го воврат обетчето и тоа ќе го заштитувало од тој Даескрајата што со умирачки се настрвил на куќава» (Как и посоветовали женщины, Весела (*имя*) с вечера проколола младенчику мочку правого уха, чтобы после крещения, когда Зарче будет знать первую букву имени и вырежет ее на сережке, сразу вдеть ее в ушко – сережка защитит от *того*, чур *его*, который смертями навис над домом). [В. Малески «Разбој»].

Пример демонстрирует тип употребления, сходный с употреблением *натемаго*: в сочетании с местоимением, замещающим имя персонажа, которое говорящий избегает произносить. Причем наличие артикля свидетельствует, что *Даескрајата / скрајата* – это уже не обережная формула, а существительное в роли приложения, как мы и трактовали подобные употребления в предыдущей рубрике. Тем не менее, семантика двух номинаций различна, в силу различия интенций исходных высказываний. *Натемаго* – формула проклятия, отвержения, выражение неприятия, ненависти, по определению К. Шапкарева, т.е. сознательная позиция, активное противодействие говорящего. При этом упоминание Всевышнего часто сопровождается славословием: «Господ, сполај му» (из греч. εἰς πολλὰ ἔτη исполати / слава Ему).

Формула пассивного оберега «Да е скраја / Скраја да е» (пусть это будет далеко от меня / пусть это обойдет меня стороной) – стремление уберечься от вредоносных, опасных явлений, попытка словом предотвратить ущерб, отогнать зло: «Скраја да е вашата лоша мисла! Рада е и жива и здрава» (Пусть не сбудется ваша плохая мысль! Рада жива и здоровая) [С. Арсиќ «Последната алка»]. По-русски мы сказали бы здесь: «Боже упаси!» или же «Типун тебе на

⁶¹ ЗМ+, 723; DRMJ; РДХГ, 348.

⁶² PMJcxt 1, 469; TPMJ III, 301; DRMJ.

язык». Это же выражение в качестве оберега используется при упоминании смерти или имени вредоносных духов:

«Рекла: Јас дојдов за маж, а не, скраја да е, за... ёавол...» (Сказала: я пришла за мужем, а не за... что б его... за... дьяволом...) [J. Стрезовски «Злодобро»];

«<...> Господе, направи да е скраја и далеку Тој Натемаго. Да биде подалеку од него. – Да е скраја и далеку – рече Никодин Углешоски. – Ама ете тој е во него» (Господи, сделай так, чтобы стороны обойти Этого, чур его. Чтобы был дальше от него. – Что б его, – сказал Никодин Углешоски, – Однако вот он и в нем) [Петре М. Андеевски «Неверни години»].

Выводы

В македонском языке функционирует не менее 30 наименований злоказненного духа, дьявола. Большинство из них является эвфемизмами вследствие табу на упоминания опасной сущности – «охранительного иносказания» (формулировка О.Н. Трубачева).

Универсальным для обозначения дьявола стало давно освоенное заимствование из греческого – *ёавол*, имеющее самое широкое употребление и наибольшее количество дериватов. Славянские лексемы *враг*, *бес* и заимствованное *сатана / сотона* гораздо менее частотны. *Бес* и *враг* претерпели семантическое развитие с противоположным вектором. Обозначение вредоносной сущности отшло на периферию семантической структуры у *бес* (при основном значении ‘гнев’), а у *враг* стало основным (при маргинализации значения ‘недруг’).

Имена собственные (*Асмодеј, Еладија, Еосфорос, Левиатан, Мефистофел* и др.), как и нарицательное *демон*, имеют книжное происхождение, их употребление ограничивается специализированными текстами. Ряд имен (*Велзевул, Зерзевул, Зарзавило, Луцифер, Деница* и нек. др.). встречаются в произведениях, отражающих наивную картину мира. Эти лексемы именуют падшего ангела в парабиблейских нарративах, а в сказках – предводителя или отца подчиненных и подотчетных ему дьяволов (*ёаволи*).

Эвфемизмы содержат характеристику персонажа, оценку его качеств, выражают негативное отношение к нему: *Антихрист, поганец, лукавиот, нечестивиот, итрец*. Подобные наименования дают представление об облике персонажа: *едоногиот, кривиот, куциот, карагоз, рогатиот, темниот, црвениот*. Номинации, в основе которых лежат формулы отречения и оберега (*натемаго, натемник, даескрајата*), отражают речевое поведение македонцев при обращении с опасным словом. Сращивание таких формул пополняет демононимикон, и эти новообразования могут в дальнейшем заимствоваться контактными языками (арум. *nafimat*).

Наименования дьявола, имеющие книжное происхождение, часто восходят к заимствованиям из греческого или через его посредство (*ёавол, сатана, демон, Еладија, Деница, Левиатан* и др.). В то же время среди народных обозначений нечистого духа есть и тюркизмы (*карагоз, шејтан*), пришедшие из разговорного турецкого, который был языком власти на протяжении пяти веков македонской истории.

Признаки сложной природы образа исследуемого персонажа, являющегося в македонской народной культуре, как, впрочем, и в других славянских, гетерогенным по своему происхождению, объединяющим «признаки высокой (книжной) и низкой (народной) культуры» [Успенский 2012, 17], обнаруживается и в номинациях. В литературе отмечается, что *ёавол* может относиться к разным демоническим существам [Вражиновски 1998 2, 232], например, *водниот, подводниот* и зафиксированный в РМНП⁶³ эпитет *воден ёавол* характеризуют сущность по месту обитания. Подобные наименования демонстрируют

⁶³ РМНП II, 216.

соединение христианского термина с языческими представлениями о вездесущей нечистой силе, что характерно для ситуации двоеверия, сложившейся в славянских странах со Средневековья.

Анализ материала словарей и самых разнообразных текстов приводит к мысли, что рассматриваемые демононимы используются как имена разнообразных мифологических персонажей. Это может быть и князь тьмы, падший ангел, и мелкий шаловливый бес, в разной степени недружественный к людям, и коварный искуstитель, и иррациональная враждебная сила, подчиняющая человека, и персонификация мирового зла и несчастья.

Едва ли возможно привести исчерпывающий список всех наименований дьявола в македонском языке, поскольку эвфемистические замены, в свою очередь, подвергаются табуизации и заменяются новыми наименованиями, зачастую локальными, окказиональными, авторскими. Так, в стихотворении известного македонского писателя и переводчика Д. Михайлова «Скок со стап» наряду с рассмотренными выше среди прозвищ (*прекари*) нечистого перечислены и *накот* (результат окота, помёт), и не употребляющиеся в узусе восточнославянский *черт* и аромунский *drac*:

Гавол Сатана Црнобог
и сите прекари
враг врагуле врагулина
анатемник натемник натема
кусиот куциот накот
наол нечестив скрајата
цацко чрт драк
шејтан

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БВ – *Величковски Б.* Македонски пословици и поговорки. Скопје: Институт за фолклор «Марко Цепенков», 2009. 301 с.
- Белчев – *Белчев Т.* Речник на турцизми, архаизми, дијалектизми и ретко употребувани зборови во македонскиот јазик [Електронски извор] / Толе Белчев. - Текст во PDF формат, содржи 218 стр. Штип: Универзитет «Гоце Делчев», Филолошки факултет, 2016.
- БЕР – Български етимологичен речник / съст.: В.И. Георгиев; съст.: [и др.], Българска акад. на науките, Ин-т за български език. Въ 7 т. София, 1971–2012. <https://ibl.bas.bg/ber/>
- Димчев – *Димчев Д.* Влашко-македонски речник. Скопје, 2006. С. 362.
- ГМ – сайт проф. д-р Георге Гоце Митревски <https://pelister.org/> Адрес конкорданса пословиц: <https://pelister.org/folklore/proverbs/concordance>
- ДГ – *Цветковски Р. П., Стефановски Б.* Речник на демирхисарскиот говор. Скопје: Академски печат, 2008.
- ЗМ – *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005. 948 с.
- ЗМ+ – *Мургоски З.* Толковен речник на современиот македонски јазик. Скопје, 2011. 1498 с.
- ЛпТКО – Лексиката во поетските творби на Климент Охридски / стоя Поп-Атанасова, Весна Костовска. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2005. 361 с.
- МЦ – *Цепенков М.К.* Македонски народни умотворби во десет книги / редактирал д-р Кирил Пенушлиски. Кн. 2. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. 418 с.; Кн. 4. Народни приказни. Легенди. Скопје: Македонска книга, 1972. 292 с.; Кн. 5. Македонски народни приказни. Скопје: Македонска книга, 1989. 366 с.; Кн. 8. Пословици, поговорки, гатанки, клетви и благослови. Скопје: Македонска книга, 341 с.
- Пандев – *Пандев Д.* Македонска хрестоматија. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2020. 323 с.
- Пулевски – Речник от четири језика. I, Српско-Албански, II Арбански-Арнаутски. III Турски. IV Гръцки. Скроена и написана от Ђорђа М. Пулевски, архитекта у Галичник окружие дубранско 1872 година. I-ва част. Београд, штампария Н. Стефановича и дружине. 1873.

- РМЈсхт – Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. Т. I: А–Н, Скопје, 1961. 510 с. Т. II: О–П, Скопје, 1965. 595 с. Т. III. Р–Ш, Скопје, 1966. 606 с.
- РМНП – Речник на македонската народна поезија / под редакција на Т. Димитровски. Скопје. Т. 1 (А–Г). Скопје, 1983, XXIII, 452 с. Т. 2 (Д–С). Скопје, 1987. 506 с. Т. 3 (И–К). 1993. Скопје, 529 с. Т. 4 (Л–М). 2001. Скопје, 379 с.
- РЦСЈмр – Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција. Т. 1. Вовед. А–Б / [главен уредник Зденка Рибарова; редакција Лилјана Макаријоска, Зденка Рибарова, Радмила Угринова-Скаловска]. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Одделение за историја на македонскиот јазик, 2006. 543 с.
- РП – Речник на презимињата кај Македонците / ред. Т. Стаматоски, М. Коробар-Белчева, О. Иванова, М. Митков. Скопје, 1994. Т. 3 (М–Ш). 768 с.
- ТРМЈ – Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Т. 1 (А–Ж). 2003. XXI, 637 с.; Т. 2 (З–К). 2005. 675 с.; Т. 3 (Л–О). 2006. 613 с.; Т. 4 (П). 2008. 680 с.; Т. 5 (Р–С). 2011. 623 с.; Т. 6 (Т–Ш). 2014. 572 с. Электронная версия: <https://makedonski.gov.mk/corpus/l/bes-m>
- СбНУ – Сборник от български народни умотворения / съст. Кузман Шапкарев. Т. 1–6 (в 9 кн.). София, 1891–1892; 2 изд. В 4 тома. София, 1968–1973. URL: https://liternet.bg/folklor/sbornici/shapkarev_2/content.htm; URL: http://macedonia.kroraina.com/sbnu/sbnu_index.htm (Дата обрашения: 08.04.2023).
- Станковска – Станковска Љ. Речник на личните имена кај Македонците. Скопје: Автор, 1992. 480 с.
- СтслС – Старолавянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. ю ред. Р.М. Цейтлин, ред. Р. Вечерка, ред. Э. Благова. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 842 с.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ФРМЈ – Димитровски Т., Ширилов Т. Фразеолошки речник на македонскиот јазик. Т. 1 (А–Ј). Скопје, 2003. 433с.
- Шапкарев – Шапкарев К. Избрани дела. Т. 5. Приказни. Приредил Томе Саздов. Скопје: Мисла, 1976; Шапкарев К. Сборникъ отъ български народни умотворения, кн. VIII, София: Печатница на «Либералний Клубъ», 1892. http://www.promacedonia.org/ksh_4/index.html
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Прославянский лексический фонд. Вып. 2. *без–*брать / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.; Вып. 4. *čaběniti–*děl'a / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. 235 с.
- DRMJ – Дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <http://drmj.eu> (дата обрашения: 08.04.2023).
- Skok – Skok P. Etimologički rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Uredili akademici M. Deanović i L. Jónké. Knj. 1–3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972–1973.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С.С. Сатана // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 412–414.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
- Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М.: Русские словари, 1995. 560 с.
- Белова О.В. Красный цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2 (Д–К). С. 647–651.
- Березович Е.Л., Виноградова Л.Н. Черт // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 519–527.
- Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80-х – 90х гг. ХХ века. Т. 4: Духи домашнего и природного пространства. Нелокализированные персонажи / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2019. С. 460–701.
- Вражиновски Т. Народна митологија на Македонците. Во 2 тома. Скопје: Матица Македонска; Прилеп: Институт за старословенска култура, 1998.
- Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке. М.: Индрик, 2015. 248 с.

- Ковилоски С. Претставите на пеколот и на ёаволот во македонскиот фолклор од XIX век // Спектар, год. XXXVIII, бр. 75. Скопје, 2020. С. 37–55. URL: https://iml.edu.mk/wp-content/uploads/2013/04/Spektar_75.pdf (дата обращения: 08.04.2023).
- Крчовски Ј. Собрани текстови / Приредил Б. Конески. Скопје: Македонска книга. 1974. 400 с. Оригинал: Слово исказаное заради оумираније. Въ Будинѣ градѣ, 1914.
- Макаријоска Л. Речник на македонската традиционална култура. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2016. 562 с.
- Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: ФАИР, 1998. 352 с.
- Пейчинович К. Книга сия зовомая Огледало. Будапешта, 1816.
- Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей истории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
- Раденович Л. Красный цвет в погребальной обрядности и народной демонологии славян // Балканский спектр: от света к цвету (Балканские чтения 11. Тезисы и материалы) / редкол. М.М. Маркарцев, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: ПРОБЕЛ 2000, 2011. С. 94–99.
- Раденович Л. Личные имена мифологических существ // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2013. С. 59–72.
- Раденович Л. Словенска народна демонологија на синхронон и дијахронон плану // Зборник Матице спрске за славистику. Св. 83. Нови Сад, 2013. С. 9–23.
- Раденович Л. Черт и/или межевой. Наименование беса «черт» у славян. Wiener Slawistisches Jahrbuch (Neue Folge) 2, 2014. С. 152–162.
- Толстой Н.И. Каков облик дьяволский? // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 250–269.
- Топоров В.Н. Модель мира (мифopoэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 161–166.
- Успенский Б.А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Вып. 1 / сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2012. С. 17–65.
- Чундева Н. Русизмите во македонскиот литературен јазик. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Руски центар, 2017. 290 с.

Рукопись поступила в редакцию 25.04.2024

Рукопись принята к печати 08.05.2024

REFERENCES

- Apresian Yu.D. *Izbrannye trudy. T. 2. Integral'noye opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1995, 767 p. (In Russ.)
- Apresian Yu. D., Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B., Uryson Ye.V. *Novyj ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka*. Prospekt. Moscow, Russkie slovari Publ., 1995, 560 p. (In Russ.)
- Averintsev S.S. Satana. [Satan]. *Mify narodov mira*. Moscow, Sovetskaya entsiklopedia Publ., 1992, v. 2, pp. 412–414. (In Russ.)
- Belova O.V. Krasnyi tsvet. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar*, ed. N.I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 1999, v. 2, pp. 647–651. (In Russ.)
- Berezovich Ye.L., Vinogradova L.N. Chyort. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenia Publ., 2012, v. 5, pp. 519–527. (In Russ.)
- Čundeva N. *Rusizmite vo makedonskiot literaturnen jazik*. Skopje, Univerzitet «Sv. Kiril i Metodij»; Ruski centar, 2017, 290 p. (In Mac.)
- Dukova U. *Naimenovania demonov v bolgarskom yazyke*. Moscow, Indrik Publ., 2015, 248 p. (In Russ.)
- Koviloski S. Pretstavite na pekolot i na djavolot vo makedonskiot folklor od 19 vek. *Spektar*, XXXVIII, no. 75. Skopje, 2020, pp. 37-55. URL: https://iml.edu.mk/wp-content/uploads/2013/04/Spektar_75.pdf (In Mac.)
- Krćovski J. Sobrani tekstovi. Priredil B.Koneski. Skopje, Makedonska kniga, 1974. 400 p. Original: Slovo iskazanoе zaradi umiranije. V Budine grade, 1914. (In Mac.).
- Makarijoska L. *Rečnik na makedonskata tradicionalna kultura*. Skopje, Institut za makedonski jazik «Krtle Misirkov» Publ., 2016, 562 p. (In Mac.)
- Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religia. Lektsii po filologii i istorii religii*. Moscow, FAIR Publ., 1998, 352 p. (In Russ.)
- Pejčinović K. Kniga siia zovomaia Ogledalo. Budapešta, 1816. (In Mac.).
- Permyakov G.L. *Ot pogovorki do skazki (Zametki po obshchei istorii klishe)*. Moscow, Nauka Publ., 1970, 240 p. (In Russ.)

- Radenović Lj. *Krasnyi tsvet v pogrebal'noi obriadnosti i narodnoi demonologii slavian. Balkanskii spektr: ot sveta k tsvetu (Balkanskie chteniia 11. Tezisy i materialy)*, eds. M.M. Makartsev, I.A. Sedakova, T.V. Tsiv'ian. Moscow, PROBEL 2000, 2011, p. 94–99. (In Russ.)
- Radenović Lj. Lichnye imena mifologicheskikh sushchestv. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiiu akademika Nikity Il'yicha Tolstogo*, ed. S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 2013, p. 59–72. (In Russ.)
- Radenović Lj. Slovenska narodna demonologija na sinhronom i dijahronom planu. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, sv. 83. 2013, Novi Sad, pp. 9–23. (In Serb.)
- Tolstoi N.I. Kakov oblik d'iyavol'skii? *Yazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow, 1995, p. 250–269. (In Russ.)
- Toporov V.N. Model' mira (mifopoeticheskaya). *Mify narodov mira: Entsiklopedia, v. 2. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya* Publ., 1980, pp. 161–166. (In Russ.)
- Uspenskii B A. Oblik cherta i ego rechevoe povedenie. In *Umbra: Demonologiya kak semioticheskaiia sistema*, no. 1, ed. D.I. Antonov, O.B. Khristoforova. Moscow, 2012, p. 17–65. (In Russ.)
- Vinogradova L.N., Levkijevskaja Ye.Ye. *Narodnaia demonologiya Poles'ia: Publikatsii tekstov v zapisiaakh 80-kh – 90kh gg. 20 veka. T. 4: Dukhi domashnego i prirodного prostranstva. Nelokalizirovannye personazhi*. Moscow, 2019, p. 460–701. (In Russ.)
- Vražinovski T. *Narodna mitologija na Makedoncite*, kn. 1. Skopje, Matica Makedonska Publ.; Prilep, Institut za staroslovenska kultura Publ., 1998, 352 p. (In Mac.)

Received on 25.04.2024

Accepted on 08.05.2024

Информация об авторе:

Верижникова Елена Владимировна
 кандидат филологических наук, доцент
 Московский государственный университет
 имени М.В. Ломоносова
 г. Москва, Российская Федерация
 E-mail: eluska@mail.ru

Чиварзина Александра Игоревна
 кандидат филологических наук,
 младший научный сотрудник
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-0365-3723
 E-mail: mss-vah@yandex.ru

Information about the author:

Elena V. Verizhnikova
 PhD (Philology),
 Associate Professor
 Lomonosov Moscow State University
 Moscow, Russian Federation
 E-mail: eluska@mail.ru

Alexandra I. Chivarzina
 PhD (Philology),
 Junior Researcher
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-0365-3723
 E-mail: mss-vah@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 6, с. 53–60
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 53–60

DOI: 10.31857/S0869544X24060044, EDN: XHBXZQ

Оригинальная статья / Original Article

Безагенсные конструкции как способ создания эффекта кинематографичности (на материале оригинала, русских и украинского переводов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»)

© 2024 г. М.И. Хазанова

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

margaritakhazanova@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивный и прагматический потенциал грамматики глагола в русском языке в сопоставлении с другими славянскими и английским языками» за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>

Аннотация. В настоящей статье анализируется создание эффекта кинематографичности за счет изменения агента повествования и агента действия в оригинале, русских и украинском переводах одного из эпизодов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин». Предлагается взгляд на роман как на коммуникативный акт, включающий повествователя, читателя и повествование. В статье анализируются способы создания эффекта присутствия читателя в описываемых событиях, в том числе различные формы обращения к читателю, изменение форм повествования (с перво- на третьяличную), связанной с коммуникативным рангом рассказчика, а также событийного времени (с прошедшего на настоящее). Вместе с тем в статье сопоставляются различные переводческие стратегии, нацеленные на достижение эффекта кинематографичности и создания эффекта присутствия.

Ключевые слова: агенс, субъект, прагматика, эффект кинематографичности, предикат, перевод, русский язык, украинский язык, английский язык, «Заводной апельсин».

Ссылка для цитирования: Хазанова М.И. Безагенсные конструкции как способ создания эффекта кинематографичности (на материале оригинала, русских и украинского переводов романа Э. Берджесса «Заводной апельсин») // Славяноведение. 2024. № 6. С. 53–60. DOI: 10.31857/S0869544X24060044, EDN: XHBXZQ

Non-agent Constructions as a Way to Achieve a Cinematic Effect
 (in the Original Novel and Russian and Ukrainian Translations
 of A. Burdges's *A Clockwork Orange*)

© 2024. Margarita I. Khazanova

Russian State University for the Humanities
 (Moscow, Russian Federation)

margaritakhazanova@yandex.ru

The research is part of the project Discourse and pragmatic potential of grammar of the verb in the Russian language in comparison with other Slavic languages and English financially supported by grant of Russian Science Foundation (RSF) <https://rscf.ru/en/project/23-18-00260/>

Abstract. This article analyzes the creation of the cinematic effect in E. Burgess's novel «*A Clockwork Orange*» by changing the narrative and action agent in the original and Russian and Ukrainian translations. The article suggests a view of the novel as a large communicative act, including the narrator, the reader and the narrative. The article draws attention to the creation of the effect of the reader's participation in the described events, for which the texts use appellations to the reader, the narrator mentioning himself in the third person with a decrease in their communicative rank, changing the tense of verbs from the past to the present, general and particular perception vocabulary. At the same time, the article compares different approaches of translators to the achievement of the cinematic effect and to the creation of the effect of presence. The degree of manifestation of the described effects differs.

Keywords: agent, subject, pragmatics, cinematic effect, predicate, translation, Russian language, Ukrainian language.

For citation: Margarita I. Khazanova. Non-agent Constructions as a Way to Achieve a Cinematic Effect (in the Original Novel and Russian and Ukrainian Translations of A. Burdges's *A Clockwork Orange*) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2024. No. 6. P. 53–60. DOI: 10.31857/S0869544X24060044, EDN: XHBXZQ

Язык романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» неоднократно привлекал внимание ученых, однако, как правило, исследования были посвящены лексическому уровню языка и работе с ним в разных переводах [Окс 2006; Бузаджи 2007; Павлова 2017; Коваль 2018; Кузнецова 2020]. В настоящем исследовании проведен анализ грамматического уровня языка в романе, точнее – в одном эпизоде (часть 2, глава 4).

Известно несколько переводов романа «Заводной апельсин» на русский язык. В рамках данной статьи рассматриваются переводы В. Бошняка¹, Е. Синельщикова², А. Газова-Гинзберга³, к анализу привлекается также перевод на украинский язык, осуществленный А. Буценко⁴.

В тексте романа языковые средства помогают выстроить два плана: план событий (описание прошлого по памяти героя, «тогда») и план повествования (рассказ главного героя, «сейчас») [Уржа 2021, 408–409, 414]. При этом читатель одновременно становится и адресатом повествования (ему рассказывают о прошлых событиях, «там» и «тогда»), и – что будет продемонстрировано

¹ Берджесс 2011.

² Берджесс 1991.

³ Берджесс 1977.

⁴ Берджес 2003.

далее – участником повествования (для него рассказ главного героя происходит «здесь» и «сейчас»).

Сопряжение планов в романе создает эффект кинематографичности, что особенно ярко проявляется в эпизоде, когда главного героя вынуждают смотреть страшные фильмы (часть 2 глава 4). При этом речь идет не о кинематографичности как о сюжетном приеме, а о кинематографичности как о приеме повествования, приеме организации текста, а именно – об уподоблении текста видеоряду с помощью специфических лингвистических средств – как в оригинале, так и в переводах.

Вслед за Т.Г. Можаевой [Можаева 2006, 9–10], мы будем понимать феномен кинематографичности как «совокупность общих характеристик киноискусства и литературы, отражающих характер современного культурного развития, а также особенности мировидения писателя». Для создания эффекта кинематографичности используется монтажная техника повествования, имитирующая смену кадров в кино, а также эффект присутствия, т.е. включение зрителя в кинематографическое время [Там же].

Повествование в романе ведется от первого лица, а эффект присутствия, являющийся, по мнению Т.Г. Можаевой, одним из признаков эффекта кинематографичности, создается разными грамматическими средствами, поэтому принципиально важно рассматривать конструирование художественной реальности романа через призму агентности. В настоящей работе агент понимается как семантический субъект действия, т.е. как лицо, совершающее действие. Поскольку события романа излагаются главным героем, то и агентом рассказывания является он. Обращается рассказчик к читателю в том числе и эксплицитно, ср. неоднократное обращение *O my brothers; brothers* и т.д.

Однако, как показывает анализ лингвистических средств, в романе создается эффект присутствия сразу нескольких агентов. За счет создания эффекта кинематографичности агентами в ряде случаев становятся одновременно и рассказчик, и читатель.

Таким образом можно утверждать, что весь роман представляет собой коммуникативную ситуацию, включающую говорящего (главный герой – рассказчик), адресата (читатель или читатели, так как обращается к ним рассказчик во множественном числе) и само повествование (большой речевой акт [Van Dijk 1981, 243–264]). Однако, поскольку в романе описывается множество событий и действий, то можно говорить, что и у каждого действия есть свой субъект, ср.⁵:

«*Everything ready?*» said Dr. Brodsky in a very breathy goloss.

Очевидно, что в данном предложении субъектом выступает доктор Бродски (*Dr. Brodsky*). Таким образом, в художественном произведении можно говорить об агентности нескольких уровней: агент повествования в целом – агенты действий, т.е. персонажи, о которых идет речь в романе.

Переводчики старались вслед за оригиналом передать ощущение многоуровневости коммуникативного акта, подчеркивая наличие нескольких агентов (участников ситуации). Так, в русских переводах сохранено обращение «братьцы», «братья мои» и т.д.

Однако роман уподобляется многоуровневому коммуникативному акту не только за счет обращений к читателю. Этому способствует также введение в повествование отдельной фигуры рассказчика⁶:

(1) *And then the lights went out and there was Your Humble Narrator And Friend sitting alone in the dark, all on his frightened oddy knocky, not able to move nor shut his glazzies nor anything.*

⁵ Burgess 2009.

⁶ Ibid.

Главный герой выступает агентом внутреннего действия, это он сидит в темноте, он не может отвести взгляд или закрыть глаза. Однако в данном эпизоде он говорит о себе в третьем лице, называет себя скромным рассказчиком и другом, хотя повествование в романе в целом ведется от первого лица. Такое понижение коммуникативного ранга говорящего [Падучева 1998, 94] создает ощущение изменившегося агента повествования, как будто главный герой не сам рассказывает о событиях своей жизни, а пытается отойти на второй план, самоустранившись. Благодаря такому динамическому приему повествование уподобляется видеоряду, создавая ощущение, что читатель не узнает о событиях со слов главного героя, а становится непосредственным наблюдателем событий, наравне с рассказчиком.

Манипуляции с агентом внутреннего действия, позволяющие создать эффект присутствия, встречаются не единожды в романе, в том числе в анализируемом отрывке (часть 2 глава 4). Однако достигается этот эффект и другими средствами. Проанализированному примеру (1) непосредственно предшествует фрагмент (2)⁷:

(2) *then there was a quiet like humming shoom as though things had been switched on.*

В примере (2) агент восприятия звука не уточняется, хотя очевидно, что именно рассказчик присутствовал при описываемых событиях и это он услышал *a quiet like humming shoom*, именно у рассказчика создалось впечатление включившегося света.

В свою очередь, вслед за отрывком (1), где отмечено понижение коммуникативного ранга рассказчика, следует другой фрагмент, также оставляющий агента неназванным⁸:

(3) *And then, O my brothers, the film-show started off with some very gromky atmosphere music coming from the speakers, very fierce and full of discord. And then on the screen the picture came on, but there was no title and no credits. What came on was a street, as it might have been any street in any town, and it was a real dark nochy and the lamps were lit.*

Описание действия на экране не сопровождается упоминанием того, кто на этот экран смотрит, т.е. главного героя романа, что создает динамический эффект повествования, в котором происходит удаление рассказчика от событийного центра и одновременного приближение к нему читателя, в том числе за счет использования прямого обращения («братья мои»). Этот эффект дополнительно усиливает частноперцептивная лексика, актуализирующая определенный канал восприятия в соответствии с коммуникативным намерением автора [Золотова и др. 2004, 23; Уржа 2014, 57–58]. В данном случае лексика связана со зрительным и слуховым каналами восприятия, а коммуникативное намерение автора (повествователя) состоит в том, чтобы адресат (читатель) почувствовал себя на месте главного героя, т.е. зрителем фильма.

Аналогичного эффекта кинематографичности повествования за счет создания его многоагенсности стремились добиться и переводчики. Так, в русском переводе В. Бошняка данный эпизод выглядит так⁹:

(4) ... *потом послышалось тихое жужжанье, что-то включили, значит. Но вот гаснет свет, и ваш покорный слуга, скромный ваш повествователь, сидит испуганный и odinoki, не в силах ни шевельнуться, ни закрыть glazzja. Наконец под громкий, бьющий по usham и по нервам треск атмосферных помех, начался фильм.*

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Бёрджесс 2011.

На экране возникло изображение, не предваренное ни названием, ни указанием на изготовленвшую фильм киностудию. Появилась улица, самая обыкновенная, каких сотни в любом городе, время ночное, горят фонари.

Переводчик обращается к лексическим средствам создания кинематографического эффекта, чередуя частноперцептивное «послышалось», «быть» по ушам» с общеперцептивным «появилась улица» и т.д. В данном фрагменте, аналогично оригиналу, события передаются как бы со стороны, а коммуникативный ранг повествователя, аналогично примерам, разобранным выше, понижается в результате использования третьесличной формы повествования (*ваши покорный слуга, скромный ваш повествователь, сидит испуганный и одинокий*). Благодаря активному использованию перцептивной лексики создается ощущение, что читатель является не только адресатом повествования в рассказе главного героя, но и (со)участником событий: он тоже смотрит на экран, он тоже слышит окружающие звуки. Кроме того, в анализируемом фрагменте перевода меняется и время повествования с прошедшего на настоящее (*сидит* в переводе В. Бощняка, ср. в оригинале *was sitting*), таким образом, описываемые события приближаются к моменту речи, будто действие на экране разворачивается перед читателем сейчас, а не в прошлом.

В переводе Е. Синельщикова этот же фрагмент передан несколько иначе¹⁰:

(5) ... *тут же послышалось слабое жужжание многочисленных приборов. Свет в зале погас совсем, и ваши покорный рассказчик оцепенело уставился на высвечененный экран, не в силах пошевелиться или оторвать от него взгляд. И тут, друзья мои и братья, началась демонстрация кинофильма, сопровождавшаяся оглушительной какофонией диссонирующей музыки, лавиной обрушившейся на меня из всех лаудспикеров. Перед моими глазами замелькали кадры без названий и титров.*

Ночь. Пустынная улица, какую можно найти в любом городе. Ярко горят оборванцы-фонари.

Описание начинается с частноперцептивного *послышалось*, которое сразу создает ощущение сопричастности читателя к действию: безагенсное повествование устраниет субъект аудиовосприятия, уравнивая коммуникативный статус рассказчика и читателя. В примере (5) переводчик Е. Синельщиков, вслед за оригиналом, понижает коммуникативный ранг рассказчика, однако позже в том же примере рассказчик возвращается как агент повествования и агент действия (он смотрит и слушает), что подчеркивают местоимения *меня, моими*.

Интересной особенностью перевода Е. Синельщикова является отбивка абзацем описания изображаемого на экране, что способствует перемещению фокуса внимания. Этот яркий монтажный прием подчеркивается безагенсными *Ночь. Пустынная улица, какую можно найти в любом городе. Ярко горят оборванцы-фонари.* Благодаря использованию назывных предложений для описания в анализируемом фрагменте отсутствует не только внутренний агент, но и агент повествования: читателю не сообщается, что это сначала увидел рассказчик и теперь об этом повествует, описание изображения подается намеренно отстраненно. Более того, лаконичное описание меняет временную локализацию: время повествования меняется с прошлого на настоящее, т.е. события становятся не историей «тогда», а происходящими «сейчас», одновременно с моментом рассказа, что усиливает роль читателя как (со)участника действия, делая его зрителем фильма на экране, наравне с рассказчиком.

Таким образом можно заключить, что дополнительный эффект кинематографичности создается в обоих переводах, однако переводчики используют для этого различные средства.

¹⁰ Бёрджесс 1991.

Третий перевод, к которому мы обратимся в нашем анализе, это перевод А. Газова-Гинзберга¹¹:

(б) ... *потом что-то зажужжало. Выключили свет, и Ваш Скромный Рассказчик и Друг остался сидеть в темноте, испуганный и одинокий, не в состоянии ни двинуться, ни закрыть глазеры, и все прочее. И тут, братцы, показ фильм на-чался взри громкой радиомузыкой, шедшей из репродукторов, очень резкой и полной диссонансов. А потом на экране пошла картина, но без названия и без всяких объяснений. Это была улица, какой бывает улица в любом городе, был совсем темный ноти и горели фонари.*

В данном варианте переводчик, подобно предыдущим примерам, также прибегает к понижению коммуникативного ранга рассказчика с помощью его упоминания в третьем лице, а употребление обще- и общеперцептивной лексики усиливает безагенсность в описании происходящего (*зажужжало, показ фильма взри громкой радиомузыкой, на экране пошла картина*). При этом повествование ведется в прошедшем времени, что позволяет сохранить временную дистанцию между читательским и событийным временем, благодаря чему можно говорить о более полном (хотя и не абсолютном) сохранении отдельного агента повествования: главный герой остается одновременно и агентом восприятия событий в прошлом, и агентом повествования для читателей.

И наконец, интересно сопоставить с предыдущими примерами украинский перевод анализируемого отрывка А. Буценко¹²:

Потім спершу десь далеко почулося жужжаніє – так наче там щось увімкнули; воно лунало все ближче, ближче... Світло погасло, і ваш скромний оповідач і друг залишився сидіти в темряві, переляканій, у самко-мотності, не в змозі ні поворухнутися, ні заплющити глаза. Цієї миті з дуже громкої, немилозвучної катофонії, що просто-таки вибухнула в гучномовцях, почався фільм. На екрані з'явилось зображеніє без будь-якої назви чи титрів. Показували вулицю, звичайну міську вулицю темної ночі, коли вже ввімкнено фонарі.

Прием понижения коммуникативного ранга рассказчика воспроизведен и тут через использование третьесличной формы повествования (вместо первого лица) (*ваш скромний оповідач і друг залишився сидіти в темряві*). Для описания событий в данном фрагменте используется в основном общеперцептивная лексика (*почулося жужжаніє, з'явилось зображеніє, Показували вулицю* и т.д.), что позволяет сделать описание максимально отстраненным, без эксплицитной привязки к главному герою как агенту восприятия. При этом временная дистанция между читательским временем («сейчас») и событийным временем («тогда») сохраняется за счет использования прошедшего времени глаголов: *світло погасло, вибухнула, з'явилось, показували* и т.д.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что в анализируемом фрагменте романа «Заводной апельсин» (глава 4 часть 2) и в оригинале, и в переводах при помощи различных языковых средств создается эффект кинематографичности. Опираясь на функциональный подход, важность которого особо подчеркивала А.Г. Широкова [Широкова 1998, 20], можно заключить, что проведенный анализ лингвистических, и в первую очередь грамматических, единиц показывает, что при структурной близости русского, украинского и даже в известном смысле английского языков схожий эффект (эффект кинематографичности) достигается разными способами. Этой цели служит попеременное употребление частно- и общеперцептивной лексики, в первую очередь глаголов; чередование эксплицитно выражаемого и сознательно неназываемого агента

¹¹ Берджесс 1977.

¹² Берджес 2003.

повествования и агensa действия; смена событийного времени с прошедшего на настоящее, благодаря чему сближаются два временных плана («тогда» и «сейчас»), что создает своеобразный монтажный эффект. Кроме того, читатель занимает позицию, близкую к позиции участника действия, оказываясь не только адресатом в большом коммуникативном акте, которым является роман, но и (со)участником событий наравне с повествователем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. В. Бошняка. М., 2011. URL: <https://litmir.club/br/?b=3258> (дата обращения: 04.12.2023).

Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. Е. Синельщикова // Юность. № 3, 4. 1991. URL: https://www.many-books.org/auth/6880/book/25043/berdjess_entoni/zavodnoy_apelsin_peresinelschikova/read (дата обращения: 04.12.2023).

Берджесс А. Механический апельсин / пер. А. Газова-Гинзберга. Тель-Авив: ОР-Пресс ЛТД, 1977. URL: http://www.belousenko.com/books/foreign/burgess_clockwork_orange.htm (дата обращения: 04.12.2023).

Берджес Е. Механічний апельсин. Львів: Кальварія, 2003. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/world/printit.php?id=1855> (дата обращения: 04.12.2023).

Burgess A. A Clockwork Orange. London: Penguin books, 2009. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/a-clockwork-orange.html> (дата обращения: 04.12.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузаджи Д.М. «Осторожность» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе: на материале английского и русского языков. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 206 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 544 с.

Коваль Д.Е. Проблема перевода сленга «Надсад» на русский язык в романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3(30). С. 82–86.

Кузнецова Е. Функционирование молодежного сленга в оригинале романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» и его переводах на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 7. С. 291–296.

Можаева Т.Г. Языковые средства реализации кинематографичности в художественном тексте (на материале произведений Г. Грина, Э. Хемингуэя, М. Эйтвуд). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 21 с.

Окс М.В. Вымышенный сленг «надсад» в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Игровая поэтика. Ростов н/Д., 2006. Вып. 1. С. 99–162.

Павлова М.В. Художественный билингвизм и проблема непереводимости (на примере романа Э. Берджесса «Заводной апельсин») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78). В 4-х ч. Ч. 1. С. 21–25.

Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне семантики и синтаксиса // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 82–107.

Уржса А.В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики // Гуманитарный вектор. 2014. № 4 (40). С. 57–62.

Уржса А.В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX – начала XXI вв.). Дис. ... д-р филол. наук. М., 2021. 564 с.

Широкова А.Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та 1998. С. 10–92.

Dijk T.A. The Pragmatics of Literary Communication // Studies in the Pragmatics of Discourse. Mouton Publ., 1981. P. 243–264.

REFERENCES

- Buzadzh D.M. «*Ostranenie* v aspekte sopostavitel'noi stilistiki i jego peredacha v perevode: na materiale angliiskogo i russkogo iazykov.
- Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2007, 206 p. (In Russ.)
- Dijk T.A. The Pragmatics of Literary Communication. *Studies in the Pragmatics of Discourse*. Mouton Publ., 1981, pp. 243–264.
- Koval' D.Je. Problema perevoda slenga «Nadsat» na russkii iazyk v romane Entoni Berdzhessa «Zavodnoi apel'sin». *Aktual'nyje voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2018, no. 3(30), pp. 82–86. (In Russ.)
- Kuznetsova Je.V. Funktsionirovanije molodezhnogo slenga v originale romana Entoni Bërdzhessa «Zavodnoi apel'sin» i jego perevodakh na russkii iazyk. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2020, vol. 13, no. 7, pp. 291–296. (In Russ.)
- Mozhajeva T.G. *Iazykovyye sredstva realizatsii kinematografichnosti v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii G. Grina, E. Khemingueia, M. Etvud)*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2006. 21 p. (In Russ.)
- Oks M.V. Vymyslennyy sleng «nadsat» v romane E. Berdzhessa «Zavodnoi apel'sin». *Igrovaya poetika*. Rostov n/D., 2006, no.1, pp. 99–162. (In Russ.)
- Paducheva Je.V. Kommunikativnoye vydelenije na urovne semantiki i sintaksisa. *Semiotika i informatika*, 1998, no. 36, pp. 82–107. (In Russ.)
- Pavlova M.V. Khudozhestvennyi bilingvizm i problema neperevodimosti (na primere romana E. Berdzhessa «Zavodnoi apel'sin»). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 12(78), in 4 parts, p. 1., pp. 21–25. (In Russ.)
- Shirokova A.G. Metody, printsyipy i uslovija sopostavitel'nogo izuchenija grammaticeskogo stroja geneticheski rodstvennykh slavianskikh iazykov. *Sopostavitel'nyje issledovaniia grammatiki i leksiki russkogo i zapadnoslavianskikh iazykov*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta1998, pp. 10–92. (In Russ.)
- Urzha A.V. *Funktional'noye vzaimodeitvije egotsentrikov v russkikh perevodnykh narrativakh (na materiale prozaicheskikh tekstov kontsa XIX – nachala XXI vv.)*. Dis. ... d. filol. nauk. Moscow, 2021, 564 p. (In Russ.)
- Urzha A.V. Pertseptivizatsii kak element perevodcheskoi taktiki. *Gumanitarnyi vector*, 2014, no. 4 (40), pp. 57–62. (In Russ.)
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Iu. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow, In-t rus. iaz. RAN im. V.V. Vinogradova, 2004, 544 p. (In Russ.)

Received on 30.11.2023

Accepted on 01.05.2024

Информация об авторе:

Хазанова Маргарита Игоревна
 кандидат филологических наук, декан
 Российский государственный
 гуманитарный университет
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-0117-1413
 E-mail: margaritakhazanova@yandex.ru

Information about the author:

Margarita I. Khazanova
 PhD (Philology), Faculty dean
 Russian State University
 for the Humanities
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-0117-1413
 E-mail: margaritakhazanova@yandex.ru

Славяноведение, 2024, № 6, с. 61–74
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 61–74

DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ

Оригинальная статья / Original Article

Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии

© 2024 г. С.С. Падалко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

semenpadalko14@gmail.com

Проект Иудейское культовое строительство Российской империи за чертой оседлости (подготовка к изданию сборника-каталога с критическими комментариями) (№ 23-28-01010) реализуется за счет гранта Российского научного фонда

Аннотация. В статье анализируется практика иудейского культового строительства в понятиях фрейм-анализа И. Гофмана. Особое внимание уделено проблеме «избегания» использования принятых в законодательстве терминов «синагога» и «молитвенная школа» в переписке с общинами. Статья разделена на три смысловых блока, в первом подробно разбирается механизм получения разрешения временных молелен и постоянных культовых строений. Второй блок посвящен разбору терминов, используемых в законодательстве для евреев черты и вне нее. В третьей части при помощи фрейм-анализа разбирается бюрократический язык как церемониальная процедура, требующая соблюдения правил переписки обеими сторонами. Анализ поднятой в статье проблемы приводит к выводу, что за пределами переписки правило избегания терминов не работало. Исследование терминологии проведено на основе источников по истории евреев Поволжья.

Ключевые слова: синагога, бюрократия, молитвенная школа, еврейская община.

Ссылка для цитирования: Падалко С.С. Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии // Славяноведение. 2024. № 6. С. 61–74. DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ

Jewish Religious Building in the Russian Empire: Problems of Terminology

© 2024. Semyon S. Padalko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
semenpadalko14@gmail.com

Abstract. The article examines the practice of synagogue architecture through the lens of I. Hoffman's framework. Special attention is paid to the problem of avoiding the use

of the terms «synagogue» and «prayer school» adopted in legislation in correspondence with communities. The article is divided into three semantic blocks, the first one examines in detail the mechanism for obtaining permission for temporary prayer halls and permanent religious buildings. The second is devoted to the analysis of terms used in the legislation for Jews of the line and outside it. In the third, with the help of frame analysis, bureaucratic language is analyzed as a ceremonial procedure requiring compliance with the rules of correspondence by both sides. It is concluded that outside of correspondence, the rule of avoiding terms did not work. The article is based on historical sources related to the Jewish community in the Volga Region.

Keywords: synagogue, bureaucracy, prayer school, Jewish community.

For citation: Semyon S. Padalko. Jewish Religious Building in the Russian Empire: Problems of Terminology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 61–74. DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ

В иудейской традиции синагоге, как общественному институту, отводится одна из самых важных ролей в сохранении национальной идентичности. Авторы-составили европейской энциклопедии писали о синагоге, как о центре общинной жизни «олицетворяющей живой дух иудаизма» [Еврейская энциклопедия 1913, 256]. Из этого следует простая связь: если в городе существует постоянное еврейское население, значит должна быть и синагога¹.

На протяжении XIX в. синагога обретала новые функции, помимо внутриобщинной составляющей добавлялась функция презентации европейской общины в пространстве европейского города. Особенно отчетливо это проявлялось на территории Центральной и Восточной Европы, где евреи сосуществовали с преобладающим славянским населением. Так, благодаря прогрессивной части еврейского социума, последователей Хаскалы², строились новые синагоги. Синагоги Одессы (1840), Будапешта (1859), Праги (1868), Варшавы (1878), Krakova (1862) являются свидетельством того, как евреи закрепляли статус и присутствие в публичном пространстве посредством архитектурного строения. Некоторые евреи стремились подчеркнуть свою уникальность через специфический стиль, в то время как другие стремились к ассимиляции любыми способами, за исключением конверсии в христианство. Одни из них акцентировались на своем близкневосточном наследии, тогда как другие выражали преданность исключительно европейской родине, избегая любых намеков на экзотичность [Krinsky 1996, 74].

Географические рамки данного исследования охватывают восточные окраины славянской ойкумены: губернские города Поволжья, куда в течение XIX в. переселялись ашkenазские евреи из традиционных мест их расселения. Одним из таких регионов, привлекших человеческие и материальные ресурсы, был Нижний Новгород, где с 1817 г. регулярно проводилась самая крупная в государстве сезонная ярмарка. В период работы ярмарки реализовать свои товары стремились и еврейские торговцы. Еврейская история Нижнего Новгорода, города, отстоящего от черты оседлости на тысячу километров, похожа на все-остальные примеры заселения евреями внутренних губерний России. Первоначальное еврейское население, представленное отставными солдатами из низших чинов, увеличивалось прибывавшими в город купцами и ремесленниками. С течением времени, получая оседлость в городе и приписываясь к местному мещанству, евреи образовывали общины, становившиеся предметом

¹ Автор выражает благодарность Виктории Герасимовой за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

² Хаскала – идеальное и интеллектуальное движение, направленное на просвещение и культурное преобразование евреев, ориентированное на европейское образование и культуру.

гражданского регулирования со стороны городских и губернских властей региона. Интерес к развитию еврейской общины Нижнего Новгорода объясняется как типичностью сюжета истории, связанного со строительством культового здания, так и достаточным количеством источников по данной теме.

В начале последней четверти XIX в. в городе проживали порядка 148 еврейских семейств [Егоров 2019, 94]. В нем действовали несколько иудейских молельных домов, причем как в «верхней» части, где располагались административные и жилые районы города, так и в «нижней» – районе Канавино, на противоположном берегу реки Оки, где проводилась ярмарка. Из источников известно, что были организованы такие молельни на ул. Дворянской³, на ул. Ошарской⁴ в специально арендованных комнатах в купеческих домах. В предшествующие годы имелись и иные молельные комнаты в других частях города [Пудалов 1998, 31], данные молельни имели статус временных и, как правило, нелегальных, или же частично легальных, если речь шла о казарменных помещениях, где с устного разрешения военного начальства могли собираться солдаты для молитвы. Однако, начиная с 1874 г., в городе начал работу прибывший из Могилева раввин Борух Залман Заходер, чьей заслугой стало строительство каменного здания синагоги.

В 1879 г. прошение Б. Заходера на строительство каменной молельни было одобрено губернским правлением, а в 1881 г. утвержден архитектурный проект, реализованный под руководством архитектора Ф.Н. Неймана. В переписке раввина с губернской властью не употреблялись ни термин «синагога», ни «молитвенная школа» – официальные наименование иудейских культовых зданий в Российской империи для обозначения сооружаемого здания. Дозволяя хозяйственному правлению общины возвести здание каменной молельни, губернское начальство установило жесткое правило: «чтобы молельня эта не была именуема ни синагогой, ни молитвенной школою»⁵. Схожим образом запрещалось именовать молитвенной здание синагогой евреям Смоленска⁶, Казани [Нугманова 2007, 187–188], Шлиссельбурга⁷ и других российских городов

Документы о строительстве Нижегородской синагоги, как и другие источники, приводимые в статье, являются свидетельством одного из явлений бюрократического языка имперских чиновников, а именно – «избегания» в публичном дискурсе терминологии, которой обозначаются культовые иудейские постройки.

Цель статьи – проанализировать практику иудейского культового строительства вне черты оседлости в понятиях фрейм-анализа по И. Гофману (о нем см. ниже). Для этого можно рассмотреть взаимодействие власти и еврейских общин по вопросу строительства еврейских молитвенных домов, как церемониал с особым языком бюрократии. В статье рассмотрены три исследовательских вопроса: каким образом выстраивалось общение между имперскими чиновниками и еврейскими общинами; как в законодательстве именовались культовые объекты; и почему несмотря на факт постройки культового объекта в городе, представители власти в общении с еврейскими общинами обходили термин «синагога»

Губернское делопроизводство и евреи

Начиная с 1860-х годов, в эпоху проведения Великих реформ Александра II, чиновники внутренних губерний России все чаще начали сталкиваться с

³ ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 138.

⁴ Там же. Д. 350.

⁵ ЦАНО. Ф. 5 Оп. 49. Д. 10386. Л. 4.

⁶ РГИА. Ф. 801. Оп. 8. Д. 66.

⁷ Там же. Д. 103.

новым для себя обстоятельством: на подконтрольной им территории обнаружилось постоянное еврейское население, которое хоть и ограничено в правах, но, тем не менее, имеет свои запросы, является подданными государя и самое важное – имеет обязанности перед государством.

Если раньше, в первой половине XIX в., проблемы евреев решали чиновники западных губерний и центрального аппарата, то теперь и бюрократы внутренних областей России были обязаны рассматривать прошения, проживавшего в их крае иудейского населения. Первоначальный пласт документации, который начал накапливаться в делопроизводственных архивах губернских учреждений, содержит прошения отдельных лиц на право проживания и ведение ремесла в регионе. Рассмотрение этих вопросов происходило на уровне губернского начальства. Однако последующие прошения были связаны с институциональным оформлением еврейских общин, а такие вопросы требовали соответствия правовой базе и вышестоящей санкции МВД.

Вопросы, связанные с проживанием, ведением метрических книг и коммуникацию евреев с властью через казенного раввина и хозяйственного правления общин можно отнести к категории обязанностей. Это было необходимо государству для установления контроля над еврейскими поданными.

Во вторую категорию можно отнести вопросы, связанные с внутренними потребностями общин, первые две: где молиться и где хоронить. Отсюда проистекает необходимость иметь собственное культовое учреждение, отдельный от других конфессий участок кладбища, образовательные учреждения и благотворительные общества.

С одной стороны, институты обслуживали интересы еврейского населения с инфраструктурной точки зрения. С другой – они являлись формой представительства, необходимой для взаимодействия с государственными органами. Первоначально к иным формам коммуникации с властью, прибегали жители местечек черты оседлости после упразднения кагалов в 1844 г. [Nathans 2002, 38].

Возрастающее делопроизводство по еврейскому вопросу наиболее отчетливо отражается в фондах РГИА. Так, в фонде ДДДИЙ (Ф. 821. Оп. 8) представлены бумаги по строительству синагог во внутренних губерниях России. Данная коллекция документов, а также документы из региональных исторических архивов Поволжья, составляют источниковую базу исследования.

Прежде чем еврейская община окрепла до того состояния, что могла себе позволить купить участок земли и построить каменное здание, евреи через своих представителей просили у начальства разрешить открыть временную молельню.

Механика получения такого разрешения выглядела следующим образом: из еврейской среды выбирались наиболее подходящие кандидаты на то, чтобы быть представителем общины. К таковым относились либо купцы, либо мещане, легально приписанные к городу, которые по приговору общества ходатайствовали перед губернатором или исправником о разрешении им открыть молельню.

Далее прошение попадало на стол к губернатору, он в свою очередь должен был направить этот вопрос в ДДДИЙ, сопроводив своим мнением прошение. Подобный порядок представления дел был впервые введен для еврейских молелен Санкт-Петербурга в 1860 г. и далее распространился на всю территорию вне черты оседлости⁸.

Однако данная механика не всегда в точности работала. Например, царизмы евреи, начиная с июля 1888 г., обращались к начальнику Саратовской

⁸ ПСЗРИ № 36266 б.

губернии за разрешением открыть временную молельню. Действуя в соответствии с процедурой, начальник губернии собрал сведения о жительствующих евреях (сообщалось о 64 семьях, приписанных к саратовскому мещанству) и перенаправил их в МВД, однако просители получили отказ⁹.

Одновременно с первыми просителями с весны 1888 г. два других представителя от нижних чинов начали забрасывать телеграммами Саратовское губернскоеправление с просьбой открыть временную молельню во время праздника Пасхи, но не получили к нужному сроку ответ. Уже в августе они же просили разрешить моление во время осенних еврейских праздников, и, наконец, получили разрешение, выданное министром МВД¹⁰.

Не останавливаясь на достигнутом, царицынские евреи напрямую обратились к министру и в итоге получили от него разрешение на временное открытие молельни во время праздников¹¹. В следующем году ситуация повторилась: сначала обратившись к царицынскому исправнику и получив через него указание, что разрешение на открытие молельни выдает МВД, царицынские евреи вновь штурмовали канцелярию министра, на что губернскоеправление и сами просящие получили замечание от министерства, «что с прошением по сему предмету они должны обращаться к губернскому начальству и что посылаемые вопреки установленному порядку, непосредственно в Министерство телеграммы по таковым делам будут оставаться без действий»¹².

Вероятно, получив первоначальный отказ на открытие постоянной молельни, царицынские евреи избрали тактику постоянного давления на бюрократию посредством писем и телеграмм, которая, по всей видимости, сохранялась и в начале 1890-х годов. В то же время губернское начальство, переадресовывая просителей в МВД, стремилось снять с себя часть ответственности за затягивание ответа и принимаемое решение. Промежуточным итогом бюрократического процесса стало разрешение евреям Царицына открыть постоянную молельню во второй части города, на Касимовской улице, в доме купца Дормана в 1894 г.¹³.

Далеко не всегда евреи прибегали к процедуре подачи прошения, о многих подобных молельнях можно узнать из доносов и рапортов полицмейстеров, которые обнаруживали в частных домах подпольные миньяны¹⁴. Саратовские евреи, так же как и их единоверцы из Царицына, просили в 1895 г. открыть на время осенних праздников временную молельню, несмотря на то, что ДДИ дал разрешение этой группе, губернскоеправление получило донесение от полицейского управления, что в городе действует на протяжении двух лет несанкционированный молитвенный дом по Староострожной улице в доме Стасосельского, и что евреи на время праздников снимали еще одно помещение в течение сентября¹⁵.

Если организовать нелегальную молельную комнату и скрыть ее от начальства было возможно, то построить собственное здание без разрешения было нельзя, потому что строительство культовой постройки воспринималось как попытка еврейской общины презентировать себя в городском пространстве [Coenen-Snyder 2013, 268].

⁹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469.

¹⁰ Там же. Д. 6741. Л. 2, 6–7.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Д. 6857. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 7249.

¹⁴ Миньян – группа, состоящая минимум из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет) необходимая для проведения коллективного богослужения.

¹⁵ Там же. Д. 7529. Л. 15.

Первоначально строительство синагог регулировалось Положением о евреях 1835 г. и Уставом строительным 1837 г. Процедура получения разрешения не была четко определена, более того, правила были прописаны исключительно для евреев черты оседлости, а строительство культовых объектов в других губерниях имперское законодательство не регламентировало.

С увеличением числа еврейских прошений разрешительная процедура втягивалась в бюрократический оборот. На установление регламента оказывали влияние прецеденты. В 1847 г. киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибиков (1792–1870), разбирая вопрос о строительстве молитвенного дома в местечке Жашков, обнаружил несоответствие двух регламентов. Положение общего губернского учреждения указывало губернаторам передавать прошения о строительстве иноверческих храмов в МВД, но в случае постройки синагог руководствоваться строительным уставом. В строительном уставе выдача разрешения на открытие синагоги оставалась полномочием губернского начальства, а роль вышестоящего начальства не указывалась. Отправив запрос в МВД за разъяснением правил, Бибиков выразил свою точку зрения на вопрос: «Следовало бы на устройстве Еврейских молитвенных домов и Синагог испрашивать каждый раз разрешения министра МВД». Министр согласился с данным мнением¹⁶.

Таким образом фиксировался порядок, схожий с разрешением на временные молельни: сначала евреи должны были подать прошение губернскому начальству, которое собирало сведения о будущем строительстве и о самой общине, затем препровождало данные в МВД с указанием согласия или не согласия губернатора на строительство.

Термины иудейского строительства

Важной темой в данном контексте является проблема терминологии культового строительства. На основании текста источников можно составить список наиболее частотных терминов, в него входят: «молельня», «молитвенный дом», «молитвенная школа», «молитвенное здание», «моленная комната», «синагога». Чаще термины употребляются в связке с прилагательным, указывающим на материал строительства — «деревянный/каменный», темпоральности — «временный/постоянный молитвенный дом»; или указывающий на религиозную идентичность — «молитвенной дом «сфараад»/«ашкеназ»/«хабад».

В первую очередь, необходимо определить, какие в европейской традиции используются термины для обозначения места, предназначенного для отправления культа. Традиционным наименованием на иврите для обозначения молитвенного сооружения используется *«beit knesset»* переводимое как «дом собрания». Под этим термином принято понимать отдельно стоящее здание, архитектурно выделяемое в пространстве. На территории Восточной Европы, где родным языком евреев был идиш, вариант произношения менялся на *«beis knesses»*. Дословная калька словосочетания на греческом языке «синагога» вошла в европейские языки, в том числе и в русский. Причем популярность этого термина возросла только в XIX в. для обозначения реформированных синагог Европы.

Помимо синагог для обозначения молитвенных домов в иврите используется *«beit midrash»*, в идишском произношении *«beis medresh»* — «дом учебы», под которым подразумевался общественный институт еврейской общины, предназначенный для учебы, в противопоставлении синагоге [Reiner 2008, 173–175]. В ашкеназской традиции существовали и иные термины на идише, такие как *«shtibl»*, *«kloyz»*, *«shul»* и др. [Synagogues 2010, 19–23]. Употребление

¹⁶ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Л. 25–29.

этих терминов сильно разнилось от региона Восточной Европы, в них были заключены реалии еврейского местечка. В бюрократический тезаурус они не входили, поэтому их применение носило случайный характер, часто с подачи самих евреев, и ограничивалось западными губерниями, поэтому в данной статье они не рассматриваются.

В имперском законодательстве для обозначения еврейских молитвенных домов использовалось первоначально только два термина. В положении о евреях 1835 г. были закреплены: синагога (бейт-кнессет) и молитвенна школа (бейт-мидраш)¹⁷. Вероятно, составители положения постарались совместить свои знания по предмету с законами бывшей Речи Посполитой и реалиями еврейской общинной жизни. Так, ставший популярным в XIX в. европейских языках для обозначения больших и архитектурно выделенных молитвенных домов термин «синагога» сопоставили с «бейт-кнессет», а понятие «школа», используемое в польском делопроизводстве, с понятием «бейт-мидраш» [Levin 2017, 22–27]. При этом законодательным упущением стало то, что по своему функционалу они уравнивались – только в этих двух зданиях разрешалось совершать коллективную молитву. В то же время никаким образом ни в строительном уставе, ни в положении не было уточнено, чем первый тип построек отличается от второго.

Отсутствие четкого разделения терминов в реальной практике приводило к тому, что чиновники могли использовать оба понятия для любой постройки, о строительстве которой им надлежало принять решение.

Разграничение понятий синагога и молитвенная школа является исследовательской проблемой, так как единой позиции не существует. И. Кляйнманн предложила считать, что все типы постройки отличались не функционалом, а исключительно размером здания и вместимостью. По ее мнению, правительственные чиновники считали молитвенную школу маленькой синагогой [Кляйнманн 2019, 329].

В статье М. Сапира находим попытку объяснить различие через разный функционал построек. Так, синагога, с его точки зрения, отвечала за две функции: религиозную и образовательную, а молитвенная школа – только за религиозную [Сапир 2017, 65].

Оба объяснения, пытаются определить понятие, выбирая только один существенный признак, и отчасти основаны на буквальном переводе и толковании еврейских терминов. Проблема терминологии в данном случае упирается в то, что при составлении законов и в дальнейшей практике правоприменения не учитывалось, как данные термины применялись в еврейской жизни. Детали, отличающие бейт-кнессет от бейт-мидраш выражались не столько в размерах и выполняемых функциях, сколько в pragmatике повседневности.

В 1868 г. ДДДИИ получил на рассмотрение дело из Полтавской губернии, по прошению хасидов разрешить постройку молитвенного дома под названием «Хабад». Видимо, не распознав, что в данном случае речь идет о наименовании постройки, а не о ее типе, чиновники запросили комментарий у Моисея Берлина (1856–1888), ученого еврея¹⁸, состоявшего у них на службе. От него требовалось дать ответ на два вопроса, чем бейт-кнессет отличается от бейт-мидраш и что имеют в виду хасиды.

Его ответ содержал следующие характеристики: синагога (бейт-кнессет) – здание, отличаемое архитектурой и внутренним убранством, в нем ничего кроме богослужения не проводиться. Важный атрибутом синагоги являются

¹⁷ ПСЗРИ. № 8054. Положение о евреях. Т. 10. 1835.

¹⁸ Официальная должность, существовавшая в Российской империи в 1844–1917 гг.

пергаментные свитки и утварь. М. Берлин подметил важную деталь: «Здания эти большую частью холодные и без печей». Бейт-мидраш означает все остальные молитвенные дома, в которых помимо молитвы, могут проводиться иные виды деятельности: чтение книг, собрания благотворительных обществ, обсуждение общинных дел. Поэтому помимо свитков Торы, там еще есть обширная библиотека печатных книг. Бейт-мидраш открывается и содержится за счет средств обществ и братств, например, погребальных, что будет отражаться в его названии¹⁹.

Опираясь на пояснение М. Берлина, можно сформулировать наиболее характерные отличия двух культовых построек. Синагога – главное здание и место сбора большого числа прихожан, открывала двери по случаю религиозных и общинных праздников и была не приспособлена для круглогодичного использования. Еврейские общины стремились сделать синагоги большими по размеру, архитектурно выделяемыми в городском пространстве зданиями, поэтому они строились ближе к центру города, главной площади, рынку. Более того, их строительство было дорогим мероприятием и поэтому требовало усилий всей общины.

Иные молитвенные дома использовались кроме богослужения под другие цели, поэтому в холодное время отапливались. Их было численно больше, каждый из них обслуживал определенную социальную группу или религиозной коллектива, они располагались в удобном для прихожан месте города. Схожим образом развел понятия И. Левитац, говоря, что «бейт мидраш, оставался открытым весь день и служил не только для молитвы» [Левитац 2013, 182].

Молитвенный дом (школа) не требовал большого помещения, его строительство и содержание ложилось на плечи того коллектива, для которого постройка предназначалась. В городах вне черты оседлости такие строения стремились скрыть от всеобщего обозрения, поэтому их фасад не был декорирован. К числу малозаметных молитвенных домов можно отнести постройки в Астрахани, Симбирске, Рыбинске, Самаре [Levin 2022, 121–126].

Именно поэтому количество синагог было значительно меньше, чем молитвенных домов. Согласно статистическим данным ДДДИИ, в 1860 г. в Российской империи внутри черты оседлости (без Царства Польского) действовало 575 синагог и 2 310 молитвенных школ²⁰.

В том же 1860 г. Александр II утвердил положение еврейского комитета об открытии еврейской молельни для купцов в Санкт-Петербурге с условием, «чтобы она не была именема ни молитвенной школой, ни синагогой». Этот документ, как и последующее постановление Кабинета министров 19 января 1868 г.²¹ законодательно ввел еще один термин, а также обозначил правила по открытию таковых построек, которые были рассмотрены выше.

Подача прошения как церемония

Почему же имеющимися терминами не пользовались и вместо них использовались другие? Это выглядит тем более удивительным, что признаков, различающих молельню и синагогу не приводилось, а функционал оставался тем же. Примеры сохранившихся синагог и их чертежей Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Смоленска, Томска и других городов вне черты оседлости свидетельствует, что по размерам зданий и их выделяющемуся фасаду они соответствовали принятому определению. Тем не менее такие синагоги также именовались молельнями.

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 45. Л. 3–4.

²⁰ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Л. 39.

²¹ ПСЗРИ. № 45408. С. 39.

Вероятно, причиной данного феномена является сам бюрократический язык и процедура согласования строительства. Мы имеем дело с законами и процедурами, в том виде в котором они мыслились чиновниками разных уровней. Данная рамка была сформирована коллективным представлением бюрократов, но это рамка воображаемого мироустройства. Элементом этой воображаемой реальности является черта оседлости, внутри нее евреям разрешено иметь синагоги и молитвенные школы, поэтому правила предусматривают только подобный регламент. Когда же бюрократический аппарат встречался с прошениями, поданными не из черты оседлости, реальность расходилась с воображением, но оно оказывало влияние на бюрократический тезаурус. Следствием этого являлась ситуация – построить культовое сооружение евреям можно за чертой (элемент реальной жизни), а именовать его синагогой нельзя (элемент воображения).

Как было показано выше, механизм получения разрешения на строительство культового здания мог быть запущен только самой еврейской общиной. Поэтому первичным в данном процессе было само прошение от еврейского сообщества. Это означало, что сама еврейская община, а не чиновники, изначально выбирала термин, которым обозначала здание. Нижегородский раввин Б.З. Заходер, обращаясь за утверждением чертежа будущего объекта, писал, «что ходатайство нижегородской еврейской общины о разрешении построить в Нижнем Новгороде молельню уважено»²². В дальнейшем, во внутренней переписке между чиновниками также фигурирует «молельня», «каменная молельня», «еврейская молельня» и «молитвенный дом». Царицынская община в прошении именовала постройку «молитвенным домом» и «еврейским молитвенным домом», в дальнейшей переписке чиновники также использовали этот термин²³.

Объяснить выбор термина общиной можно следующим образом: во-первых, такое наименование использовалось в тексте закона в пункте про сооружение молелен вне черты. Во-вторых, нередко еврейские общины руководствовались соответствующими прецедентами. Руководящим был пример открытия молельни в Санкт-Петербурге, но не только. Например, саратовские евреи использовали опыт единоверцев в Воронеже²⁴.

Однако подобная интерпретация не отвечает на поставленный исследовательский вопрос. Более того, примеры других дел демонстрируют, что правило «не именовать синагогой» нарушалось и евреями, и чиновниками. Понять социальную природу бюрократического языка можно прибегнув к языку фрейм-анализа.

Его основной вопрос: как определение текущего социального взаимодействия участниками связано с внешними, наблюдаемыми характеристиками этого взаимодействия. Переписка евреев с начальством – пример такого взаимодействия. Участники знают свою роль и определенный сценарий взаимодействия, каждый из них фреймирует определенным образом происходящее. Согласованное фреймирование взаимодействия делает его непроблематичным. В случае, если событие взаимодействия начинает выпадать из фрейма, общее определение проблематизируется, а взаимодействие, как правило, нарушается и требуется в исправлении – «починке» фрейма. И. Гофман, выделил два вида трансформации фреймов: переключение и фабрикация. Переключение

²² ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10386. Л. 3.

²³ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117.

²⁴ Из текста прошения: «Ближайший случай такого разрешения нам известен в соседнем городе Воронеже». Цит. по: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469.

представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов, ее перевод в другую систему координат [Гофман 2004, 106].

Процедура получения разрешения на строительство синагоги и молитвенной школы внутри черты оседлости есть первичный фрейм. Первым переключением этого фрейма является его перевод в мир текста, построенного на бюрократическом языке, который в свою очередь является уже не столько процедурой, сколько церемониалом, отсюда используемые выражения: «имею честь уведомить», «имеем честь просить». Ведущие переписку лица обязаны соблюдать этикет, речевые нормы и необходимые элементы церемониала. В рамках текста просящие евреи могут использовать те же самые термины, что и сами чиновники – таким образом соответствовать процедурному сценарию и бюрократическому языку.

Поломка фрейма происходит в тот момент, когда чиновники внутренних губерний вынуждены отвечать на обращения евреев вне черты оседлости. Использовать существующий сценарий нельзя, поэтому он раздваивается – в закон вводят примечание о молельнях вне черты, где меняется термин, но процедура одобрения остается той же, что и в ответ на прошение о строительстве синагог. Тут происходит второе переключение, вводится новый сценарий.

Изменение сценария можно объяснить запретом евреям именовать свои здания синагогой, поскольку чиновники вообще не должны были допускать и признавать присутствие евреев вне черты. Исходя из этого возникают дальнейшие действия чиновников: поиск доказательств, что евреи находятся незаконно, процедура дознания, высылка евреев за пределы губернии.

Поэтому корректируется сам церемониал: теперь чиновники обязуются прописывать и напоминать просящим евреям, что здание нельзя именовать ни синагогой, ни молитвенной школой, ибо так называют постройки только в черте постоянной оседлости. Поскольку такая терминология в переписке и, соответственно, публичная презентация их постройки в пространстве города не допустимы, как не допустимо и само напоминание о том, что евреи могут жить вне черты оседлости.

При этом часть нового церемониала действует только в рамках переписки между евреями и чиновниками. Когда речь заходит о других ситуациях, поведение участников меняется, избегать термин нет необходимости. Это заметно в переписке чиновников между собой. Так, в рапорте нижегородского полицмейстера, отправленного в губернскоеправление, пять раз употребляется слово синагога и не употреблено никаких заменяющих терминов²⁵. Аналогично поступает епископ Казанский Антоний в доносе 1864 г. с требованием закрыть «еврейскую синагогу» в Казани²⁶. Часто использовались термины «синагога» и «молитвенная школа» делопроизводителями губернских архивов, поэтому можно встретить их в заголовках дел. Не соблюдался церемониал в случае строительства главной синагоги империи в Санкт-Петербурге.

За пределами переписки с чиновниками в европейской среде использовался бюрократический язык. Примеры этого можно найти в периодической еврейской печати. В газете «Русский еврей» – печатном органе русско-еврейской интеллигенции, так называемых маскилим²⁷, встречаются донесения о строительстве и открытии многих еврейских синагог, молитвенных домов. Зачастую

²⁵ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. Л. 5.

²⁶ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. Л. 1–2.

²⁷ Маскилим – последователи движения Хаскалы, направленного на просвещение и культурное преобразование евреев, бравшее ориентир на европейское образование и культуру.

корреспонденты в одной и той же заметке смешивали данные термины, говоря в одном предложении молитвенный дом, а в следующем синагога²⁸.

Помимо языка бюрократии еврейской прессы термин «синагога» имел хождение и в русской публицистике. Корреспондент «Волжского слова» посвятил разворот газеты открытию синагоги в Самаре. Примечательным в данной заметке является не столько использование только одного термина, сколько описание торжества по случаю открытия здания 31 августа 1908 г. В публикации сообщалось, что на открытии присутствовало большое число представителей власти: вице-губернатор, глава города, полицмейстеры, депутаты городской думы и другие, т.е. той части бюрократии, с которой переписывались представители, в общении с которой требовалось прибегать к церемониальным правилам избегания терминов²⁹. Пример демонстрирует, что чиновники следовали иному фрейму «городского праздника» по случаю открытия большой и видной культовой постройки в городе, который они как представители власти не могут проигнорировать.

Одним из источников публичного обозначения еврейских синагог являются карты городов. Например, на чертежах 1893 г. Нижнего Новгорода³⁰, 1888 г. Екатеринодара³¹ культовые постройки подписаны своим названием. Список примеров карт других городов, разумеется, можно расширить.

Переписка еврейских общин с властями по вопросу строительства могла занимать не один десяток лет. Яркий тому пример – строительство синагоги в Санкт-Петербурге, растянувшееся почти на 25 лет (с 1868 по 1893 г.). Схожим по длительности и сложности оказался для еврейской общины Казани вопрос согласования места и фасада синагоги.

Еврейским представителям, чтобы получить разрешение, требовалось следовать правилам бюрократического языка, а также предпринимать различные уловки, чтобы «умилостивить» чиновников. Борух Заходер, чтобы ускорить утверждение чертежа синагоги, присовокупил к нему проект пристройки памятной часовни и памятника в честь покойного Александра II: «Представляя план часовни правления нижегородской еврейской общины имею честь почтительно просить Ваше превосходительство, Благоволите разрешить сооружение памятника, к сооружению коего приступлено будет немедленно по получении разрешения»³².

Анализируя данный сюжет, М.Б. Пудалов пришел к выводу, что данная формулировка в прошении помогла получить разрешение на открытие синагоги [Пудалов 1998, 46]. Однако это не совсем так, данное письмо помогло общине ускорить строительство, но только в вопросе утверждения чертежа на постройку, а не в получении разрешения, так как оно уже было получено ранее в 1879 г.³³

Исход дела нижегородских евреев был успешным, и в 1883 г. здание синагоги было достроено. Также победу за собственное здание синагоги одержала царицынская еврейская община в 1902 г., когда МВД дало разрешение построить постоянный молельный дом, проект которого был утвержден в 1908 г³⁴.

Таким образом, для бюрократии Российской империи вопрос иудейского культового строительства вынуждено стал одной из задач, которую необходимо было решить в рамках управления еврейскими подданными. Как видно из приведенных в статье источников, чиновникам пришлось вводить в

²⁸ Владикавказ // Русский еврей. 1879 г.; Иркутск // Русский еврей. 1881 г.

²⁹ Открытие синагоги // Волжское слово. 1908 г.

³⁰ План Нижнего Новгорода 1893 г.

³¹ План Екатеринодара 1883 г.

³² ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. Л. 2.

³³ Там же. Д. 10386. Л. 1.

³⁴ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117.

законодательство новые правила и процедуры, разбираться в типах строений, заимствовать и приспосабливать термины.

Результатом нормотворчества чиновников стала двойственная и противоречивая система. Одна ее часть регулировала процесс постройки синагог и молитвенных школ внутри черты оседлости, другая — процесс постройки молелен и молитвенных домов за пределами черты. Главным отличием, которое разделило эти две системы, стало правило «избегания», которое применялось к евреям, живущим во внутренних губерниях России. Это стало результатом рассогласования реальности с воображением чиновников, в котором никаких синагог за чертой оседлости быть не могло. Именно это повлияло на формирование бюрократического языка и его словаря, в котором не нашлось места привычным терминам. Бюрократы, ведя переписку по вопросу строительства, предписывали евреям не именовать свои постройки синагогой и молитвенной школой. Однако, правило «избегания» носило исключительно церемониальный характер, поскольку оставалось только в границах бюрократического языка, требовавшего использовать его в тексте официальных документов.

Итогом упорной работы еврейских общин во взаимодействии с бюрократией являются синагоги Нижнего Новгорода, Самары, Саратова и Казани, которые стали памятниками европейской истории и архитектуры. Они занимают равное положение с синагогами Украины, Польши и Чехии, возведенными в XIX — начале XX вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан, Казань
 ГАСО — Государственный архив Саратовской области, Саратов
 ДДДИИ — Департамент духовных дел иностранных исповеданий
 МВД — Министерство внутренних дел Российской империи
 ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
 РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
 ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области, Нижний Новгород

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Волжское слово 1908 г. URL: https://drugoigorod.ru/samara_matches1/
 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469. Дело по прошению отставных нижних чинов из евреев Пейса Ховича и Зиндель с прочими, о дозволении им открыть в г. Саратове в наемном помещении молельни.
 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6741. Дело по телеграммам проживающих в г. Царицыне евреях нижних чинов Тилянкина и Заславского о разрешении отправлять обряды их религии в особом помещении для молитвенных собраний.
 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6857. По рапорту царицынского исправника коим ходатайствует о разрешении евреям проживающим в г. Царицыне устроить временную молельню на время предстоящих еврейских праздников. Л. 4.
 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7249. По прошению проживающих в Царицыне евреев о разрешении им учредить в Царицыне Синагогу.
 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7529. Дело по отношению ДДИ относительно возбужденного евреями ходатайства о разрешении нанять им дом для совершения общего богомоления в течении предстоящих еврейских праздников. Л. 15.
 ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117. Дело об утверждении проекта на постройку еврейской синагоги в городе Царицын.
 ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. По письму Преосвященного Антония Епископа Казанского, о еврейской молитвенной школе состоящей в г. Казани.
 План Екатеринодара 1883 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-kuban_1888-ekaterinodar/
 План Нижнего Новгорода 1893 г. URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=nn_1893
 ПСЗРИ. № 8054. 13 апреля 1835 Положение о евреях. Т. 10. 1835 г.

- ПСЗРИ. № 36266 б. 28 октября 1860. О дозволении находящемуся в Санкт-Петербурге еврейскому купечеству учредить здесь молельню. Т. 42. 1867 г.
- ПСЗРИ. № 45408 19 января 1868. О предоставлении Министру Внутренних Дел права разрешать, для вновь образующихся Еврейских обществ вне черты постоянной их оседлости, устройство молелен и хозяйственных при оных Правлений. Т. 43. 1868 г.
- РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Дело о постройке синагог и молитвенных домов.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 66. Дело о разрешении устройства в г. Смоленске еврейской молельни с запрещением именование ее синагогой или молитвенной школой.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 103. Дело о разрешении открытия еврейской молельни в г. Шлиссельбурге Петербургской губ. с запрещением именовать ее синагогой или молитвенной школой.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 45. По отношению Начальника Полтавской губернии: об открытии в Кременчуге Еврейского молитвенного дома под названием «Хабад» Л. 3–4.
- Русский еврей. 1879 г. № 15. С. 552–553; 1881 г. № 31. С. 1219–1220.
- Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1896. С. 123–124.
- ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 138. Об открытии проживающими в Нижнем Новгороде евреям молитвенной школы на Дворянской улице в доме Королькова.
- ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 350. По отношению Департамента духовных дел иностранного исповедания относительно разрешения нижегородской еврейской молитвенной общине о сооружении памятника императору Александру II при синагоге в Нижнем Новгороде.
- ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. По отношению Департамента духовных дел иностранного исповедания относительно разрешения нижегородской еврейской молитвенной общине о сооружении памятника императору Александру II при синагоге в Нижнем Новгороде. Л. 5.
- ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10386. По рапорту раввина Нижнего Новгорода, об утверждении чертежа на постройку Еврейской молельни в Нижнем Новгороде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
- Еврейская энциклопедия / под ред. Л. Каценельсона. Санкт-Петербург: Изд. Брокгауза-Ефрана, 1913. Т. 14. 952 с.
- Егоров В.В. Нижегородская еврейская община в контексте политики российского самодержавия по еврейскому вопросу (март 1855 – январь 1917 гг.): дис ... канд. ист. наук / Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2019. 241 с.
- Кляйнманн И. Новые места – Новые люди. Еврейская жизнь в Санкт-Петербурге и Москве в XIX в. М.: Книжники, 2019. 486 с.
- Левитац И. Еврейская община в России (1772–1917). М.: Книжники, 2013. 656 с.
- Нузманова Г.Г. Архитектурно-строительное законодательство Российской империи и храмы иноверческих и неправославных христианских исповеданий в Казани // Региональное многообразие архитектуры в России. Казань: Плутон, 2007. С. 172–208.
- Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде. XIX – начало XX века. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. 164 с.
- Сапир М.С. История открытия в г. Ярославле постоянной молельни как пример взаимоотношений еврейской общины с губернскими властями на рубеже XIX–XX вв. // Инновационная наука. 2017. С. 64–67.
- Coenen-Snyder S. Building a Public Judaism: Synagogues and Jewish Identity in Nineteenth-Century Europe. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 350 p.
- Krinsky C. H. Synagogues of Europe: Architecture, History, Meaning. Mineola, New York: Dover publications INC, 1996. 480 p.
- Levin V. The Legal History of Synagogues of Nohynia // Synagogues in Ukraine Nohynia. Jerusalem: The Center for Jewish Art, The Hebrew University of Jerusalem, 2017. P. 21–57.
- Levin V., Berezin A. Jewish Prayer in the Heart of Russia: Synagogues along the Noga River // Ars Judaica: The Bar-Ilan Journal of Jewish Art. 2022. No. 8. P. 111–144.
- Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley: University of California press, 2002. 424 p.
- Reiner E. Bet ha-Midrash // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. New Haven, Yale University Press, 2008, Vol. 1, 2400 p.
- Synagogues in Lithuania: a Catalogue / eds. Aliza Cohen-Mushlin, Sergey Kravtsov, Vladimir Levin. Vilnius: Vilnius Academy of Art Press, 2010. No. 1. 336 p.

Рукопись поступила в редакцию 12.12.2023
 Рукопись принята к печати 25.07.2024

REFERENCES

- Coenen-Snyder S. *Building a Public Judaism: Synagogues and Jewish Identity in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2013, 350 p.
- Goffman E. *Frame analyses an essay on The organization of experience*. Boston, Northeastern University Press Publ., 1986, 600 p.
- Jegorov V.V. *Nizhegorodskaya yevreiskaia obshchina v kontekste politiki rossiiskogo samoderzhaviia po yevreiskomu voprosu (mart 1855 – ianvar' 1917 gg.)*: Diss. kand. ist. Nauk. Nizhegorodskii gos. un-t. im. N.I. Lobachevskogo. Nizhnii Novgorod, 2019, 241 p. (In Russ.)
- Jevreiskaia entsiklopedia*, pod red. L. Katsenel'sona. St. Petersburg, Izd. Brokgauza-Jefrona Publ., 1913, no. 14, 952p. (In Russ.)
- Kliainmann I. *Novyje mesta – Novyje liudi. Jevreiskaia zhizn' v Sankt-Peterburg i Moskve v XIX v.* Moscow, Knizhniki Publ., 2019, 486 p. (In Russ.)
- Krinsky C.H. *Synagogues of Europe: Architecture, History, Meaning*. Mineola; New York, Dover publications INC Publ., 1996, 480 p.
- Levin V. The Legal History of Synagogues of Nohynia. *Synagogues in Ukraine Nohynia*. Jerusalem, The Center for Jewish Art, The Hebrew University of Jerusalem, 2017, pp. 21–57.
- Levin V., Berezin A. Jewish Prayer in the Heart of Russia: Synagogues along the Noga River. *Ars Judaica: The Bar-Ilan Journal of Jewish Art*. 2022, no. 8, pp. 111–144.
- Levitac I. *Evrejskaya obshchina v Rossii (1772–1917)*. Moscow, Knizhniki Publ., 2013, 656 p. (In Russ.)
- Nathans B. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley, University of California press Publ., 2002. 424 p.
- Nugmanova G.G. Arkhiteturno-stroitel'noe zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii i khramy inovercheskikh i nepravoslavnnykh khristianskikh ispovedanii v Kazani. *Regional'noe mnogoobrazije arkhitektury v Rossii. Kazan'*, Pluton Publ., 2007, pp. 172–208. (In Russ.)
- Pudalov B.M. *Jevrei v Nizhnem Novgorode. XIX – nachalo XX veka*. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr Publ., 1998, 164 p. (In Russ.)
- Reiner E. Bet ha-Midrash. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. New Haven, Yale University Press, 2008, Vol. 1, 2400 p.
- Sapir M.S. Istorija otkrytiia v g. Jaroslavle postoiannoi molel'ni kak primer vzaimootnoshenii yevreiskoi obshchiny s gubernskimi vlastiami na rubezhe XIX–XX vv. *Innovatsionnaia nauka*, 2017, pp. 64–67. (In Russ.)
- Synagogues in Lithuania: a Catalogue*, eds. Aliza Cohen-Mushlin, Sergey Kravtsov, Vladimir Levin. Vilnius, Vilnius Academy of Art Press Publ., 2010, no. 1, 336 p.

Received on 12.12.2023

Accepted on 25.07.2024

Информация об авторе:

Падалко Семен Сергеевич
 магистр антропологии и этнологии,
 исполнитель проекта
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 аспирант СПБГУ
 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-9491-5003
 E-mail: semenpadalko14@gmail.com

Information about the author:

Semyon S. Padalko
 master of anthropology
 and ethnology, project executor
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 Postgraduate Student,
 St. Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-9491-5003
 E-mail: semenpadalko14@gmail.com

СООБЩЕНИЯ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 75–84

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 75–84

DOI: 10.31857/S0869544X24060063, EDN: XGREVL

Оригинальная статья / Original Article

О похоронно-поминальной и календарной обрядности в сербском Банате: полевые исследования 2023 года

© 2024 г. И.М. Струтинский

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

sevdbrif@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484,
<https://rscf.ru/project/22-18-00484>

Аннотация. В статье отражены результаты экспедиций в села южного Баната в Сербии, в ходе которых автор посетил 11 румынских, четыре сербских села и два села со смешанным населением. В статье проводится сравнение элементов календарной обрядности сербов и румын сербского Баната, при этом особое внимание уделяется погребально-поминальным практикам. Сербы придерживаются юлианского календаря, румыны – новоюлианского. Рождественские обычаи двух народов существенно различаются. Период с Великого четверга до понедельника Фоминой седмицы связан как у румын, так и у сербов с многочисленными поминальными обрядами. В румынской погребально-поминальной обрядности, в отличие от сербской, значимую роль играет инструментальная музыка, в частности, фанфары. Общим элементом у сербов и румын были до недавнего времени гоношения по умершему (серб. *нарицање*, румын. *bocet*).

Ключевые слова: этнолингвистика, сербы и румыны сербского Баната, похоронно-поминальная обрядность, народный календарь, полевые исследования.

Ссылка для цитирования: Струтинский И.М. О похоронно-поминальной и календарной обрядности в сербском Банате: полевые исследования 2023 года // Славяноведение. 2024. № 6. С. 75–84. DOI: 10.31857/S0869544X24060063, EDN: XGREVL

On Funeral, Memorial and Calendar Rituals in the Serbian Banat: Field Research in 2023

© 2024. Ivan M. Strutynsky

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

sevdbrif@gmail.com

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484,
<https://rscf.ru/project/22-18-00484>

Abstract. The article reflects the results of an expedition to the villages of the South Banat district of Serbia, during which the author visited 11 Romanian, 4 Serbian villages and two villages with a mixed population. The article examines the calendar rituals of the Romanians of the Serbian Banat in comparison with the rituals of the Banat Serbs, with special attention paid to the funeral and memorial practices of the Romanians of the Banat. Serbs follow the Julian church calendar, Romanians follow the New Julian church calendar. The Christmas customs of the two nations differ significantly. Serbs and Romanians celebrate Easter at the same time. The period from Maundy Thursday to Monday of St. Thomas Week is associated both with Romanians and Serbs with numerous funeral rites. In Romanian funeral and memorial rites, in contrast to Serbian ones, instrumental music, in particular fanfare plays a significant role. Until recently, a common element among Serbs and Romanians was the voting for the deceased (Serbian: *naricanje*, Romanian: *bocet*).

Keywords: Romanians, Serbs, ethnolinguistics, funeral rituals, lamentations, commemoration of the dead, folk calendar.

For citation: Ivan M. Strutynsky. On Funeral, Memorial and Calendar Rituals in the Serbian Banat: Field Research in 2023 // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 6. Pp. 75–84. DOI: 10.31857/S0869544X24060063, EDN: XGREVL

Банат – полигничный регион в Восточной Европе на территории Сербии, Румынии и Венгрии, в котором соответственно наиболее крупными этническими общностями являются сербы, румыны и венгры, находящиеся между собой в тесном контакте на всей территории Баната.

Основная цель моей экспедиции в сербский Банат заключалась в сборе этнолингвистического материала, связанного с погребальными и поминальными практиками банатских румын, параллельно собирались сведения о календарной обрядности и обрядах жизненного цикла в сербских и румынских деревнях. В июне 2023 г. были обследованы 17 сел южнобанатского округа Воеводины, из них 11 румынских: Банатско Ново село (рум. *Satu Nou*), Владимировац (рум. *Petrovasâla*), Барице (рум. *Sân-Ianaș*), Ритишево (рум. *Rătișor*), Войводинци (рум. *Voivodinți*), Куштиль (рум. *Coștei*), Николинци (рум. *Nicolinți*), Уздин (рум. *Uzdin*), Страже (рум. *Straja*), Гребенац (рум. *Grebenaț*), Овча (рум. *Ovcea*); четыре сербских села: Добрица, Кайтасово, Гай, Ульма; и два села со смешанным населением: Маргита (рум. *Marghita*), Орешац (рум. *Oreșaț*). В большинстве румынских сел живут румыны-банатяне, в Страже и Банатском Новом селе – румыны-олтенцы и в Овче – румыны-эрдельцы, переселившиеся из Трансильвании¹. Обследование велось по этнолингвистическому вопроснику [Плотникова 2009].

1. Календарная обрядность

На всей территории Баната действуют приходы как Сербской православной церкви, придерживающейся юлианского календаря, так и Румынской, перешедшей на новоюлианский календарь во время патриаршества Мирона

¹ Банатяне (рум. *bănățeni*) – коренное румынское население Баната, олтенцы (рум. *bufeni, țărani*) – румыны, переселявшиеся из Олтении в 1641–1646 гг., после Пожаревацкого мира 1739 г. и Свиштовского мира 1791 г., эрдельцы (рум. *ardeleni*) – выходцы из Трансильвании; по распоряжению австрийских властей многие из них были переселены в Банат после подавления восстания Хории, Клошки и Кришана 1784 г. [Спариосу 2010].

Кристи². Жители банатских сел являются прихожанами сербской или румынской православных церквей и, соответственно, следуют различным календарным системам [Hochbaum 2013, 8].

Румыны отмечают Рождество 25 декабря, сербы – 7 января. В сербских селах повсеместно распространен обычай жечь в канун рождественского по-лено – *бадњак*. Аналогом этого обычая у румын в Банатском Новом селе можно считать сжигание в сочельник (24 декабря) около церкви дубового полена (рум. *stejar*, букв. «дуб»), сопровождаемое колядованием. Костры на улицах жгли и в других селах: в Николинцах – в Рождественский сочельник, на Новый год и на Крещение, в Селеуше, Уздине, Владимираце – только на Крещение. Ранее через костер прыгали с колокольчиками в руках сначала женщины, потом мужчины, а ряженые дети обходили дома. В Уздине, пока горели костры, каждая хозяйка трижды проходила по улице мимо своего дома с зажженной свечой в руках [Maluckov 1985, 276]. В Селеуше костры из листьев кукурузы разводили вечером на Крещение (6 января) в каждом дворе, где жил Йон (Иоанн), поскольку 7-го января румыны отмечают день святого Иоанна Предтечи. Собрания у таких костров в Селеуше назывались *priveghi* (букв. «бдение»).

Сохранению обряда колядования в румынских селах сербского Баната способствовали румынские учителя и священники. Распространявшиеся в 1930-е годы колядки имеют литературное происхождение. В Банатском Новом селе нам удалось записать *colind lu cerbu* ('колядка оленя', в данном случае – 'колядка козы'), которую дети поют, щелкая в ритме колядки челюстями игрушечной козы, изготавливаемой специально для этого действия. Во Владимираце колядку исполняют на Крещение. В песне хозяину желают большой семьи, здоровья и достатка: чтоб коровы давали много молока, овцы – шерсти, и т.д. (рис. 1).

staccato

Ilie Baba din Satu Nou, Banat

Tu-tu-tu cer-buț bu-zat Ce-ai mâneat de ce-ai umflat Mă-mă- li- gă cu un- soa-re O spus ta- ta să mă în- soa- re

Рис. 1. Колядка козы (рум. *colind lu cerbu*), записанная от Ильи Бабы в селе Банатско Ново село (рум. Satu Nou). Нотная транскрипция И.М. Струтинского.

*Tu, tu, tu, cerbuț buzat,
 Ce-ai mâncaț de ce-ai umflat?
 Mămăligă cu unsoare,
 O spus tata să mă însoare,
 Dară mama nu mă lasă
 Să aduc potca-n casă.
 Bună seara lu Ajun
 Că mai bună lui Crăciun.
 Că cu mei si cu purcei,
 Cu copii dupa ei.
 Oile lănsioase,
 Vacile lăptoase.
 Porcii grași și unsuroși,
 Să fii, gazdă, sănătos!*

*Ты, ты, ты, губастый олененок,
 Что ты ел, отчего потолстел?
 Мамалыгу с жиром.
 Отец сказал мне жениться,
 Но мама не разрешает привести домой.
 Добрый вечер в Сочельник,
 Который еще лучше Рождества,
 Потому что он с пшеном и порослями,
 Дети идут за ним!
 Овцы шерстистые,
 Коровы дают много молока,
 Свиньи жирные,
 Будь, хозяин, здоров!*

² Разделение церковного имущества между сербской и румынской православными общинами началось после образования румынской Трансильванской митрополии 1864 г. До этого все православные церкви Габсбургской монархии входили в юрисдикцию Карловацийской патриархии [Hochbaum 2013, 7].

Согласно записям М. Малуцков, раньше в румынских селах сербского Баната были широко распространены обходы дворов на Рождество с вертепом, на Новый год – с плугом (ср. румынский обычай *plugușor*).

Сербы Баната в Рождественский сочельник (*Бадњи дан*) застилают пол соломой, по полу раскидывают орехи, жито, фасоль, посещают кладбище и кладут на могилы родственников солому, конфеты, пирожные. Конфеты и сдобу с могил потом забирают цыгане. Через три дня, в день святого Стефана, солому убирают как из домов, так и с могил³. В Орешаце рассказы об этом обычаях удалось записать и у сербов, и у румын. Накануне Рождества сербы жгут *бадняк* у церкви и на улицах, в Добрице дети 12–15 лет ходили с песнями по домам, это называлось *коринђање* ('колядование')⁴.

Схожи у сербов и румын и масленичные обычаи. В течение недели перед началом Великого поста, которую сербы называют *Покладе*, *Беле Покладе*, румыны – *Săptămâna Albă*, *Săptămâna Curată* ('Белая неделя', 'Чистая неделя') как в сербских, так и в румынских селах жители рядились в различных животных и ходили по дворам. В Орешаце этот обычай называется *маскембал* ('маскарад'). На *Велике Покладе* (суббота масленичной недели) дворы обходят взрослые, на *Мале Покладе* (воскресение масленичной недели) – маленькие дети. Хозяева дают им яйца, конфеты и другую снедь.

У румын в субботу масленичной недели (*la Priveghi*) разводили огни перед домами (села Воеводинцы, Ритишево). В Ритишево костер перед домами зажигали также в Чистый понедельник (*Lunia Curată*), при этом парни надевали маски и ходили по домам, стучали посохами по земле, «чтоб напугать злых духов», за что им давали деньги и яйца. Тот факт, что в Воеводинцах, Гребенаце, Ритишеве время перед Великим постом обозначается тем же словом, что и вечер перед похоронами в доме покойника (*Priveghi*), а также то, что в ряде мест Олтении и Мунтении ритуальные костры в конце масленицы зажигались «для умерших» (коммуна Половраджь, [Голант 2014, 54]) – указывают на связь масленичных костров с поминальной обрядностью.

В Воеводинцах и Гребенаце слово *priveghi* употребляется исключительно в значении 'Масленица'. В Гребенаце в первые два дня этой недели в центре села проходил *Fașancu la Grebenaț* ('маскарад в Гребенцаце') – совместные танцы обходивших дворы ряженых, которых называли «калушарами» (*căluceri*). На второй день «калушары» представляли свадебную процессию, в составе которой были «жених», «невеста», «кум», «деверь» и т.д. и обязательно – «медведь». Все роли (в том числе, роль «невесты») играли только парни. Вечером они собирались на танцы в центре села, а когда становилось темно, нападали на зрителей и пугали их [Maluckov 1985, 278].

9 марта, в день Сорока мучеников (рум. *Sâmbăta Săracilor*), в Николинцах жгли костер с обеих сторон ворот дома, «чтоб победить змей и другое зло», в Малом Тораке парни прыгали через костер, приговаривая: *Îeș Cald, tună frig!* [Выходи, тепло, победи холод!] [Ibid., 276].

Пасхальный период у сербов и в еще большей степени – у румын сербского Баната связан с поминовением усопших. Жители Куштиля в Великий (рум. *Joia Mare*), или Страстной четверг (*Joia Patimilor*) идут со свечами на кладбище, где дети поют песню «În câmpul cel cu flori» [В поле с цветами], за что взрослые дают им сладости. В Ритишево посещение кладбища со священником

³ ПМА 2023, Ульма.

⁴ ПМА 2023, Добрица.

в сопровождении духового оркестра происходит в Страстную пятницу (рум. *Vinerea Patimilor*). В Воеводинцах накануне Пасхи по селу проходит процессия, состоящая из хора и духового оркестра, которая исполняет пасхальные песни, такие как «*Din mormântu-ntunecat*» и другие; жители села разводят костры перед домами. В день Пасхи румыны с. Воеводинцы посещают одно кладбище, в Светлый понедельник – другое.

В Банатском Новом селе в Великий четверг (рум. *Joia Mare*) в каждом дворе самая старая женщина в роду разводила три костра, «в память о том, как в этот четверг грелся у костра апостол Петр». На кладбище в этот день ходили только пожилые женщины, там они окуривали (рум. *au tămăiat*) могилы и голосили (рум. *au bocit*). На Пасху на кладбище приносили еду, чтобы раздать ее там бедным и цыганам. На могилах еду не оставляли. Румыны, принимая еду, говорили: *Dumnezeu să-le/să-o primească* [Да примет его/ее Господь!], сербы – *Бог да прости!* [Да простит его/ее Бог!]. На восьмой день после Пасхи (рум. *Iunia morților*, букв. – ‘понедельник мертвых’, серб. *побошни понедељак*, от серб. *побушавати/побусати* ‘покрыть дерном/кустами’ [Агапкина 2002, 293]) на кладбище служил панихида священник. Румыны Банатского Нового села приходили с фанфарами, сербы – без музыкального сопровождения.

В Страже ночью перед Пасхой по селу идет процессия со свечами, под фанфары, играющие «*Învierea Ta, Hristoase, Mântuitorule*» (Воскресение Твое, Христе Спасе). Хозяева зажигают перед своими домами огни, когда процессия проходит мимо них. После этого некоторые идут на кладбище, но уже без фанфар. Основной поминальный день, день всеобщего посещения кладбища в Страже – *Paștele Micea* (‘Малая Пасха’, т.е. Фомино воскресенье).

2. Похороны и поминование усопших

Как румыны, так и сербы в Банате считают, что когда человек умирает, он должен держать горящую свечу. В Банатском Новом селе свечу в руках умирающего поддерживает самая старшая женщина в семье. На поминки, совершаемые на восьмой день после смерти, она обходит со свечой столы со словами: *Dumnezeu să primească [celui mort]!* [Господь да примет (этого покойника)!]. В Уздине в руки умирающему вкладывали три свечи, связанные черной ниткой.

В сербском Банате хоронят на следующий день после смерти или через день – если умер подросток. Дома накануне похорон гроб ставят параллельно окну, если умирает старый человек, и перпендикулярно, если молодой (с. Николинцы). Вечером в доме умершего собираются односельчане со свечами и с едой. Их не встречают и не провожают, румыны здороваются словами «*Dumnezeu să-le/să-o iertă!*», сербы – «Бог да прости!» [Пусть Бог его/ее простит!]. Священник служит панихида. В румынских селах под окнами играют фанфары, а если умер кто-то из молодежи, играют танцевальную музыку (*de joc*). В некоторых селах в гроб или в карман покойнику кладут бумажные деньги, «чтоб покойник заплатил за дорогу» (Ритишево, Гай), «чтоб не стал муронем» (Владимировац), то есть не превратился в ходячего покойника⁵. В Мартите деньги кидали прямо в могилу, туда же выливали воду, которой омывали умирающего (считалось важным помыть человека еще перед наступлением смерти). Родственники не могут ни нести гроб, ни собственноручно класть туда деньги, обычно они передают их через других людей. Раньше, чтобы покойник не стал вампиrom, ему между ног могли насыпать порох. В Уздине между ног клали гвоздь либо шип боярышника, жаренное со скорлупой яйцо

⁵ Ходячего покойника во Владимироваце и Николинцах, где живут румыны-банатяне, называли *mironi*, а в населенной переселенцами из Трансильвании Овче – *strigoï*.

и старую шляпу/платок, говоря: «Об эту шляпу споткнешься и тут останешься!» [Maluckov 1985, 234].

Поминки вечером в доме покойника в большинстве посещенных автором сел (кроме Воеводинцев и Гребенаца) называются *priveghi*. Женщины причитали у гроба, были и профессиональные плакальщицы (рум. *bocitoare*, от *a boci* ‘причитать’, серб. *нарикача*, от *нарицати* ‘причитать’). Женщины из соседних домов, приходившие попрощаться с покойником, передавали с ним известия из села для своих умерших родственников, которых тут же оплакивали.

В румынских селах в день похорон на рассвете три, пять или, если умирали молодые люди, семь женщин собирались петь (*a striga*, букв. «кричать») *Zorile* («песни зари»). Сначала они читали «Отче наш» в доме покойного, затем забирались на сенник и, повернувшись на восток, пели:

*Zorilor, surorilor,
Ce v-aț zăbovit,
De nu aț vinit,
Măi de gimeață,
Ca ieri gimeața.
Noi ne-am zăbovit,
Dori mari am privit,
Că s-or a despartit
Cinăr [numele celui răposat]
De către tăiciuță,
De către măiciuță,
De la fraț-ai buni....*

*Зори, сестры,
Что вы задержались?
Почему не пришли
Раньше,
Вчера утром?
Мы задержались,
Великую печаль видели:
Расставался
Молодой ... [имя умершего]
С батюшкой,
С матушкой,
С родимым братцем...
[Maluckov 1985, 237]*

Если при каждом похоронном причитании создается новый музыкальный и поэтический текст (о теории множества в народной музике см. [Мациевский 2021]), то в тексте «песен зари» – *Zorile* – меняется, как правило, только имя умершего.

В румынских селах на кладбище после отпевания идут священник и музыканты с фанфарами, в сербских селах хоронят без фанфар. Мода на фанфары пришла в XX в. из Румынии, до этого на кладбище играли *taraфи* – группы лаутаров (певцов и музыкантов), чаще всего состоявшие из двух скрипок, кларнета и контрабаса. Прежде чем опустить гроб в могилу, священник крестообразно окропляет его вином. Каждый кидает в яму по горсти земли. По словам респондентов из Ритишево, на сербских похоронах и поминках поминальная трапеза может начаться еще на кладбище, на румынских едят только дома либо (в наши дни) в ресторане. Перед выходом с кладбища обязательным считается мытье рук.

Первые поминки (рум. *română*, серб. *помен*) проходят в день похорон. Следующие поминки проходят на седьмой (Стражка, Маргита, Гай), восьмой (Банатско Ново село) либо девятый день (Селеуш, Владимировац, Барице, Ритишево, Куштиль), в сербском селе Добрица – в первое воскресение после похорон, в сербском селе Кайтасово – в первую субботу. Затем поминки устраивают на сорок дней, на полгода и на годовщину после смерти.

Обряд «пускания воды», широко распространенный в Румынии, в сербском Банате известен сербам, румынам и цыганам (ср. серб. *пуштање воде*). Он совершается, как правило, до сороковин и состоит из двух частей:

1. принесение воды из источника (рум. *adusul apei*, серб. *доношење воде*);
2. пускание воды (рум. *slobozirea apei*: «*să sloboade apă*» букв. «освобождается вода», серб. *изливанье воде*).

В селе Орешац, где живут и сербы, и румыны, девочка, живущая неподалеку от умершего, брала воду из колодца на его дворе и носила в три дома — в дом умершего и еще в любые два дома. В каждый дом она ежедневно приносила по две чашки воды, которые предварительно благословляла крестным знамением. На дно обеих чашек кто-то из родственников покойника клал динар, где он должен был оставаться все время, пока совершался обряд. За столом в доме, куда девочка приносила воду, ее пили со словами «Бог да прости!» Если всю воду не выпивали, то поливали ею цветы. Обряд завершался на восьмой день, по словам одних респондентов, на сороковой — по словам других, «пусканием воды» на источнике. При этом говорили: «Ова вода излива се испред Бога, испред ...» [Это вода выливается перед Богом, перед...] (далее называлась «крестная слава» покойника, то есть имя святого покровителя его дома, а затем — имя самого умершего). Что говорили румыны Орешаца при проведении этого обряда, информанты сообщить не смогли. По воде пускали булку с зажженной свечой, а также 18 (по словам других респондентов — 150) кусочков дерева, отрубленных от ветки яблони и соответствующих, по словам респондентов, количеству принесенных за эти дни чашек воды; затем в ветку яблони, в надрез наверху вставляли динар из чашки, в которой девочка носила воду. Ветку яблони ставили на могилу, прислоняя ко кресту. В первый год после смерти в Великий четверг в источник, из которого набирали воду для «пускания», выливают *велику воду* (букв. «большую воду»), при этом так же приносят булку, в которую втыкают зажженную свечу. *Велику воду* девочка набирает уже не чашками, а кувшином. Сейчас этот обряд может происходить не на источнике или реке, а дома: воду набирают из-под крана и льют в большое ведро.

В румынском селе Уздин в 1970-е годы в течение шести недель после похорон девушка ежедневно набирала в колодце воду и выливала ее обратно со словами: *Să-i fie de română!* [Пусть это будет за упокой!] По окончании шестой недели делали 44 зазубрины на ветке яблони и помещали в них 44 зернышка. Эту ветку опрыскивали над колодцем водой из стакана, а затем бросали в колодец. В Глогоне девушка носила воду из реки Тамиш в дома односельчан 44 дня после похорон, а на сорок четвертый день поливала набранной водой тростник, затем пускала по воде булку с воткнутой в нее зажженной свечой. В этот же день в Тамиш бросали ветку яблони с 44 надрезами [Maluckov 1985, 246].

В с. Ульма с преимущественно сербским населением обычай пускания воды ушел в прошлое, однако еще недавно девочка набирала воду, правда, уже не из источника, а из-под крана и поливала ею цветы в память об умершем в течение первых 40 дней после погребения.

В сербском селе Добрица девочка, живущая недалеко от умершего, ежедневно носит воду в его дом до сорокового дня после его смерти. В Кайтасово девочка набирает воду из колодца и приносит ее в дом умершего в течение недели после похорон, а затем в конце недели выливает набранную воду в реку Карашиб. В сербском селе Гай девочка младше десяти лет носит воду из колодца в дом покойника до сорокового дня (каждый раз она приносит две чаши, связанные вместе черной веревкой), крестит воду, а родственники усопшего угощают ее конфетами. В Гае этот обычай называется *изливанье воде*.

В расположенным в 15 километрах от Белграда селе Овча, где живут румыны, переселившиеся в Южный Банат из Трансильвании, обычай пускания воды назывался *raizi*. Ему предшествовал обряд *sările*, совершившийся со следующего дня после похорон. Три вечера подряд три маленькие девочки, если умерла женщина, либо мальчики — если умер мужчина, приходили в дом

усопшего с платками и свечами в руках и помогали окуливать пищу, которую подавали на поминальном ужине. После этого в течение шести недель девочка (обычно – родственница умершего, часто – внучка) двумя ведерками (рум. *călăiuțe*) носила воду (рум. *cară raiuzu*) из колодца и поливала траву во дворе. В конце шестой недели она пускала буточку с зажженной свечой по проточной воде, например, по ручью. Во время проведения обряда (то есть в течение шести недель) девочка освобождалась от любой домашней работы [Jugjovan 1983, 12].

В селе Страже, в котором живут румыны-олтенцы, если умирает женщина – воду носит девочка, если мужчина – мальчик. Ребенок, совершающий этот обряд, носит воду не в дом умершего, а к себе домой «la masă, la prânz» (к столу, на обед), родственники, помянувшие умершего, вознаграждают ребенка деньгами. На сороковой день набирают и выливают воду (рум. *sloboade apă*) на источнике около реки Карап. По словам священника, который служит в Страже и в Орешаце, воду, которую носят до сорокового дня после смерти покойного, это «жертва для его души»⁶.

Румынские респонденты из сербского Баната не упоминали об участии в обряде *мартурии* (*mărturia*) – свидетеля «пускания воды» [Голант 2023; Плотникова 2023], присутствующего при совершении ритуала, например, в румынских селах долины Тимока [Струтинский 2023].

Основным днем поминовения усопших, когда все посещают кладбище, у сербов является понедельник Фоминой недели. В Орешаце его называют *побушани понедељак*, в Добрице – *побусни понедељак* (от серб. *бусен* ‘комок земли’). В Добрице в этот день на могилы кладут по комку земли, священник окропляет могилы вином. В румынских селах Барице, Селеуш и в Банатском Новом селе, где живут и румыны, и сербы, основным поминальным днем также является понедельник на следующей неделе после Пасхи. Однако в других румынских селах это может быть Великий четверг (Куштиль), Страстная пятница (Ритишево), Великая суббота (Уздин), Пасха (Воеводинцы, Маргита), Светлый понедельник (Николинцы), Антипасха (Страже, Овча).

Собранный в ходе экспедиции материал дает представление о современном состоянии традиционной обрядовой культуры сербского и румынского населения сербского Баната. Сопоставляя записи этого года с записями этнографов прошлого века, можно проследить процесс угасания либо упрощения некоторых ритуалов, например, «пускания воды». Также можно определить, какие элементы традиционной обрядовой культуры не утратили своей значимости и продолжают развиваться в наши дни: например, фанфары на похоронах у румын. Различия между румынским и сербским погребально-поминальными обрядами особенно очевидны в следующих компонентах: наличие фанфар у румын и их отсутствие у сербов, трапезы непосредственно на кладбище у сербов и только дома – у румын; различаются также дни поминовения усопших у сербов и румын, что является важным этноконфессиональным маркером.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ПМА 2023 – полевые материалы автора из экспедиции в южнобанатский округ Сербии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.

⁶ ПМА 2023, Страже.

- Голант Н.Г. Обряды весенне-летнего цикла в Валахии: очерки традиционной культуры / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: ИСл РАН, 2014. 223 с.
- Голант Н.Г. Свидетельство (mărturie) в погребально-поминальном обряде румын (влахов) восточной Сербии // Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / отв. ред. И.А. Седакова, ред. М.М. Макарцев, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 117–122.
- Мациевский И.В. К вопросу о творческо-исполнительской школе как инструменте сохранения и развития этнического инструментального музыкального искусства // Временник Зубовского Института. 2021. № 1 (32). С. 119–135.
- Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.
- Плотникова А.А. Martula (marturija) в диалектах восточной Сербии: происхождение и функциональная нагрузка термина в обряде // Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / отв. ред. И.А. Седакова, ред. М.М. Макарцев, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 123–127.
- Струтинский И.М. Музыка лаутаров в погребально-поминальных практиках румын долины Тимока // Живая старина. 2023 № 1 (117). С. 58–62.
- Спариосу Л. Румуни у Банату // Банат кроз векове: слојеви култура Баната: зборник радова / уредници Миодраг Матицки, Видојко Јовић. Београд: Вукова задужбина, 2010. С. 599–620.
- Hochbaum Ph. O comunitate confesională transformată în națiuni? Sârbii și românii din Banat în secolele 18 și 19. Teză de doctorat prezentată la Facultatea de istorie și filosofie la Universitatea Babeș-Bolyai Cluj-Napoca pentru obținerea titlului de doctor. Cluj-Napoca, 2013.
- Jurjovan T. Folclor muzical românesc din Ovcea. Zrenjanin, 1983.
- Maluckov M. Rumuni u Banatu. Etnološka monografija. Novi Sad: Vojvodanski muzej, 1985. 319 s.

Рукопись поступила в редакцию 17.10.2023 г.

Рукопись принятa к печати 12.05.2023 г.

REFERENCES

- Agapkina T.A. *Mifopoeticheskie osnovy slav'anskogo narodnogo kalendar'a. Vesenne-lentij cykl.* Moscow, Indrik Publ., 2002, 816 p. (In Russ.)
- Golant N.G. *Obryady vesenne-letnego tsykla v Valakhii: ocherki traditsionnoy kul'tury, otv. red. A.A. Plotnikova.* Moscow, Institute of Slavic studies of Russian Academy of Science Publ., 2014, 223 p. (In Russ.)
- Golant N.G. Svidetel'stvo (mărturie) v pogrebal'no-pominal'nom obryade rumyn (vlakhov) vostochnoy Serbii. *Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans*, ed.-in-chief I.A. Sedakova, eds. M.M. Makartsev, T. V. Civjan. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2023. pp. 117–122. (In Russ.)
- Hochbaum Ph. *O comunitate confesională transformată în națiuni? Sârbii și românii din Banat în secolele 18 și 19. Teză de doctorat prezentată la Facultatea de istorie și filosofie la Universitatea Babeș-Bolyai Cluj-Napoca pentru obținerea titlului de doctor.* Cluj-Napoca, 2013. (In Roman.)
- Jurjovan T. *Folclor muzical românesc din Ovcea.* Zrenjanin, 1983. (In Roman.)
- Maciejewski I.W. K voprosu o tvorcheskoi-ispolnitel'skoy shkole kak instrumente sokhraneniya i razvitiya etnicheskogo instrumental'nogo muzykal'nogo iskusstva. *Vremennik Zubovskogo Instituta*, 2021, no. 1 (32), pp. 119–135. (In Russ.)
- Maluckov M. *Rumuni u Banatu. Etnološka monografija.* Novi Sad, Vojvodanski muzej, 1985, 319 p. (In Serb.)
- Plotnikova A.A. *Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala.* Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2009. (In Russ.)
- Plotnikova A.A. Martula (marturija) v dialektakh vostochnoy Serbii: proiskhozhdeniye i funktsional'naya nagruzka termina v obryade. *Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans*, ed.-in-chief I.A. Sedakova, eds. M.M. Makartsev, T.V. Civjan. Moscow, Institute of Slavic Studies Publ., 2023, pp. 123–127. (In Russ.)
- Spariosu L. Rumuni u Banatu [Romanians in Banat]. *Banat kroz vekove: slojevi kultura Banata: zbornik radova, urednici Miodrag Maticki, Vidojko Jović*, Belgrade, Vukova zadužbina Publ., 2010, pp. 599–620. (In Serb.)
- Strutinskii I.M. Muzyka lautarov v pogrebal'no-pominal'nykh praktikakh rumyn doliny Timoka. *Zhivaya starina.* Moscow, 2023, no. 1 (117), pp. 58–62. (In Russ.)

Информация об авторе:

Information about the author:

Струтинский Иван Михайлович
 младший научный сотрудник
 Институт славяноведения Российской
 академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0002-7982-1017
 E-mail: sevdbrij@gmail.com

Ivan M. Strutynsky
 Junior Researcher
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000-0002-7982-1017
 E-mail: sevdbrij@gmail.com

*Приложения к статье И.М. Струтинского***Сравнительная таблица похоронно-поминальной лексики румынских и сербских сел Сербского Баната:**

Село	Название гроба	Обозначение вечера накануне похорон	Название кутьи	Основной поминальный день
Банатско Ново село	sicrin, серб. ковчег	priveghiu / priveghi / seară la mort	grâu / colivă	Lunia morțiilor – lunia după Paștele Mici (серб. побоини понедељак)
Владимировац	Sicriu	priveghi	grâu	
Селеуш	sicrin / sicriu	priveghi	colivă	Lunia murțască după Paștele Mici – lunia murțască / dzîua murțască
Барице	sâcrin	priveghi / seară la mort	grâu / colivă	Lunea Murțască – lunia după Paștele Mici
Николинцы	sicriu	priveghiu / priveghi		Lunia morțiilor (la 3 zile după Paști)
Воеводинцы	sâcrin	⁷		Paște
Ритишево	sicrin / sicriu	priveghi ⁸	cutie (cucie)	Vinerea Patimilor
Куштиль	sâcrin	priveghiu / seară-privigherea	grâu / cucie	Joia Mare
Стража	sâcrin	priveghi		Paștele Micea
Уздин	sicriu			Sâmbătă Mare
Гребенац		seară la mort		
Орешац	серб. ковчег			Lunia după Paște, серб. побуши понедељак
Овча	sicriu	priveghi		Paștele Micea
Маргита	sâcrin			Paște
Добрица	серб. ковчег		жито	серб. побусни понедељак

⁷ В Войводинцах *privéghi* является синонимом *săptămâna curată* (масленица).

⁸ Тут слово имеет два значения: и «вечер у покойника», и «масленица».

Славяноведение, 2024, № 6, с. 85–99
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 85–99

DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

Оригинальная статья / Original Article

Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.)

© 2024 г. С.А. Борисов^{1,*}, Н.И. Кикило^{2,**}, В.А. Немчинов^{3,***}

¹Институт славяноведения Российской академии наук

²Институт славяноведения РАН; Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

³Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

*borisovsergius@gmail.com

**kikilo.natalia@gmail.com

***vlad@gecko.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РНФ № 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у нацио-
нальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье приводится обзор полевого исследования среди представителей македонского, чешского и словацкого миноритарных сообществ в Южно-Банатском и Южно-Бачском округах автономного Края Воеводина (Сербия), проводившегося в 2023 г. Македонское меньшинство составляют потомки переселенцев, приехавших в Воеводину в 1945–1948 гг. В статье приводится краткий анализ влияния сербского языка на лексическую систему переселенческого языка, грамматику, отмечены случаи переключения кода. Работа с чешским меньшинством проводилась в третий раз. Был расширен аудиоматериал, в частности, записаны примеры неофициальных топонимов, которые приводятся в статье. Были сделаны фотографии письменных документов на чешском языке: краткой хроники села и книги рецептов, которые планируется подробно изучить для выявления диалектных и контактных особенностей языка. В рамках экспедиции также была начата работа по изучению языка словацкого меньшинства. На материале интервью анализируются случаи переключения кода, метаязыковой рефлексии, делается вывод об отсутствии между чешским и словацким меньшинством в Сербии ситуации «пассивного билингвизма», которая наблюдается в современных Чехии и Словакии.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, Воеводина, переключение кода, македонцы, чехи, словаки.

Ссылка для цитирования: Борисов С.А., Кикило Н.И., Немчинов В.А. Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 85–99. DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

The Linguistic Situation Among Macedonians, Czechs and Slovaks in Vojvodina (Based on Materials from the 2023 Expedition)

© 2024. Sergej A. Borisov^{1, *}, Natalia I. Kikilo^{2, **}, Vladislav A. Nemchinov^{3, ***}

¹Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences

² Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences; National Research
University Higher School of Economics

³Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*borisovsergius@gmail.com

**kikilo.natalia@gmail.com

***vlad@gecko.ru

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 20-78-10030 «Language and cultural contacts during the social transformations among national minorities in Alpine-Pannonian region»

Abstract. The article provides an overview of field research among representatives of the Macedonian, Czech and Slovak minority communities in the South Banat and South Bačka districts of the Autonomous Province of Vojvodina (Serbia), conducted in 2023. The Macedonian minority is made up of descendants of settlers who came to Vojvodina in 1945– 1948. The article provides a brief analysis of the influence of the Serbian language on the lexical system of the migrant idiom, grammar, and the abolition of code-switching features. Work with the Czech minority was carried out for the third time. The audio material was expanded, in particular, examples of unofficial toponyms were recorded, which are given in the article. Photographs were taken of written documents in the Czech language: a brief chronicle of the village and recipe books, which are planned to be studied in detail to identify dialect and contact features of the idiom. The expedition also began work on studying the language of the Slovak minority. Based on the interview material, cases of code switching and metalinguistic reflection are analyzed, and a conclusion is drawn about the absence of a situation of “passive bilingualism” between the Czech and Slovak minorities in Serbia, which is observed in modern Czech Republic and Slovakia.

Keywords: sociolinguistics, language situation, Vojvodina, code switching, Macedonians, Czechs, Slovaks.

For citation: Sergej A. Borisov, Natalia I. Kikilo, Vladislav A. Nemchinov. The Linguistic Situation Among Macedonians, Czechs and Slovaks in Vojvodina (Based on Materials from the 2023 Expedition) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 6. P. 85–99. DOI: 10.31857/S0869544X24060077, EDN: XGQOAL

0. В августе–сентябре 2023 г. научный коллектив сотрудников Института славяноведения РАН проводил полевое социолингвистическое исследование среди представителей славянских меньшинств в автономном крае Воеводина в Сербии. Большая часть работы проходила в Южном Банате, также были обследованы населенные пункты в исторической области Бачка. Н.И. Кикило сосредоточилась на изучении языковой ситуации у македонского меньшинства, С.А. Борисов и В.А. Немчинов – у чехов и словаков.

I. Интервью с информантами, которые относят себя к представителям македонского меньшинства¹ и в разной степени владеют македонским языком (в

¹ По данным переписи 2022 г. в Воеводине проживает 7 021 македонец (Попис становништва 2023, 26). Изменение численности македонского населения в Южном Банате и в Республике Сербии в целом описаны в [Станковић 2004].

его литературном и/или диалектном варианте) проводились² в следующих населенных пунктах: община Панчево и входящие в нее села Ябука (серб. *Jabuka*, венг. *Torontálalmás*, нем. *Apfeldorf*), Качарево (серб. *Kačarevo*, нем. *Franzfeld*), Глогонь (серб. *Glogonj*, рум. *Glogoni*, нем. *Glogau*), а также село Пландиште (серб. *Plandište*, венг. *Zichyfalva*, нем. *Zichydorf*; рум. *Plandiște*) в одноименной общине.

Компактность ареала проживания македонских информантов связана с процессом колонизации Воеводины на основании Закона об аграрной реформе, которая проводилась в Югославии в 1945–1948 гг. [Гаћеша 1984, Ђурђев 1995]. В нем устанавливались лимиты конфискации земель у частных владельцев, церкви, банков, предприятий в пользу государства. Немалую часть экспроприированного фонда составляли плодородные земли проживавшего на территории Воеводины немецкого населения. Аграрная реформа распределяла половину новообразованного земельного фонда между беднейшими крестьянами, семьями бывших партизан и ветеранов войны, которые переселялись в Воеводину из малоземельных горных регионов, в том числе из НР Македонии [Гибианский 2011, 556]. Активная фаза колонизации длилась до начала 1948 г.; согласно данным В. Ачкоской [Ачкоска 1993, 90, 112], всего из НР Македонии по аграрной реформе в Воеводину было переселено 1 678 семей или 10 352 человека из сел общин Куманово, Крива-Паланка, Неготино, Прилеп, Струга, Мала-Преспа и др.; основной областью заселения стала община Панчево (1 143 семьи и 7 195 человек соответственно).

Информанты являются потомками переселенцев-колонистов, сохранивших в идиоме македонского языковые особенности диалекта материнского ареала. Однако степень владения языком миноритарного сообщества у информантов сильно разнится и зависит от многих экстраконфессиональных факторов, в том числе: а) на каком языке они общались внутри семьи; б) насколько тесными оставались контакты с родственниками из Македонии, как часто информанты возвращались в македонскую языковую среду; в) на каком языке получали среднее и высшее образование.

После завершения колонизации в трех селах общины Панчево Ябука, Качарево и Глогонь были открыты школы с общеобразовательной программой на македонском литературном языке, но уже к 1960-м годам остались только программы на мажоритарном сербском, поскольку, по словам информантов, родители предпочитали отдавать детей в сербские классы. Свидетельства подтверждаются данными И. Трифуноского [Trifunoski 1958, 21]: в с. Глогонь, в котором преобладали переселенцы из общины Куманово НР Македонии (кумановско-кратовский говор северномакедонского диалекта [Видоески 1999, 161], наиболее близкий из всех македонских говоров к сербскому диалектному континууму), преподавание на македонском было отменено по желанию родителей учеников еще в начале 1950-х годов, то же самое чуть позднее произошло и в с. Качарево. Непrestижность македонского среди представителей меньшинства показывает также социолингвистическое исследование С. Станковича [Станковић 2004, 43–45], проведенное в 1995 г. в с. Ябука, где большинство опрашиваемых высказалось за изучение основной школьной программы на сербском. В законе о начальном и среднем образовании в Республике Сербии указано, что преподавание на языке миноритарного сообщества ведется при

² Неоценимая поддержка в исследовании была оказана представительствами Национального совета македонцев в Р. Сербия, особую благодарность выражаем С. Крстичу, С. Найдовскому, Б. Соколовски.

группе более 15 человек, в противном случае программа реализуется на сербском, а миноритарный язык изучается в качестве факультативного³. Именно так сейчас преподается македонский язык с элементами народной культуры в начальных школах с. Ябука, Качарево и Глогонь, что не способствует сохранению языка среди молодого поколения македонской diáspory.

Интервью были посвящены историям переселения семей-колонистов, описанию их быта, обустройству дома, сохранению македонских традиций в первые годы колонизации, употреблению топонимов и этнонимов Воеводины, языковой биографии информантов. Было опрошено 22 представителя меньшинства в возрасте от 40 до 93 лет.

Билингвальное своеобразие македонцев-переселенцев в Южном Банате уже становилось объектом исследования, например [Станковић 2004], с фокусом на процессы интерференции двух близкородственных южнославянских языков:

а) в области именного склонения вслед за [Станковић, Лаборска 2015, 244] отмечаем прямое заимствование лексем из сербского, которые функционируют в синтагме по правилам македонского языка, в том числе присоединяют определенный artikel:

1.1. *Дедото добивал плац, па тој бил глава на породицата.* Получал участок дед, ведь он был главой семьи (ЗЖ, Качарево).

1.2. *Таму е ваздукот на триесет и осум степени.* Там воздух – 38 градусов (БС, Ябука).

1.3. *Швабите се промерани после ратот.* Немцев изгнали после войны (ММ, Ябука).

Также заимствованные лексемы имеют окончания множественного числа по македонской модели, например:

1.4. *Од куни имат лепи пари земано, од крзно.* На куницах они хорошие деньги делали, на мехе (СН, Качарево).

Регулярно встречается использование определенной формы прилагательного, характерной для сербского языка и нехарактерной для македонского:

1.5. *Има во Ябука тука кући задржани, не толку велики број ама...* В Ябуке еще сохранились те дома, не так много, но все же... (ММ, Ябука).

При этом наблюдается смешение македонских и сербских словообразовательных моделей, ср. серб *устанак* и макед. *востание*:

1.6. *Татко ми е од Крушево, од кај што е потекло на Иленденското устание.* Мой отец из Крушево, откуда взяло начало Илинденское восстание (БС, Ябука).

б) влияние сербского языка на македонский идиолект информантов просматривается в непоследовательном употреблении членной морфемы и разрушении грамматически маркированной категории определенности/неопределенности [Там же, 245; Бошњаковић 2008, 24]:

1.7. *Ама не е таа моја баба, не е моја баба, таја од дедо ми е втора жена.* Но она не моя бабка, не моя, она вторая жена моего деда (ЗЖ, Качарево).

1.8. *Кога се родив родители вообщито не беше венчани.* Я когда родился, родители вообще не были повенчаны (СН, Глогонь).

1.9. *Имали су воденицу, једна воденица, пример, Турците доађале на воденица.* У них была мельница, одна мельница, к примеру, и вот турки в эту мельницу захаживали (СН, Качарево).

³ Закон о среднем образованье и воспитанье.

Как следствие, определенный прямой объект теряет удвоение в структуре предложения, т.е. синтаксически не маркируется местоименной репризой-проклитикой, ср. макед. лит. *датумот ви го кажав* и пример информанта:

1.10. *Јас сум роден тука, датумот ви кажав, во Глогоњ.* Я родился здесь, дату я вам назвал, в Глогоне (СК, Глогоњ).

в) особенности смешения и переключения кодов [Бошњаковић 2008], последовательное использование сербских дискурсивных маркеров (или имеющих грамматическую форму по сербской модели) в нарративе на македонском языке:

1.11. *Не би никогаш дошол затоа што му одговарало таму. Мислим // на сите.* Он бы никогда не приехал сюда, потому что там его все устраивало. Думаю, как и всех (СН, Качарево).

1.12. *Не било лов за уживањија него по потреба пре свега.* Охота не была развлечением, скорее охотились по нужде, прежде всего (СН, Качарево).

1.13. *Дојдена е една делегација, рецимо, во Јабука // една у Качарево.* Прибывает одна делегация, скажем, в Ябуку, еще одна – в Качарево (БС, Ябука).

1.14. *И онда тој за да ја излечи од тој инает, ја носи во една колиба кај што живеат ѓаволи. И онда таа оди таму и живее со еден ѓавол, и ѓаволот има нервни слом од таа жена.* И тогда он, чтобы излечить жену от упрямства, отводит ее в одну избу, где живут черти. И тогда она приходит туда и живет с чертом, и доводит черта до нервного срыва (ЗМ, Панчево).

г) в македонском языке глагольные *л-формы* типа *дошол* «пришел» являются как перфектными, так и эвиденциальными показателями, с помощью которых говорящий маркирует информацию, полученную опосредованно, не путем собственного наблюдения, чаще – с чужих слов [Усикова 2003, 217–218], ср. мак. лит.: *Ми се јави Санја, доцни бидејќи спиела.* Мне позвонила Саня, она опаздывает, потому что спала.

В сербском языке *л-формы* имеют значение претерита (завершенного действия в прошлом) [Стевановић 1989, 605], поэтому сербская система глагольных значений оказывает влияние на непоследовательное употребление эвиденциальных форм в македонских нарративах у тех информантов, в чьем идиолекте данная категория ожидаема. В следующем примере информант, идиолект которого был сформирован центральными говорами с. Богомила и с. Ореше Велешского региона, рассказывает о своем дяде, его судьбе. В его речи аористные и имперфектные претеритные формы чередуются с *л-формами*:

1.15. *После стрико ми се врати во Македонија. Купил плац во Битола, беше врвен еден мајстор, беше алатничар и работеше во оваја (...)* прва ударничка фабрика. Потом дядя вернулся в Македонию. Купил участок в Битоле, он был настоящим мастером, изготавливал инструменты и работал на той (...) первой ударной фабрике (ЗЖ, Качарево).

Предположительно, *л-форма* «купил» под влиянием сербского получает несвойственное ей в македонском значение завершенного действия в прошлом, наподобие македонских свидетельских форм аориста *се врати* ‘вернулся’ и имперфекта *беше* ‘был’, *работеше* ‘работал’.

Влияние сербского языка как мажоритарного на идиолект македонцев в сообществах Воеводины не ограничивается обозначенными тенденциями, последующая статистическая обработка устного корпуса текстов покажет точнее, какие изменения претерпевает македонский язык, обладающим высоким индексом «балканализации», в тесном контакте с балканализированным в меньшей степени сербским диалектным окружением на территории Воеводины.

II. Полевое исследование среди чехов в Воеводине проводилось коллективом в третий раз⁴. Основной целью этой части экспедиции являлось расширение аудиоматериала за счет записи в раннее посещенных селах интервью с использованием обновленного опросника – Крушчица (серб. *Kruščica*, чеш. *Kruščice*, нем. *Kruschitz*), Чешко-Село (серб. *Češko Selo*, чеш. *České sело / Ablián*, венг. *Csehfalva*), а также за счет обследования населенного пункта Гай (серб. *Gaj*, чеш. *Gáj*), в котором авторы проводили беседу с информантами впервые. Помимо вопросов, посвященных истории переселений чехов в Воеводину, событиям религиозного и семейного цикла, сфере употребления миноритарного языка, которые всегда включаются членами коллектива в опросник для изучаемых меньшинств, особое внимание также уделялось, например, фиксации топонимов в той форме, в которой информанты употребляют их в спонтанной речи. В целях изучения топонимов также были сделаны фотографии ранее не задокументированных табличек с названиями населенных пунктов. Всего было записано 9,5 часов интервью с восемью представителями чешского меньшинства в возрасте от 52 до 75 лет.

Чешко-Село и Крушчица расположены на этнокультурном пограничье: к востоку находится граница с Румынией, к северу и западу – населенные пункты, в которых проживают венгры (Добричево) и румыны (Страже), к югу – Дунай, являющийся границей Воеводины. В сознании информантов также жива память о проживавших на этих территориях до Второй мировой войны немцах. По этой причине исследователей интересовали приграничные нарративы и то, какие топонимы и гидронимы используют представители меньшинства при назывании объектов ближнего круга. В этом плане особенно иллюстративным был следующий нарратив информанта из Чешко-Село:

2.1. – *Viš, jak tejka z druhix vesničci sem strkaje? Xteji e-e xteji pole, a u nas, u nas nejmiň roťi. U nas je nejho(r)ši zem. Červena Cirkef, Jasenovo, fšix, šíxni maji lepči zem. Kruščic, mi, tadi Soboti tu (U)svajsaláš. U níx uš je to troxi jinači. Protože oni sou (h) níš. Protuze voda teče s Kruščic. Teče sem a teče do toho Karaše, jak ste ho přejeli. Jestli ste si fšimli to, jestli ste se spustili se Stráže, s toho vršku <...> tak to je ten Karaš. A to teče i přez Utvajsalaš...*

– *Dobričovo.*

– ... i-i-i *Soboti-i-i-ic* i nevím, že jo, pak teče do, za *Jasenovem* jde do *Duplaje* i pak sem e-e ulejva do toho e-e-e, teče do toho kanálu. *Kanal DeTeDe*, a ten kanal do *Dunaje* <...>. U *Palanki* jesi tam bude ten <...> ta potom de ta skela. Přez *Dunaj* do *Ramu tam*, do do *Srbije*. *Tam to je Srbija tuto je Vojvod'ina*. Nebo tuto je *Severna Srbija* a tam to je *Zapadna Srbija*⁵.

– Знаешь, как сейчас из других деревень сюда протискиваются? Они хотят, хотят поля, а у нас, у нас меньше всего рождается. У нас самая плохая земля. Црвена-Црква, Ясеново, у всех земля лучше. Крушчица, мы, здесь Банатска-Суботица, (*U)svajsaláš* (Добричево). У них немного по-другому. Потому что они ниже. Потому что вода стекает из Крушчицы. Она стекает сюда, стекает

⁴ О предыдущих экспедициях см. [Борисов 2021б; Борисов 2023], где кратко описана современная языковая ситуация у чехов в Воеводине. Актуальное количество представителей чешского меньшинства в Сербии – 1 317 чел. (Становништво према националној припадности).

⁵ Для записи нарративов на чешском и словацком языке используется упрощенная диалектологическая транскрипция. Глухой велярный спирант обозначен символом *x*. В скобках даются нечетко произнесенные звуки. Отрывки на сербском языке приводятся в стандартной латинской сербохорватской орфографии. Реплики исследователей приводятся в стандартной орфографии соответствующего языка.

в Карапш, который вы пересекли. Если вы заметили, если вы спустились от Стражи, с того холма, то это тот самый Карапш. Он течет и через *Utvajsalaš* (Добричево)...

— Добричево.

— ... и (Банатска-)Суботицу, и не знаю, потом течет, за Ясеново идет к Дунайле и там вливается, течет в канал. Канал ДТД⁶, а там этот канал — в Дунай. У Паланки, там будет, будет паром. Через Дунай в Рам, туда, в Сербию. Там это Сербия, а здесь Воеводина. Или же здесь Северная Сербия, а там — это Западная Сербия (ЙБ, МБ, Чешко-Село).

Были отмечены следующие формы, отличающиеся от официальных топонимов: *Červena Cirkef* — калькированная форма серб. *Crvena Crkva*; *Krušić*, *s Krušić*⁷ — фонетический вариант нем. *Kruschiz*; *Soboři*, *Sobořic* — фонетический вариант серб. *Subotica* (*Banatska Subotica*, венг. *Krassószombat*); (*U)svajsalaš*, *Utvajsalaš* — фонетические варианты венг. *Udvarszállás* (серб. *Dobričevo*). При анализе раннее записанных интервью нами уже отмечалось частое употребление немецких вариантов топонимов *Krušić* и *Vajskirch* (от нем. *Weißkirchen* — город *Bela Crkva*) [Борисов 2021а, 74–75; Борисов 2023, 235–236]. Примечательно, что топоним Црвена-Црква получает чешское звучание через калькирование. Для аналогичного по форме топонима Бела-Црква нам встречались варианты *do Bilej Crkvi*, *Bilej Kostel* [Борисов 2023, 235–236]. В селе Добричево венгры составляют большинство (по данным переписи 2002 г.⁸ — 88,5 %), что обуславливает использование информантом варианта топонима *Udvarszállás*. При этом вторая информантка, осознавая, что собеседники, не проживающие в регионе (в данном случае, исследователи), могут не знать этого названия, приводит сербский вариант (подробнее о дискурсивных стратегиях см. [Борисов, Пилипенко 2020]). С этнокультурной точки зрения интересно то, как в сознании информантов сохраняется противопоставление Воеводины — входившей в состав Австрийской (Австро-Венгерской) империи и имевшей значительную автономию в составе новых государств, образовавшихся в XX в., — и Сербии к югу от Дуная, которая до получения Сербией независимости в XIX в. входила в состав Османской империи: *Tam to je Srbija, tuto je Vojvodina*.

Помимо записанного аудиоматериала в распоряжении исследователей оказались образцы так называемого «наивного письма». У одной из собеседниц мы сфотографировали 50 страниц краткой хроники села Крушчица на чешском языке, часть которой она переписала из документа, хранящегося в местной церкви, а другую писала сама. Также мы сфотографировали более 400 страниц из ее книг рецептов на чешском и сербском языках. Наша информантка, родившаяся в Крушчице в 1940-х годах, закончила восемь классов школы, где обучение проходило в основном на сербском языке, а чешский преподавали только в первых двух классах. Она использует чешский язык в общении с родственниками, живущими в Чехии, в коммуникации внутри миноритарного сообщества, активно слушает и читает СМИ на чешском языке. Для примера приведем отрывок рецепта рогаликов с салом:

⁶ Канал Дунай — Тиса — Дунай.

⁷ Фонетический вариант, происходящий от неадаптированного *Kruschiz*, обычно не склоняется, что фиксировалось нами и в беседах с другими информантами в Южном Банате. Зафиксированное в речи ЙБ колебание долготы *Krušić/Krušć*, возможно, носит нефонемный характер.

⁸ Попис становнишства 2003, 32. В более поздних переписях отсутствуют данные по национальному составу отдельных населенных пунктов.

2.2. **KIFLICE SA SALOM / Za 5 din. kvasnic dat do mlíka 55 d. mouki pomichat ze žici sadla přidat 2 žice cukru žičku sole 2 žloutki i kvasnice všechni zamichat ze mlíkem zadělat trochu tvrči jako za običnou buchtu...**

[РОГАЛИКИ С САЛОМ / Дрожжи за 5 динар добавить в молоко, 550 г муки перемешать с ложкой сала⁹, добавить 2 ложки сахара, ложку соли, 2 желтка и дрожжи, все перемешать с молоком, замесить потверже, как для обычной булки...]

Переключение кода наблюдается в названии, которое, в отличие от текста рецепта, приведено по-сербски: *kiflice sa salom* ‘рогалики с салом’. В самом тексте употребляются преимущественно чешские лексемы, включая слово *sadlo* (чеш. лит. *sádlo*) ‘сало’, ‘смалец’.

III. Словацкий язык как язык диаспоры в Сербии¹⁰ прежде становился предметом изучения таких исследователей, как Д. Дудок [Dudok 1996], М. Дудок [Dudok 2008], А. Ференчикова [Ferenčíková 2014], Ю. Гловня [Glovňa 2018], М. Грибова [Hřibová 2022] и др. Авторский коллектив в рамках экспедиции 2023 г. проводил полевое исследование словацкого меньшинства в Воеводине впервые¹¹. Были обследованы населенные пункты в Южно-Банатском округе: Войловица (серб./словацк. *Vojlovica*, административно относящийся к Панчево), Ковачица (серб./словацк. *Kovačica*), Хайдучица (серб. *Hajdučica*, словацк. *Hajdušica*), Яношик (серб. *Janošik*, словацк. *Jánošík*); и в Южно-Бачском округе: Бачки-Петровац (серб. *Bački Petrovac*, словацк. *Báčsky Petrovec*), Нови-Сад (серб. *Novi Sad*, словацк. *Nový Sad*).

Переселение словаков на территорию современной Воеводины стало следствием миграционных процессов в направлении южных территорий Венгрии, начавшихся в XVIII в. В 1740-х годах словацкие колонисты селятся в Петровице в области Бачка (совр. Бачки-Петровац). В последующие годы (на рубеже XVIII–XIX вв.) словаки заселяют Срем и Южный Банат. В районе Войловицы колонисты появляются в 60–80-х годах XIX в.

Словацкий язык называют родным 38 584 чел.¹² Что касается получения основного образования на словацком языке, школьные учителя отмечают, что если десять лет назад в словацких классах обучалось около 3 400 учеников, то на сегодняшний день их количество составляет примерно 2 400 человек. Существуют также отделения с преподаванием на словацком языке в гимназиях в Ковачице, Бачки-Петроваце и Нови-Саде [Đorđević 2023].

В Войловице исследовали посетили приход Словацкой евангелической церкви Аугсбургского вероисповедания в Сербии (словац. *Slovenská evanjelická augsburského vyznania cirkev v Srbsku*), где состоялась беседа с пастором Екатериной Прейман и прихожанами церкви. Также интервью проводились в словацком культурном обществе «Детван» (словац. *Detvan*, серб. *Đetvan*), члены которого занимаются постановкой народных танцев и сцен на сюжеты

⁹ Имеется в виду топленое сало – смалец.

¹⁰ По данным переписи населения 2022 г. в Сербии проживает 41 730 представителей словацкого национального меньшинства. При этом большая часть (39 807) – на территории автономного края Воеводина (Попис становништва 2023, 27), что делает их третьей по численности национальностью в крае после сербов и венгров. Словацкий язык носит статус официального в 12 муниципалитетах (общинах) Воеводины (Језици и писма у службеној употреби).

¹¹ Авторы выражают благодарность за неоценимую помощь в исследовании пастору Екатерине Прейман (Войловица), члену общества «Детван» Михалу Калмару (Войловица), члену общества «Детван» и актрисе Словацкого воеводинского театра Катарине Калмар (Войловица, Бачки-Петровац), владельцам галерей наивного искусства Яну Чеху и Павлу Бабке (Ковачица).

¹² Становништво према матерњем језику.

традиционной культуры (например, словацкая свадьба) в рамках национальных фестивалей, различными ремеслами, среди которых, например, вышивка¹³, роспись утвари. В селе Ковачица, которое является центром словацкого наивного искусства в Сербии, авторы посетили две галереи и провели интервью с их владельцами. В Бачки-Петроваце авторы по приглашению участников театрального фестиваля побывали в Словакском воеводинском театре (серб. *Slovačko vojvođansko pozorište*, словацк. *Slovenské vojvodinské divadlo*) и присутствовали на репетиции спектакля, который готовился для фестиваля. В селе Яношик (серб. *Janošik*, словацк. *Jánošík*) исследователи посетили традиционный словацкий дом, в котором устроена музейная экспозиция.

Общая длительность записанных интервью составила 19 часов. Также было сделано несколько видеозаписей, в частности репетиции спектакля. В посещенных населенных пунктах сделаны фотографии, отображающие языковой ландшафт (указатели, вывески, объявления на словацком языке), задокументированы надписи на надгробных памятниках в Войловице, Ковачице и Бачки-Петроваце.

Надписи на надгробных памятниках в большинстве случаев имеют двухчастную структуру. Антроним (имя, фамилию) и годы жизни усопшего (усопших) обрамляет сопроводительная надпись, которая может содержать следующие элементы (были зафиксированы их различные комбинации): вводное клише по типу «здесь покоятся», цитаты из Евангелия и Псалтири, слова скорби, указание на родственников, установивших памятник. Эпитафии на словацком языке показывают высокую графико-орфографическую вариативность, и их анализ в сопоставлении с языковым материалом записанных аудиоинтервью позволяет сделать дополнительные и более точные выводы о проявляющихся в миноритарном идиоме диалектных чертах с одной стороны и об интенсивности процессов ассимиляции – с другой¹⁴. Приведем пример подробной надписи:

3.1. *TU-ODPOČÍVA KRISTU PANU / MÍŠO-KOLÁRIK / NAROĐENI 1901 A ZOMREL 1977 / EVA-KOLÁRIK / NAROĐENÁ 1903 A ZOMRELA 2000 / ČO BOCH ČÍNÍ VŠE DOBRE JEST / SVATÁ JE VOLA JENO (sic!) / TENTO POMNIK PODVILHA MANŽELKA / Z ĐETKAMI* (Здесь покоятся у Христа Господа / Мишо Коларик / родился (в) 1901, а умер (в) 1977 / Эва Коларик / родилась (в) 1903, а умерла (в) 2000 / Что Бог совершает – все есть хорошо / свята воля Его / Этот памятник воздвигла супруга / с детьми).

Ввиду ограниченности объема статьи мы не приводим здесь подробный анализ всех обнаруженных графико-орфографических черт, однако отметим то, как в надписи отображается палатальный [d̪] перед гласным переднего ряда [e] (*NAROĐENI*, *NAROĐENÁ*) и перед дифтонгом [ie] (*ĐETKAMI*). Буква *đ*, использующаяся в сербской и хорватской латинице, обозначает в этих языках звонкую палатальную аффрикату [d̪z]. В переселенческих словацких идиомах на территории Воеводины действительно фиксируется ассимиляция палатальных [d̪] и [t̪], однако она присутствовала в речи лишь некоторых наших информантов. В (3.1) буква *Đ* имеет модифицированный вид: над ней также

¹³ Надписи, вышитые на полотенцах, также становятся объектом изучения социолингвистов в этнически смешанных регионах, см. [Березнев 2023, 153–154].

¹⁴ Об изучении надписей на надгробных памятниках в этнически смешанных населенных пунктах в Словакии см. [Вашченко 2020].

располагается гачек (ˇ)¹⁵, что позволяет сделать предположение о том, что так автор надписи хотел обозначить лишь мягкость [d̥], а не шипящее произношение [dʒ]. С другой стороны, носители сербского языка, по-видимому, при употреблении лексем словацкого языка действительно на месте [d̥] произносят аффрикату, так как название словацкого культурно-просветительского общества в Войловице «Детван» (ср. словац. *Detvan* [d̥etvan]) на сфотографированной у входа табличке на сербском языке передано как *Бетван*.

Были проведены и записаны в аудиоформате интервью с 20 представителями словацкого меньшинства в возрасте от 29 до 80 лет. Основными темами бесед были: история переселения словаков в Воеводину, обряды календарного и семейного цикла, традиционные ремесла словаков, наивное искусство, особенности взаимоотношений с представителями других этноконфессиональных групп, образование на миноритарном языке. Интервью проводились на словацком языке, а случаи переключения на сербский язык были преимущественно коммуникативно обоснованы. Все словаки, проживающие на территории Воеводины и использующие словацкий язык в качестве L1, владеют также сербским как L2, поэтому такое функциональное переключение не вызывает сложностей. Так, например, во время одного интервью (3.2) информантка обратилась на словацком языке к участнице исследовательской группы, не владеющей словацким языком, после чего, отметив коммуникативную неудачу, быстро и осознанно перешла на сербский язык.

3.2. БГ: *Povedz' e vi tňe, ja teraz bud' em troxa bezobrezna, sked'e sťe vi?*

HK¹⁶: *Mogu samo na srpskom.*

БГ: *A na srpskom može, recite!*

HK: *Odkud sam ja?*

БГ: *Odakle ste vi?*

HK: *Mi smo iz Moskve.*

– Скажите мне, я сейчас буду немного нетактична, откуда вы?

– Я могу только на сербском.

– А можно и на сербском, говорите!

– Откуда я?

– Откуда вы?

– Мы из Москвы. (БГ, Хайдучица)

Говоры переселенцев, прибывших в XVIII в. на территорию современной Воеводины, различались в зависимости от населенных пунктов, из которых пришли конкретные семьи, однако в основном это были южные говоры среднесловацкого диалекта [Glovňa 2018, 87]. В силу длительного изолированного существования, а также вследствие процессов внутренней миграции и языковых контактов с другими языковыми группами, словацкие идиомы в различных областях Воеводины и даже в отдельных селах приобрели уникальные черты, так что сегодня их невозможно соотнести с каким-либо конкретным диалектом на исходной словацкой территории [Dudok 1996, 122].

Информанты при общении с исследователями часто сами комментировали формы конкретных лексем, а также фонетические особенности, характерные для идиома их населенного пункта в сравнении с идиомом другого населенного пункта (3.3, 3.4) или с литературным словацким языком (3.4).

¹⁵ В тексте статьи гачек расположен правее буквы *D* для облегчения набора. На памятнике он находится точно над буквой.

¹⁶ HK – Наталья Кикило.

3.3. МГ: *Ale čuli st'e, ako zaujimave, bud'eťe vid'eť teras, napriklat tuto v Vojlovici st'e boli, oňi napriklat...*

БГ: *Sve na «l».*

МГ: *No, «vela».*

БГ: *Ako «vela», «vela». Mi poeme «vel'a». A oňi vravia «vela». A što je sad «vela»?*

МГ: *No, jesto dost već tix lokalňix virazow, napriklat vol'agd'e sa použiva takto, aj medzi d'ed'inami je, slovenskim d'ed'inami, je zasek ine. W Janošiku povedia napriklad za vołake veci, za kokoric sa povia ako «šrot».* (БГ, МГ, Хайдучица).

– Но вы слышали, интересно, вы увидите теперь, например, здесь в Войловице вы были, они, например...

– (У них) все с (твёрдым) «л».

– Да, *vela*¹⁷.

– Как *vela*, *vela*. Мы говорим *vel'a*. А они говорят *vela*. А что это за *vela*?

– Да, много таких местных выражений, например кое-где используется, даже между деревнями, словацкими деревнями, по-разному. В Яношике говорят, например, про какие-нибудь вещи, про кукурузу говорят *šrot*¹⁸.

3.4. МК: *Tu je bola na pohrobe.*

МЧ: *Vid'el som ju na pohrobe, ale teras nevid'el som.*

МК: *Dñež zme mali pohrop. Pohrep. Po slovenski mi tu vravime, vid'iš. Mi vravime vo Vojlovici pohrop, ale slovenski je pohrep. Tagže jesto taki vírazi, čo... A cintorin je po slovenski, a tu fšeci každi vo Vojlovici t'i poví cinterin.*

– Она была здесь, на похоронах.

– Я видел ее на похоронах, но сейчас не видел.

– Сегодня у нас были похороны. Похороны. По-словацки мы здесь говорим, видишь. Мы говорим в Войловице *pohrob*¹⁹, но по-словацки это *pohreb*. Так что есть такие выражения, которые... А *cintorin*²⁰ – это по-словацки, а здесь все, каждый в Войловице тебе скажет *cinterin*.

В (3.4) также было отмечено нехарактерное для словацкого языка употребление связи 3 л. *je* в перфекте, что мы трактуем как контактную особенность, возникшую под влиянием сербского языка.

В современных Чехии и Словакии констатируется «пассивный билингвизм», благодаря которому носители чешского и словацкого языка способны понимать друг друга [Nábělková 2000, 105–106]. Его развитию способствовали в том числе миграции населения внутри Чехословакии в XX в., использование обоих языков в СМИ. Однако словацкие и чешские крестьяне мигрировали в XVIII–XIX вв. из регионов, где отсутствовали контакты этих двух этносов, они селились в разных областях Воеводины, различались их конфессии (чехи в Воеводине в основном католики, словаки – протестанты евангелисты). Воеводинские словацкие и чехи живут изолированно друг от друга и, по словам наших собеседников, практически никак не контактируют даже на фольклорных фестивалях. По этой причине упомянутый взаимный «пассивный билингвизм» не актуален для языковой ситуации чехов и словаков в Сербии. При этом при попытке исследователя заговорить с представителем словацкого меньшинства на чешском языке, тот понимал содержание обращенной к нему речи, но выражал опасение, что коммуникация не состоится.

¹⁷ Словацк. *vel'a*, ‘много’.

¹⁸ Словацк. *šrot* ‘зерно крупного помола’.

¹⁹ Словацк. *pohreb* ‘похороны’.

²⁰ Словацк. *cintorín* ‘кладбище’.

3.5. СБ²¹: *Ja bych, kdybyste nebyl proti, česky...*

МК: *To ja ſeviem, ſeviem.*

СБ: *Ne, nebudeſte rozumět?*

МК: *A možno bi ſom rozumel, ale mi nebudeſe...*

<...>

СБ: *Ale mě zajímá, abyste mluvil slovensky.*

МК: *No dobre, probujme tak. Ti česki, ja slovenski, a pokiaľ ſtihňem...*

— Я бы, если Вы не против, по-чешски...

— Это я не умею, не умею.

— Нет, не будете понимать?

— Может быть, я и пойму, но мне не будет...

— Но мне интересно, чтобы Вы говорили по-словацки.

— Ну, хорошо, давай попробуем так. Ты по-чешски, я по-словацки, и если получится... (МК, Войловица).

Выводы

Одна из социолингвистических особенностей македонского как языка миноритарного сообщества в Воеводине заключается в том, что он не является языком повседневной коммуникации внутри македонской диаспоры, предпочтение отдается сербскому. По этой причине у многих представителей македонского меньшинства, если они говорят на македонском, возникают трудности при переключении кода. После перехода на сербский язык многие из наших информантов впоследствии испытывали затруднения с продолжением беседы по-македонски. Также владение македонским не считается главным условием включения в диаспору, т.е. необязательно говорить на македонском, чтобы считать себя македонцем. В этом состоит его отличие от чешских и словацких сообществ региона, где миноритарный язык остается основным средством общения и одним из основных факторов самоидентификации для его носителей.

Планируется расшифровка и анализ всего записанного аудиоматериала с точки зрения фонетики, лексики и грамматики изучаемых идиомов. Отмеченные явления будут сопоставляться с материалом говоров областей, из которых происходили миграции, а также анализироваться с точки зрения контактов с языком окружения и другими миноритарными языками. На рукописном материале, полученном в Крушчице, планируется изучить, как на письме проявляются особенности местного чешского идиома, а также проанализировать случаи переключения кода (о значимости «эго-документов» для социолингвистических исследований см., напр. [Лагно, Пилипенко 2021]). Будет также продолжена работа по расшифровке надписей на надгробных памятниках и созданию эпиграфической базы данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Језици и писма у службеној употреби у статутима градова и општина на територији АП Војводине. Нови Сад, 01.09.2022. године // Покрајински секретаријат за образовање, прописе, управу и националне мањине – националне заједнице. URL: <https://www.puma.vojvodina.gov.rs/mapa.php> (дата обращения: 01.02.2024).

Закон о средњем образовању и васпитању: 55/2013-15, 101/2017-19, 27/2018-3 (др. закон), 6/2020-24, 52/2021-3, 129/2021-9 (др. закон), 129/2021-15, 92/2023-338. URL: <https://www>.

²¹ СБ – Сергей Борисов.

pravno-informacioni-sistem.rs/SIGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2013/55/2/reg (дата обращения: 01.02.2024).

Попис становништва, домаћинства и станова 2022. године. Национална припадност. Подаци по општинама и градовима / директор М. Ковачевић. Београд: Републички завод за статистику, 2023.

Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. Национална или етничка припадност. Подаци по насељима / директор З. Јанчић. Београд: Републички завод за статистику, 2003.

Претрага десеминационе базе. Становништво према националној припадности // Република Србија. Републички завод за статистику. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020102?languageCode=sr-Cyril&displayMode=table> (дата обращения: 01.02.2024).

Претрага десеминационе базе. Становништво према матерњем језику // Република Србија. Републички завод за статистику. URL: <https://data.stat.gov.rs/Home/Result/3104020302?languageCode=sr-Cyril&displayMode=table> (дата обращения: 01.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ачкоска В.* Аграрот и селото во Македонија 1945–1955 година. Докторска дисертација. Скопје, 1993. 355 с.
- Березнев В.И.* Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 г.) // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 151–158.
- Борисов С.А.* Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение. 2021а. № 3. С. 64–79.
- Борисов С.А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (обзор полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021б. № 1–2. С. 310–328.
- Борисов С.А.* Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 231–248.
- Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 15–26.
- Бошњаковић Ж.* Карактеристике македонско-српског билингвизма // Јужнословенски филолог LXIV. Београд: САНУ, 2008. С. 21–33.
- Ващенко Д.Ю.* К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градишанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // Slavica Slovaca. 2020. Р. 55. С. 3. С. 359–367.
- Видоески Б.* Дијалектите на македонскиот јазик. Т. 2. Скопје: МАНУ, 1999. 250 с.
- Гајеша Н.* Аграрна реформа и колонизација у Југославији, 1945–1948. Нови Сад: Матица Српска, 1984. 403 с.
- Гибианский Л.Я.* По советскому образцу: первые годы коммунистического правления // Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 525–566.
- Ђурђев Б.* Послератно насељавање Војводине: методи и резултати демографске анализе насељавања Војводине у периоду 1945–1981. Нови Сад, Матица српска, 1995. 203 с.
- Лагно А.Р., Пилипенко Г.П.* Дневник жителя Галиции Степана Федоровича Лагно как объект историко-лингвистического анализа // Центральноевропейские исследования, 2021. Вып. 4(13) / гл. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 359–387.
- Станковић С.* Македонци и Македонски језик у Републици Србији – Pro et Contra // Скривене мањине на Балкану (ур. Б. Сикимић). Београд: САНУ, 2004. С. 41–50.
- Станковић С., Лаброска В.* За српско-македонската језична интерференција на морфосинтаксичко размиште кај Македонците во јужен Банат // Путевима српских идиома: зборник у част проф. Радивоју Младеновићу поводом 65. рођендана. Крагујевац, 2015. С. 241–253.
- Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. (граматички системи и књижевнојезична норма). Књ. II: Синтакса. Београд: Научна књига, 1989. 942 с.

- Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М.: Муравей, 2003. 376 с.
- Dorđević S. Poluprazne klupe u slovačkim odeljenjima // Storyteller, 05.09.2023. URL: <https://www.storyteller.rs/sr/poluprazne-klupe-u-slovackim-odeljenjima/> (дата обращения: 01.02.2024).
- Dudok D. O slovenskom jazyku v Juhoslávii. Vedecké zošity. Báčsky Petrovec: Kultúra, 1996. 202 s.
- Dudok M. Zachránený jazyk. State o enklávnej a diasporálnej slovenčine. Nadlak: Vydatelstvo Ivan Krasko, 2008. 205 s.
- Ferenčíková A. Poznámky o fungovaní predložky za v slovenských nárečiach vo Vojvodine // Godišnjak za srpski jezik Filozofskog fakulteta u Nišu, 2014. R. 25. Č. 13. S. 601–606.
- Glovňa J. Stav vojvodinskej slovenčiny ako enklávneho jazyka // Slavica Slovaca. 2018. R. 53. Č. 3–4. S. 86–93.
- Nábělková M. Rozdelenie a «vzdaľovanie»: niekoľko pohľadov // Česko-slovenská vzájemnosť a nevzájemnosť / I. Pospíšil, M. Zelenka. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000. S. 104–112.
- Trifunoski J. O posleratnom naseljavanju stanovništva iz NR Makedonije u tri banatska naselja – Jabuka Kačarevo i Glogonj. Novi Sad: Matica srpska, 1958. 43 s.

Рукопись поступила в редакцию 10.02.2024

Рукопись принята к печати 29.03.2024

REFERENCES

- Ačkoska V. *Agrarot i seloto vo Makedonija 1945–1955 godina*. Doktorska disertacija. Skopje, 1993, 355 p. (In Maced.)
- Bereznev V.I. Iazykovaia situatsiia u natsional'nykh men'shinstv Serbii (AK Vojevodina) i Bosnii i Gertsegoviny (po materialam ekspeditsii 2023 g.). *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazije. Materialy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury. 23–24 maja 2023 g.*, eds. Je.S. Uzenëva, O.V. Khavanova. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2023, pp. 151–158. (In Russ.)
- Borisov S.A. Kontaktnye iavleniya v iazyke etnicheskikh chekhov serbskogo Banata. *Slavianovedenie*, 2021a, no. 3, pp. 64–79. (In Russ.)
- Borisov S.A. Cheshskii iazyk v polietnichnom okruzhenii (obzor polevogo issledovaniia 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine). *Slavianskii al'manakh*, 2021b, no. 1–2, pp. 310–328. (In Russ.)
- Borisov S.A. Chekhi sredi serbov i khorvatov: obzor sotsiolingvisticheskoi ekspeditsii 2022 g. *Slavianskii al'manakh*, 2023, no. 1–2, pp. 231–248. (In Russ.)
- Borisov S.A., Pilipenko G.P. Cheshsko-serbsko-rumynskije iazykovyye kontakty v rumynskom Banate na materiale polevogo issledovaniia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 459, pp. 15–26. (In Russ.)
- Bošnjaković Ž. Karakteristike makedonsko-srpskog bilingvizma. *Južnoslovenski filolog*, 2008, no. LXIV, pp. 21–33. (In Serb.)
- Dorđević S. Poluprazne klupe u slovačkim odeljenjima. *Storyteller*, 05.09.2023. Available at: <https://www.storyteller.rs/sr/poluprazne-klupe-u-slovackim-odeljenjima/> (accessed: 01.02.2024). (In Serb.)
- Dudok D. O slovenskom jazyku v Juhoslávii. Vedecké zošity. Báčsky Petrovec, Kultúra Publ., 1996, 202 p. (In Slovak.)
- Dudok M. Zachránený jazyk. State o enklávnej a diasporálnej slovenčine. Nadlak, Ivan Krasko Publ., 2008, 205 p. (In Slovak.)
- Durdev B. *Posleratno naseljavanje Vojvodine: metodi i rezultati demografske analize naseljavanja Vojvodine u periodu 1945–1981*. Novi Sad, Matica srpska, 1995, 203 p. (In Serb.)
- Ferenčíková A. Poznámky o fungovaní predložky za v slovenských nárečiach vo Vojvodine. *Godišnjak za srpski jezik Filozofskog fakulteta u Nišu*, 2014, year 25, no. 13, pp. 601–606. (In Slovak.)
- Gaćeša N. *Agrarna reforma i kolonizacija u Jugoslaviji, 1945–1948*. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 1984, 403 p. (In Serb.)
- Gibianskii L.Ia. Po sovetskemu obraztsu: pervye gody kommunisticheskogo pravleniiia. *Iugoslavia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii*, ed. K.V. Nikiforov, Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 525–566. (In Russ.)
- Glovňa J. Stav vojvodinskej slovenčiny ako enklávneho jazyka. *Slavica Slovaca*, 2018, year 53, no. 3–4, pp. 86–93. (In Slovak.)
- Lagno A.R., Pilipenko G.P. Dnevnik zhitelia Galitsii Stepana Fedorovicha Lagno kak ob"jekt istoriko-lingvisticheskogo analiza. *Tsentral'noevropeiskije issledovaniia*, vyp. 4(13), ed. O.V. Khavanova, Moscpw, Institut slavianovedeniia RAN Publ., Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 359–387. (In Russ.)
- Nábělková M. Rozdelenie a «vzdaľovanie»: niekoľko pohľadov. *Česko-slovenská vzájemnosť a nevzájemnosť*, eds. I. Pospíšil, M. Zelenka, 1. vyd., Brno, Masarykova univerzita Publ., 2000, pp. 104–112. (In Slovak.)

- Stanković S. Makedonci i Makedonski jezik u Republici Srbiji – Pro et Contra. *Skrivene manjine na Balkanu*, ed. B. Sikimić, Beograd, SANU Publ., 2004, pp. 41–50 (In Serb.)
- Stanković S., Labroska V. Za srpsko-makedonskata jezična interferencija na morfosintaksičko ramnište kaj Makedoncite vo južen Banat. *Putevima srpskih idioma: zbornik u čast prof. Radivoju Mladenoviću povodom 65. rođendana*, Kragujevac, 2015, pp. 241–253. (In Maced.)
- Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik. (gramatički sistemi i književnojezična norma)*. Knj. II: Sintaksa, Beograd, Naučna knjiga Publ., 1989, 942 p. (In Serb.)
- Trifunoski J. *O posleratnom naseljavanju stanovništva iz NR Makedonije u tri banatska naselja – Jabuka Kăcarevo i Glogonj*. Novi Sad, Matica srpska Publ., 1958, 43 p. (In Serb.)
- Usikova R.P. *Grammatika makedonskogo literaturnogo iazyka*, Moscow, Muravei Publ., 2003, 376 p. (In Russ.)
- Vashchenko D.Iu. K spetsifikke var'jirovaniia v strukture nadgrobnykh nadpisei u gradishchanskikh khorvatov Iuzhnoi Slovaki i Vengrii (po materialam polevykh issledovanii). *Slavica Slovaca*, 2020, year 55, no. 3, pp. 359–367. (In Russ.)
- Vidoeski B. *Dijalektite na makedonskiot jazik*, t. 2, Skopje, MANU Publ., 1999. 250 p. (In Maced.)

Received on 10.02.2024

Accepted on 29.03.2024

Информация об авторе:

Борисов Сергей Александрович
младший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2321-9983;
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Кикило Наталья Игоревна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
доцент Национального исследовательского
института «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2151-6634;
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Немчинов Владислав Алексеевич
исполнитель проекта
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0009-0002-2775-1982;
E-mail: vlad@gecko.ru

Information about the author:

Sergej A. Borisov
Junior Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2321-9983
E-mail: borisovsergius@gmail.com

Natalia I. Kikilo
PhD. (Philology),
Research Fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Docent, National Research University
«Higher School of Economics»
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2151-6634;
E-mail: kikilo.natalia@gmail.com

Vladislav A. Nemchinov
Project executor
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0002-2775-1982;
E-mail: vlad@gecko.ru

Славяноведение, 2024, № 6, с. 100–113
Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 100–113

DOI: 10.31857/S0869544X24060085, EDN: XGPJSZ

Оригинальная статья / Original Article

Вклад А.И. Александрова в изучение светской и церковной истории Черногории на рубеже XIX–XX веков

© 2024 г. Е.А. Гурочкина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
факультет иностранных языков и регионоведения
(Москва, Российская Федерация)

murmam@yandex.ru

Аннотация. История Черногории на протяжении многих десятилетий привлекала внимание российских ученых. В XIX в. ею занимались Е.П. Ковалевский, В.В. Макушев, П.А. Лавров, П.А. Ровинский и многие другие. Современные исследователи (Н.И. Хитрова, Л.П. Лаптева, Ю.П. Аншаков, В.Б. Хлебникова, Н.Г. Струнина-Бородина и др.) продолжили разработку научных проблем, поставленных на рубеже XIX–XX вв., сохраняя традиции предшественников и одновременно разрабатывая новые концепции и подходы в отечественном славяноведении. Среди дореволюционных славистов особое место занимает А.И. Александров. В качестве основной темы научных поисков он выбрал историю православия и православной церкви в Черногории. Ученый основательно работал в архивах и книгохранилищах балканских государств во время неоднократных заграничных командировок. А.И. Александрову удалось собрать значительные материалы, а также обнаружить новые документы по истории и культуры Черногории, которые он последовательно публиковал. В работах ученого важное место занимал анализ поэтического наследия князя Николы I Петровича-Негоша; были представлены исторические источники, характеризующие помошь, которую оказывала Российской империи черногорской православной церкви. Славист предложил собственную периодизацию черногорской истории. Объектом его научного интереса стали не только исторические сюжеты, но и церковная жизнь черногорского княжества в начале XX в. В статье впервые предпринята попытка охарактеризовать научные труды ученого, его взглядов на различные исторические события в судьбе черногорцев. Самобытная точка зрения А.И. Александрова во многом объясняется его мировоззрением, анализ которого также представлен в настоящей работе.

Ключевые слова: история русской славистики, православная церковь Черногории, черногорские владыки, становление черногорской государственности, сохранение идентичности черногорского народа, князь-поэт Никола Петрович.

Ссылка для цитирования: Гурочкина Е.А. Вклад А.И. Александрова в изучение светской и церковной истории Черногории на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2024. № 6. С. 100–113. DOI: 10.31857/S0869544X24060085, EDN: XGPJSZ

Contribution of A.I. Alexandrov to the Study of the Secular and Church History of Montenegro at the Turn of the 19th and 20th Centuries

© 2024. Eugeniya A. Gurochkina

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies
(Moscow, Russian Federation)

murma@yandex.ru

Abstract. The history of Montenegro has drawn attention of the Russian scholars for many decades. In the 19th century, E.P. Kovalevsky, V.V. Makushev, P.A. Lavrov, P.A. Rovinsky and many others were engaged in these studies. Modern researchers (N.I. Khitrova, L.P. Lapteva, Yu.P. Anshakov, V.B. Khlebnikova, N.G. Strunina-Borodina, etc.) continued to scrutinize the scientific problems raised at the turn of the 19th–20th centuries, preserving the traditions of their predecessors and at the same time developing new concepts and approaches in the national Slavic studies. Among the pre-revolutionary Slavists, A.I. Alexandrov occupied a special place. As the main topic of his scientific research, he chose the history of Orthodoxy and the Orthodox Church in Montenegro. The scholar worked hard in the archives and book depositories of the Balkan states during his repeated trips abroad. A.I. Alexandrov collected extensive material and discovered new documents on the history and culture of Montenegro, which he consequently published. In the scholar's works, the study of the poetic heritage of Prince Nikola I Petrovich-Njegos had an important place; historical sources characterizing the assistance of the Russian Empire to the Montenegrin Orthodox Church were introduced. The Slavist offered his own periodization of Montenegrin history. The object of his scientific interest were not only historical issues, but also the church life of the Montenegrin principality at the beginning of the 20th century. The article is the first attempt to analyze the scientific works of the scholar and to identify his views on various historical events in the fate of Montenegrins. The original point of view of A.I. Alexandrov is largely explained by his worldview, the analysis of which is also presented in this work.

Keywords: the history of Russian Slavistics, the Orthodox Church of Montenegro, the Montenegrin lords, the formation of Montenegrin statehood, the preservation of the identity of the Montenegrin people, Prince-poet Nikola Petrovich.

For citation: Eugeniya A. Gurochkina. Contribution of A.I. Alexandrov to the Study of the Secular and Church History of Montenegro at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 100–113. DOI: 10.31857/S0869544X24060085, EDN: XGPJSZ

История Черногории более трех столетий неразрывно связана с историей России, что в первую очередь объясняется единством религии – христианством восточного образца. В Черногории, как и в России, православие в Новое время оказывало влияние на формирование мировоззрения и жизненных ориентиров жителей этой страны. Многие отечественные ученые XIX в. ставили вопрос о роли восточного христианства в истории Черногории. Так, Е.П. Ковалевский подчеркивал, что обязанности духовного главы этой страны – владыки или митрополита – были скорее политические, нежели духовные, поэтому управление Черногории ученый называл «патриархальным, а не военно-духовным» [Ковалевский 1872, 10]. Придерживавшийся научных принципов позитивизма славист В.В. Макушев полагал, что заслуги православной веры в деле сохранения народности черногорцев невозможно переоценить¹.

¹ См. подробнее: [Макушев 1867].

Видный филолог и славист второй половины XIX в. П.А. Лавров характеризовал эпоху, которую завершило правление Петра II Петровича Негоша, как эпоху теократии [Лавров 1887, 1]. Термин «теократия» при описании государственного устройства Черногории использовал и выдающийся исследователь южных славян П.А. Ровинский. Он считал, что это – «единственная форма, которой обеспечивалась индивидуальность черногорского народа, его национальность и вера» [Ровинский 1888, 472].

В XX в. проблемы социально-политической истории Черногории и русско-славянских связей многие годы разрабатывала Н.И. Хитрова, однако история черногорской церкви занимала сравнительно небольшое место в ее трудах. Например, в ее обширной статье, посвященной социальным отношениям в Черногории в XIX в., православной церкви отведено только несколько абзацев [Хитрова 1979, 76; 1982, 199–200].

Среди современных исследователей первым вопрос о роли православной церкви в формировании черногорского государства поднял самарский ученый Ю.П. Аншаков. Он не нашел оснований характеризовать продолжающееся до второй половины XIX в. правление митрополитов в этой стране как теократию [Аншаков 2019, 79]. В работах современного слависта В.Б. Хлебниковой содержится вывод, что роль православной церкви в формировании черногорской государственности является уникальной [Хлебникова 2016, 122]. Современный исследователь истории Черногории Н.Г. Струнина-Бородина уделила внимание различным аспектам светской, а не церковной истории этой страны в конце XIX – начале XX в.

В настоящей статье основное внимание уделяется изучению научного наследия одного из дореволюционных ученых, внесших заметный вклад в изучение истории и культуры балканских народов, в особенности Черногории, – Александра Ивановича Александрова (1861–1918). Его заслуга состоит во всестороннем исследовании роли православия в сохранении национальной идентичности черногорцев и формировании их государственности. Немногочисленные научные работы, посвященные творческому наследию ученого, представляют собой лишь биографическое описание некоторых сторон его жизненного пути либо анализ его филологических трудов. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать связь самобытного подхода А.И. Александрова к черногорской истории с его мировоззрением православного человека. Для написания статьи были использованы материалы из архива Императорского Казанского университета (в настоящее время – Казанский (Приволжский) федеральный университет).

Ученый-славист родился в 1861 г. в семье священника в Казанской губернии. Начальное образование получил в Первой казанской мужской гимназии, где у него проявились склонности к языкам и в целом к гуманитарным наукам². В 1879 г. юноша поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Сначала будущий славист был своеоконституированным студентом, затем вследствие успешного прохождения учебных дисциплин в течение первого курса приказом Министерства народного просвещения³ был переведен на государственное обеспечение. А. Александров отлично сдавал экзамены по сравнительному языкознанию, славянской филологии, русской словесности, латинскому и немецкому языкам, истории славянских литератур⁴. По окончании курса Совет университета утвердил его в качестве кандидата историко-филологических наук по отделению русской словесности и славянской

² НА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Л. 15–22.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же.

филологии, а руководство университета оставило для подготовки к профессорскому званию по кафедре сравнительного языкознания и санскрита. В 1884 г. подающего надежды филолога командировали в Дерптский университет для научных занятий, где в 1886 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра сравнительного языкознания. Далее последовал короткий харьковский период в преподавательской и научной карьере ученого, когда он в 1886–1888 гг. состоял в должности приват-доцента Харьковского университета. Затем, в 1888 г. в Дерпте А.И. Александров был удостоен степени доктора славянской филологии. И, наконец, в ноябре 1888 г. ученого, которому было на тот момент 27 лет, утвердили в звании экстраординарного профессора кафедры сравнительного языкознания и санскрита Казанского университета.

Дальнейшая научная деятельность слависта была непосредственно связана с Казанью: в 1889 г. А.И. Александров перешел на кафедру славянской филологии; в 1896 г. стал ординарным профессором; в 1903 г. был избран деканом историко-филологического факультета⁵, а в 1909 г. был вновь переизбран на эту должность [Ежова 2019, 160]. В 1911 г. он получил звание заслуженного ординарного профессора. Кроме того, славист принимал активное участие в иных направлениях деятельности факультета и университета. Так, с 1897 г. А.И. Александров ежегодно назначался постоянным членом государственной историко-филологической испытательной комиссии факультета по определению предметной системы преподавания, а в 1906 г. стал ее председателем; состоял редактором «Ученых записок Казанского университета»; в период с 1903 по 1908 г. являлся членом Попечительского совета Казанского учебного округа.

Семейная драма подтолкнула А.И. Александрова встать на монашеский путь, который ему однажды предсказал священник Иоанн Кронштадтский. С апреля 1910 г. ученый трудился в Казанской духовной академии на кафедре истории славянских и румынской церквей. В конце мая 1910 г. был избран Советом академии, а позднее утвержден Святым синодом в степени доктора церковной истории по совокупности трудов. Славист получил звание и должность ординарного профессора по кафедре истории славянских и румынской церквей. В июле 1910 г. указом Синода А.И. Александров был назначен инспектором академии. Затем некоторое время он состоял одновременно деканом историко-филологического факультета, а также профессором университета и академии.

В 1911 г. А.И. Александров прошел путь от принятия пострига с именем Анастасий до возведения в сан архимандрита. Позже ученый был переведен на кафедру церковнославянского и русского языков и палеографии Духовной академии. Затем он подал прошение об увольнении с должности декана университета, но впоследствии получил разрешение вести преподавание в университете в качестве профессора славянской филологии параллельно с работой в академии.

В марте 1913 г. архимандрит Анастасий был рукоположен в сан епископа. В этом же году его назначили ректором Санкт-Петербургской православной духовной академии. Умер монах-ученый в 1918 г. в Петрограде в сане епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии [Богданова 2001, 235–236].

Обобщая информацию об А.И. Александрове, собранную из различных источников⁶, можно сделать вывод, что до 1888 г. об А.И. Александрове следует говорить только как о филологе. Научные исследования ученого

⁵ РНБ. Ф. 1179.

⁶ См.: [Биографический словарь 1904; Лаптева 2012; Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности 1913]; (РНБ. Ф. 1179).

издавались либо в Варшаве в «Русском филологическом вестнике», либо в Дерпте, и были посвящены конкретным вопросам языковедения⁷.

Уже в начале научной карьеры у А.И. Александрова зародился интерес к славяноведению. Так, в 1889 г., открывая чтения по церковнославянскому языку и другим славянским наречиям, он прочитал вступительную лекцию «Языковедение и славяноведение, их метод и задача; язык церковнославянский в историческом прошлом славянства» [Александров 1889]. В ней ученый характеризовал языковедение как науку, имеющую собственный предмет исследования, стараясь подчеркнуть таким образом его отличие от филологии. В итоге, лекцию А.И. Александров посвятил сравнительному языковедению «славянских племен», а также отметил решающую роль христианства в освещении их истории. Именно эта мысль знаменует собой выход его научных интересов за пределы одной лишь филологии. Исследователь занялся проблемами комплексного изучения литературы, фольклора, истории, материальной и духовной культуры славянских народов, а также влияния христианства на формирование их социокультурного облика, уделяя больше внимания черногорцам.

В 1893 г. в Черногории торжественно отмечали четырехсотлетний юбилей Ободской типографии. А.И. Александров принял участие в этом мероприятии и оставил его подробное описание [Александров 1894б]. В нем славист не только передал хронологию празднества, но и подробно описал историческую обстановку, в которой зарождалось книгопечатание на югославянской земле, а также значение его для сохранения и развития черногорского народа. По мнению ученого, «славянские церковные книги [...] в это время явились как бы якорем спасения для разгромленной и подавленной сербской народной жизни» [Там же, 99]. А.И. Александров сделал вывод, что духовная литература, печатавшаяся в Ободской типографии и распространявшаяся среди сербов, способствовала сохранению их национальной идентичности в эпоху турецкого владычества.

Следует отметить, что дважды (в 1890 г. и 1891 г.) славист был командирован в славянские земли с научными целями. В этот же период он посетил и Афон, который произвел на него неизгладимое впечатление. А.И. Александров написал: «Это святое настроение сохранил я на всю жизнь, нося его в себе в течение последующего моего служения университетской науке, а затем и в духовной академии, когда милость Божия направила мое житие и деятельность на служение церкви святой, сподобив меня быть иноком и служителем алтаря Господня» [Анастасий 1912, 399]. Исследуя историю югославянских земель, ученый пришел к выводу, что из-за гибели письменных источников во времена постоянных войн прошлое Черногории довольно слабо изучено. Поэтому поиск и публикация документов стали важным направлением в научной деятельности исследователя, который в 1893 и в 1895 г. целенаправленно посетил Далмацию и Черногорию.

Полагаю, что именно накопленный в этих поездках материал лег в основу небольшой по объему работы А.И. Александрова «Грамоты русских государей и диптихи в славянских монастырях Адриатического побережья» [Александров 1894а]. Изучение этого труда дает представление о том, сколь существенна и важна была помощь, которую оказывали российские монархи, представители правящего сословия и Русская православная церковь монастырям (в частности, Пивскому, Морачскому, Праскавицкому, Режевичскому и Леповинскому), расположенным на различных территориях Южной Славии.

⁷ Так, в Варшаве изданы следующие работы этого периода: «Ударение имен существительных в русском языке» (1882), «Особенности падежных окончаний имен существительных в говорах русского языка» (1883), «Детская речь» (1883).

Ученый сообщил читателям, что во многих монастырях и храмах Адриатического побережья на стенах алтарей возле жертвенников висят списки (диптихи) с именами живых и усопших людей, о которых следует молиться при богослужении. Списки эти постоянно обновлялись, дописывались или наоборот сокращались. Диптихи делились на царские, патриаршие, митрополичьи, епископские и простых смертных. По словам А.И. Александрова, «даже если иноки монастырей уже не пользуются постоянной субсидией из России, но священной обязанностью считают и в настоящее время относиться с сердечной любовью к своим благотворителям, не переставая помнить русских государей и духовных владык в своих молитвах при богослужениях» [Там же, 5].

Также славист представил читателям две грамоты русских государей. Одна из них была выдана Александром I Пивскому монастырю в Черногории. В ней содержится обещание периодической (один раз в пять лет) выплаты на содержание обители, передаваемое монастырю через российского посланника в Константинополе. Другая грамота была выдана царем Алексеем Михайловичем Леповинскому монастырю, входившему в состав Сремско-Карловацкой митрополии, расположенной на территории Габсбургской империи. В ней подтверждалось, что несколько представителей монастыря могут беспрепятственно и бесплатно ездить в Москву для решения любых вопросов жизнедеятельности обители.

Хотелось бы отметить, что именно благодаря усилиям А.И. Александрова в научный оборот были введены документы, представляющие особую историческую ценность. Ознакомление с ними проливало свет на внешнюю политику Российского государства и внешнюю деятельность Русской православной церкви, осуществлявшуюся на протяжении длительного времени. Открытые славистом документы еще раз подтвердили активность Российской империи в Балканском регионе, выражавшуюся в стремлении не только укреплять там влияние, но и служить защитником православных народов.

В результате проведенной исследовательской работы во время научной командировки в 1895 г. А.И. Александров опубликовал довольно необычную работу – «История развития духовной жизни Черной горы и князь-поэт Николай I» [Александров 1895а]. Во введении ученый обозначил ту важную роль, которую сыграло православие в сохранении черногорской народности и независимости черногорских племен от турецкого владычества, начиная с XIV в. Так, говоря о первых митрополитах⁸, славист утверждал, что они, не «терзаясь в погоне за отвлечеными истинами, усваивали веру простым чувством, [...] жили ею и за все жертвовали собственной жизнью» [Там же, 3]. А.И. Александров специально подчеркивал особую связь руководителей церкви с простыми людьми. Владыки проповедовали перед народом, приучая его бороться «за крест честной». Укорененная в черногорцах православная вера спасала их не только «от власти грубого Востока, но и от господства хитрого Запада» [Там же]. Действительно, можно утверждать, что населявшие Черногорию часто враждовавшие между собой племена объединились в единую народность только благодаря влиянию православной веры, которая помогла им сохранить свободу и привести к созданию единого государства.

Всю историю Черногории славист делил на два периода. Первый включал в себя время правления на ее территории светских феодалов Балшичей⁹

⁸ Полагаю, А.И. Александров имеет в виду владык, управлявших Черногорской церковью до 1697 г., когда ее возглавил владыка Даниил из рода Петровичей.

⁹ Сербский владетельный род, правивший в 1356–1421 гг. в княжестве Зета, располагавшемся на территории Черногории.

(XIV в.) и Црноевичей¹⁰ (XV в.), потом митрополитов из разных родов (XVI – конец XVII в.). По мнению А.И. Александрова, когда на рубеже XV–XVI вв. последний правитель Зеты Г. Црноевич вынужден был переселиться в Венецию, он передал власть главе Православной церкви – митрополиту. В первых работах, посвященных Черногории, ученый писал, что там сложилась теократическая форма правления, в последующих – приводил доказательства, что теократии в православии не было и не могло быть.

Второй период, по мнению А.И. Александрова, начался с правления владельцы Даниила и характеризовался пробуждением активной жизни в Черногории в ответ на распространявшееся магометанство. Ученый предложил взять за основу периодизации черногорской истории важные события из религиозной жизни «племен, сохранивших верность христианской вере» как важнейшему фактору консолидации народности, которой грозило полное исчезновение.

Переход от древности к современности славист использовал как прием, с помощью которого можно увидеть преемственность традиций и духовных ценностей черногорского народа.

Особое внимание А.И. Александров уделил анализу литературных произведений черногорского князя Николы I Петровича (1860–1910 гг., в 1910 г. был провозглашен королем). По мнению ученого, его поэзия адресована не ценителям художественной литературы в обычном понимании, а истинным патриотам Черногории.

Стихотворение Николы I «Хајдана», как полагал А.И. Александров, повествовало об обычных человеческих качествах – зависти и гордости, которые не только мешают установлению добрых отношений, но и, в конечном итоге, наносят ущерб родине. Князь-поэт представил образ черногорской женщины – покорной судьбе, стойкой и бесконечно привязанной к родной земле. Через множество жизненных перипетий герои произведения проходят благородно и с достоинством. А.И. Александров считал, что князь Никола, выступая в роли лидера черногорского народа, пытался донести до читателей, что только руководствуясь христианскими и патриотическими ценностями, человек может прожить достойную жизнь.

Ученый дал весьма высокую оценку поэме князя «Пјесник и Вила¹¹» и поставил ее в один ряд со знаменитыми произведениями чеха Яна Коллара и поляка Викентия (Винценты) Поля, известных в XIX в. литераторов-патриотов. Славист сочувствовал идеям, изложенным Николой Петровичем в стихотворной форме. Поэт делился своими переживаниями из-за тяжелой участи угнетаемых славянских земель. Но он не просто выражал сочувствие, а пытался выявить причину происходящего и нашел ее в отсутствии единства у народа. Стихотворение представляет собой диалог поэта и Вилы. Поэт погрузился в историю сербов и скорбит об их угнетении, а бессмертная Вила взывает к чувству патриотизма и вдохновляет автора на борьбу за свободу народа. Даже в поражении на Косовом поле Вила видит предвосхищение будущего возрождения сербского народа. Ученому особо импонировали мысли автора поэмы об объединении всего славянства, как это было во времена Стефана Душана.

И, наконец, последнее произведение, которое проанализировано в книге А.И. Александрова, – это поэма «Балканска царица». Произведение повествует о двух братьях – сыновьях черногорского князя, один из которых, будучи наследником, стал настоящим патриотом, а другой, из зависти, что власть не досталась ему, принял ислам, вступил в сговор с турками и пошел с их отрядом

¹⁰ Династия господарей княжества Зеты с 1451 по 1496 г.

¹¹ Вила – в верованиях и фольклоре южных славян женский мифологический персонаж.

на собственный народ. Возлюбленная предателя не прощает ему измены родине, прямо осуждает, за что потурченец¹² убивает ее. Славист отметил психологическую проницательность автора поэмы при описании человеческих стремлений и благородных наклонностей, а также его умение раскрыть особенности национального характера черногорцев. По мнению ученого, патриотическая поэма князя Николы широко разошлась в народные массы и полюбилась всеми. А.И. Александров отметил драматизм сюжета, умение автора выкристаллизовать типичное народное качество черногорцев – безграничную преданность родине, и, конечно же, способность через всю канву сюжета провести идею любви к отечеству и благородства, не останавливающихся ни перед какой опасностью.

Логическим продолжением работ ученого стала критическая статья о произведении Николы Петровича «Князь Арванит» [Александров 1895с]. В ней повествуется о борьбе Черногории с Турцией в конце XV в. Здесь, как и в поэме «*Пјесник и Вила*», поднят вопрос о причинах разобщенности сербов. В качестве примера достойного поведения представлен литературный герой, прообразом которого был князь Арванит – брат Иванбега¹³, считавший своим долгом оберегать его славу, власть и землю. По мнению слависта, главная цель автора поэмы – донести до читателя идею, что сила государства заключается в коллективизме, любви и привязанности подданных к тому, кому Бог доверил управление ими и, конечно, к своему отечеству.

Интерес А.И. Александрова к Черногории постоянно усиливался. Он мечтал поработать в ее архивах и библиотеках, а также в книжных хранилищах соседних Далмации и Сербии, и летом 1895 г. отправился, как уже упоминалось выше, в научную командировку. Славист составил подробное описание посещенных им монастырей и учреждений Задара, Дубровника, Котора, Сараева и Белграда [Александров 1895б]. Ознакомиться с Цетинским архивом исследователю не удалось, поэтому он обратился к частным лицам – собирателям старины. Среди них был протодиакон Филипп Радичевич, в документах которого ученому удалось обнаружить неизвестное ранее стихотворение черногорского владыки Петра I. Славист опубликовал это произведение патриотического содержания, воспевающее героизм черногорцев, борющихся за свободу своей родины. Также А.И. Александров обнаружил и опубликовал еще один ранее неизвестный документ эпохи черногорского владыки Петра II, «писанное четко чужой рукой, но подписанное самим владыкой» и представляющее собой поздравление некоему Якову Поповичу [Там же, 83–84].

Находясь в Цетинском монастыре, славист не выявил ранее неизвестных документов, однако ему удалось обнаружить нечто, не менее значимое – надпись на одном из колоколов, которая гласила: «*Даниил Митрополит и Господарь Црнегоре 1696*». Она означала, что годом начала правления династии Петровичей следовало считать не 1697 г., как это утверждали многие историки, а 1696 г. [Там же, 85].

Знаменательным также является тот факт, что во время путешествия по Черногории ученый приобрел оригинал неизвестного исторического ранее документа, а именно описание владыкой черногорским Василием¹⁴ поездки в Российскую империю в 1748 г. Находка А.И. Александрова проливала свет на

¹² Так во времена турецкого владычества называли христианина, принявшего ислам. Независимо от этнического происхождения, его также могли называть и просто турком.

¹³ Иван I Црноевич (?–1490) – господарь княжества Зета в 1465–1490 гг. из династии Црноевичей. В историю Черногории вошел под именем Иванбег (под турецким влиянием).

¹⁴ Василий III Петрович – митрополит и правитель Черногории. Годы жизни: 1709–1766. См.: [Александров 1897а, 26].

подробности визита владыки Василия и его цель – укрепить отношения между двумя странами, в том числе в вопросах финансовой помощи Черногории. Исследователь обнаружил и изучил ряд грамот, фиксирующих, что «власть черногорского владыки далеко переходила светские границы Черногории» [Там же, 80]. Кроме этого, ученый записал тексты черногорских песен, посвященных событиям древней и современной ему Черногории [Там же, 89]. Во время работы в Цетинской библиотеке он собрал статистические данные о развитии просвещения в Черногории [Там же, 90]. В архиве музея Боснии в Сараеве А.И. Александров обнаружил и изучил несколько связок писем черногорского владыки Петра I губернатору И. Радоничу, в которых митрополит призывал к миру и согласию [Там же, 94].

Находки ученого имели высокую научную значимость, они описывали общественную жизнь Черногории в разные периоды ее истории, характеризовали нравы ее населения и позволяли оценить характер взаимоотношений глав духовной и светской власти. Результаты поисков А.И. Александрова стали существенным вкладом в дело формирования корпуса источников, проливающих свет на эпоху борьбы черногорцев с Османской империей, когда гибли многие письменные документы и поэтому оказались забыты важные события.

В январе 1896 г. в казанском журнале «Деятель» ученый опубликовал небольшую статью «Из жизни Черногорья» [Александров 1896б]. В ней содержался краткий обзор некоторых сторон жизни княжества. Продолжая делиться впечатлениями от поездки по южнославянским землям, славист размышлял о взаимоотношениях Черногории и Австро-Венгрии. По мнению А.И. Александрова, они не могли быть добрососедскими, поскольку центральноевропейская страна, согласно условиям Берлинского трактата, заняла Боснию и Герцеговину. Другая же причина негативного отношения черногорцев к Австро-Венгрии – угнетенное положение христиан восточного обряда. Так, православных сербов, проживавших в оккупированной империей Габсбургов Боснии и Герцеговине, по словам ученого, перестали называть своим этнонимом, они стали босняками или герцеговинцами, «хотя и положение последних нельзя охарактеризовать иначе как рабское» [Там же, 7]. Православные же священники, призывающие с церковного амвона хранить свою веру, просто-напросто изгонялись с территории Австро-Венгерской империи. Далее славист охарактеризовал состояние черногорского образования и отметил значительную помощь России в подготовке учительских кадров. В статье А.И. Александров также утверждал, что православная церковь в Черногории продолжает играть значительную роль. В подтверждение этому ученый привел факт вхождения митрополита в состав Государственного совета черногорского княжества. Таким образом, небольшая по объему, но емкая работа А.И. Александрова давала представление о состоянии разных сторон жизнедеятельности Черногории в конце XIX в. Важно подчеркнуть, что ученый не обошел стороной и те сферы, где имелись существенные проблемы.

В 1896 г. в православном мире произошло довольно неординарное событие – дочь князя Черногории Николы I перед тем, как сочетаться браком с неаполитанским принцем, перешла в католичество. Многие издания из католических и православных стран отзывались на это публикацией соответствующих статей. А.И. Александров написал сочинение под названием «По поводу перехода в католичество княжны Елены Черногорской» [Александров 1896а]. Ученый, будучи убежденным приверженцем православия, весьма эмоционально высказал свою точку зрения, перечислив возможные негативные последствия решения княжны Елены. Он опасался, что черногорцы, считавшие православную веру фактором объединения и государствообразующей структурой, будут

разочарованы поступком княжны Елены. Это может снизить доверие черногорского народа к своему князю, поскольку он не оказал должного влияния на дочь. Славист также предположил, что в региональном масштабе поступок княжны усилит позицию католиков на Балканах, которые имеют далеко идущие прозелитистские планы. Ученый привел примеры достойного поведения в аналогичных ситуациях русских князей, которые предпочитали сохранять свою веру и более того, в течение дальнейшей жизни своим благопристойными поступками проповедовали православные истины. Однако следует понимать, что подобное вряд ли можно было бы ожидать от Елены Черногорской, ведь ее страна не имела и сотой доли того политического влияния в мире, которым обладала Российская империя. Следовательно, черногорская княжна не могла диктовать условия при вступлении в брак с христианином другого вероисповедания, даже если бы захотела сделать это.

Вероятно, трудно было бы ожидать иной реакции А.И. Александрова на переход Елены Черногорской в католичество. Рожденный в семье священника и получивший соответствующее воспитание, А.И. Александров через всю жизнь пронес глубокую веру. Ученый много сделал и для укрепления религиозности среди своих земляков. В 1899–1902 гг. славист являлся ктитором университетской Крестовоздвиженской церкви, изыскивал денежные средства на ее содержание. А.И. Александров состоял членом совета братства святителя Гурия – действующего на территории Казанской епархии православного миссионерского общества. С 1907 г. ученый был первым старостой церкви во имя Всемилостивого Спаса, построенной на средства Казанского общества трезвости. Славист принял активное участие в создании этого общества и был его постоянным лектором. А.И. Александров стал инициатором, меценатом и активным участником создания воскресной бесплатной мужской школы, где также нередко читал лекции. В дальнейшем же, как уже было сказано выше, ученый встал на монашеский путь.

Переход черногорской княжны в католицизм был неприемлем для А.И. Александрова прежде всего как для православного ученого-богослова. Именно поэтому он подробно изучил текст молитвы, которую должна была произнести Елена Черногорская, и, давая ей догматическую оценку, обнаружил множество подмен и искажений. Однако славист пришел к выводу, что само событие является хоть и прискорбным, но частным делом семьи черногорского князя Николы. Оно не может свидетельствовать ни о кризисе православия на Балканах, ни о смягчении его позиции по отношению к католицизму.

В 1897 г. на страницах «Ученых записок», издаваемых Императорским Казанским университетом, вышла статья ученого, посвященная произведению князя Николы «Нова кола¹⁵» [Александров 1897b]. По мнению А.И. Александрова, к концу ХХ в. в Черногории сложилась новая поэтическая сербская школа. Особенностью ее ученый полагал то, что в качестве параллели своим героям поэт всегда старался выбрать не персонажа из греческой или римской истории, а деятельного участника событий черногорского прошлого. А.И. Александров считал поэму князя своеобразным литературным памятником героизма черногорского народа, воплощенному в придуманных поэтом героических танцах коло, представлявшими собой продолжение древней народной танцевальной культуры жителей Балкан. Всего их тридцать, причем один посвящен артиллерии, другой – гвардии, а остальные – черногорским племенам.

¹⁵ Коло – южнославянский народный танец наподобие хоровода.

Еще одним следствием заграничной поездки ученого в 1895 г. стало издание в 1897 г. работы «Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья» [Александров 1897а, 17]. В ней автор проанализировал содержание ряда документов, касавшихся черногорской истории, которые ему удалось обнаружить на Балканах. Среди них «Письмо Степана Петровича, Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской армейских полков и капитанов Пример майора, Сердарам, Воеводам и Губернаторам и Князям черногорским, от 21 августа 1756 года», информировавшего о планах направить на службу в российскую армию тысячи черногорских воинов. Ученый также включил в «Материалы» уже упоминавшееся выше «Письмо черногорского митрополита Василия (Петровича) Губернатору Станише Радоничу, от 10 января 1757» [Там же, 22]. В этом документе речь шла о защите интересов Черногории во Франции и Венеции. Кроме этого, славист познакомил читателей с «Отрывком из собственноручной рукописи митрополита черногорского Василия, представляющей описание его путешествия к карловачкому митрополиту и обратно в свой монастырь, а затем снова через Вену в Россию в город Киев». Любопытным представляется также «Письмо митрополита Саввы венецианскому дожу о вреде, нанесенном венецианскими чиновниками монастырю в Станевичах и др. местах, от 27 октября 1770 года» [Там же, 38], в котором описан один из эпизодов напряженных отношений между католиками и православными на территории Черногории. В работе А.И. Александрова представлен также документ, характеризовавший взаимоотношения черногорского владыки Петра I Негоша и губернатора. Он называется «Извещение губернатору о политических сношениях того времени на востоке, от 21 апреля 1821 г.» [Там же, 69]. Содержание источника позволяет сделать вывод, что оба этих лица принимали активное участие в урегулировании внешних связей Черногории и находились в тесном контакте друг с другом.

В анализируемой работе ученый также подробно остановился на общественно-политической деятельности князя Даниила I Петровича¹⁶. По мнению слависта, заслугой правителя является возрождение княжеской власти в Черногории после трехсотлетнего перерыва, а также последующее оформление ее границ Берлинским трактатом 1878 г. и официальное их признание великими державами¹⁷. Наряду с этим Даниил сделал многое для упорядочения внутреннего состояния государства: наладил военный учет и утвердил единую воинскую структуру; улучшил пути сообщения, усовершенствовал школьное дело, возобновил работу типографии, издал в 1855 г. «Законник», нормами которого был запрещен пережиток родоплеменных отношений в виде кровной мести. Но особенно А.И. Александров подчеркнул важность стремлений князя Даниила к славянскому согласию и балканскому объединению. Когда Михаилу Обреновичу¹⁸ потребовалась помощь, черногорский правитель сказал: «Если Михаил будет царем Балкан, то он, князь Даниил, будет его стороножем» [Там же, 125]. Следует также отметить, что, рассматривая деятельность Даниила, ученый обратил особое внимание на преемственность его решений. И законодательные, и военные, и образовательные нововведения доводили до логического завершения преобразования, начатые еще владыками – Петром I и Петром II. (Так, например, в основу «Законника» 1855 г. легло уложение владыки Петра I.) Этим славист старался подчеркнуть ведущую роль православия в истории черногорской государственности.

¹⁶ Первый князь Черногории с 1852 по 1860 г. из династии Петровичей-Негошей.

¹⁷ Следует отметить, что формально Черногория стала независимой только в 1878 г., а до этого она значилась административной единицей Османской империи.

¹⁸ Сербский князь в 1839–1842 и 1860–1868 гг.

Через год, в 1897 г., А.И. Александров опубликовал работу, посвященную положению черногорских женщин в патриархальном военизированном обществе [Александров 1897с]. Ученый отметил удивительное сочетание в них бытовой покорности и гражданской инициативности и сделал вывод, что смысл жизни черногорки – быть достойной женой защитника веры и отечества, рождение и воспитание детей, будущих защитников веры и отечества. А.И. Александров обратил внимание, что в обычной мирной жизни женщины Черногории проявляли полную несамостоятельность, во всем следовали за мужчиной, оставаясь при этом в его тени. В военное же время черногорки ухаживали за ранеными, обеспечивали воюющих едой и занимались домашним хозяйством, пока мужчины решали свою главную задачу – защиту отечества. Отважные женщины нередко и сами выполняли определенные боевые разведывательные задания, подносили все необходимое к месту сражения, а также защищали себя и близких в случае нападения врага. Подводя итог, можно сказать, что сочетание в черногорках противоположных черт позволило слависту увидеть уникальный социальный феномен, сложившийся в этих землях под влиянием традиционного православного уклада жизни и необходимости его защиты от иноверцев с целью сохранения проживающим здесь народом собственной идентичности.

Одна из последних публикаций ученого увидела свет в 1911 г. под заголовком «Политическая и церковная жизнь славянства в XIX веке» [Александров 1911]. Работа представляет собой текст вступительной лекции к курсу «История славянских церквей», прочитанной ученым в Казанской духовной академии. В ней еще раз подчеркивалась основополагающая роль православной веры в борьбе за «*крест частни и слободу златну*», ведь именно она и дала возможность сохранить эту свободу. В лекции А.И. Александров также поднял вопрос о влиянии общественного уклада на характер вероисповедания. Безусловно, именно общественный уклад сформировал специфические особенности проявления религиозности у православных в Черногории: для них не было обязательным тщательное исполнение всех религиозных обрядов, однако все их жизненные поступки основывались на искренней и твердой вере в Бога. В заключительной части лекции славист, практически за год до своего пострига в монашество, призывал осознать, что только по мере возрастания нравственной прочности и духовного развития народа крепнет и его политическая самобытность, и история черногорской государственности является абсолютным подтверждением этому.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что несомненной заслугой А.И. Александрова является тщательное и всестороннее исследование вопроса о роли православной веры в черногорской истории. Ученый с присущей ему скрупулезностью и тщательностью изыскивал в архивах южнославянских стран, а иногда и у частных лиц неизвестные ранее документы, касавшиеся деятельности черногорских владык, взаимоотношений российских государей и иных лиц с представителями черногорского православия, изучал быт и особенности социального уклада населения этой страны. Воспитанный в духе православных ценностей, славист придерживался умеренно-консервативных взглядов и по убеждениям относился к правому крылу российского либерализма. Именно поэтому А.И. Александров и историю Черногории рассматривал сквозь соответствующие культурные фильтры. Находящиеся в состоянии почти пятисотлетней борьбы за собственную независимость, черногорцы сумели сохранить главный атрибут своей идентичности – православную веру. И большая заслуга ученого видится именно в том, что через языковедение и славяноведение он всегда старался выделить решающую роль православия в истории черногорского народа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
 ОР РНБ – отдел рукописей РНБ
 РНБ – Российская национальная библиотека

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Александров А.И.* Языковедение и славяноведение, их метод и задача; язык церковнославянский в историческом прошлом славянства. Казань: Типография Императорского Университета, 1889. 25 с.
- Александров А.И.* Грамоты русских государей и диптихи в словянских монастырях адриатического побережья. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1894а. 11 с.
- Александров А.И.* По Адриатическому морю в Черногорию на торжество 14-го июля 1893 года. Памятки «Русалки». // Сборник статей профессоров Императорского Казанского Университета / под ред. заслуженного профессора Н. О. Высоцкого. Казань: Типография Т-ва Печенкина и К., 1894б. С. 91–134.
- Александров А.И.* История развития духовной жизни Черной горы и князь-поэт Николай I. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1895а. 83 с.
- Александров А.И.* Краткий отчет о занятиях за границей в словянских землях летом 1895 г. // Ученые записки Казанского Университета. Год LXII. Книга одиннадцатая. Ноябрь. 1895б. С. 73–96.
- Александров А.И.* Князь Арванит, драмски чин од Николе I // Ученые записки Императорского Казанского Университета. Год LXII. Книга двенадцатая. Декабрь. 1895с. С. 1–14.
- Александров А.И.* По поводу перехода в католичество княжны Елены Черногорской. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1896а. 25 с.
- Александров А.И.* Из жизни Черногорья // Деятель. 1896б. № 1. С. 3–8.
- Александров А.И.* Материалы и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1897а. 144 с.
- Александров А.И.* Нова Кола од Николе I // Ученые записки Казанского Университета. Год LXIV. Третья книга. Март. 1897б. С. 1–32.
- Александров А.И.* Черногорка в жизни частной и общественной // Деятель. 1897с. № 12. С. 651–666.
- Александров А.И.* Политическая и церковная жизнь славянства в XIX веке. Казань: Центральная типография, 1911. 33 с.
- Анастасий.* Речь архимандрита Анастасия при наречении во Епископа // Православный собеседник. Март. 1912. Казань. С. 395–399.
- НА РТ, ф. 977, оп. 619, д. 1. Формулярные списки и документы о службе профессорско-преподавательских и технических работников университета: Александров Александр Иванович. Л. 15–22.
- НА РТ, ф. 977. Арх. № 1599. Л. 22.
- РНБ. Ф. 1179. Александров Александр Иванович. Опись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анишаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика. Самара, ООО «Слово», 2019. 512 с.
- Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). Ч. 1. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1904. 552 с.
- Богданова Т.А.* Анастасий // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. II. С. 235–236.
- Ежова С.А.* Александр Иванович Александров (епископ Ямбургский Анастасий): казанский период жизни // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России. Казань, 2019. С. 155–170.
- Ковалевский Е.П.* Черногория и славянофильские земли. СПб., 1872. 380 с.
- Лавров П.А.* Петр II Петрович Негош, владыка Черногорский, и его литературная деятельность. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1887. 416 с.
- Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 840 с.
- Макушев В.В.* Задунайские и адриатические славяне: Очерки статистические, этнографические и исторические. СПб.: Издание редакции «Литературной библиотеки», 1867. 304 с.

Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1888. Т. I. 880 с.

Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности Преосвященного Ректора Императорской С.-Петербургской духовной академии, Епископа Анастасия. СПб.: Типография М. Меркушева, 1913. 24 с.

Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах. М.: Наука, 1979. 337 с.

Хитрова Н.И. Специфика социально-экономического строя Черногории в XIX в. М.: Наука, 1982. С.199–200.

Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 239 с.

Рукопись поступила в редакцию 22.01.2024

Рукопись принята к печати 25.04.2024

REFERENCES

- Anshakov Iu. P. *Chernogoriia – «gornoje sokolinoje gnezdo» svobody na Balkanakh. Zhizn' obshchestva, stanovlenije gosudarstva, osvoboditel'naia bor'ba, vneschniaia politika.* Samara, OOO «Slovo» Publ., 2019, 512 pp. (In Russ.)
- Biograficheskii slovar' professorov i prepodavatelei Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: Za sto let (1804–1904), ch. 1. Kazan'*, tipo-lit. Imp. Un-ta Publ., 1904, 552 pp. (In Russ.)
- Bogdanova T.A. Anastasii. *Pravoslavnaia entsiklopedia.* Moscow, 2001, t. II, pp. 235–236. (In Russ.)
- Jezhova S.A. Aleksandr Ivanovich Aleksandrov (jepiskop Iamburgskii Anastasii): kazanskii period zhizni. V.K. Piskorskii i razvitiye nauki vseobshchei istorii v Rossii. Kazan', 2019, pp. 155–170. (In Russ.)
- Khitrova N.I. *Chernogoriia v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii na Balkanakh.* Moscow, Nauka Publ., 1979, 337 pp. (In Russ.)
- Khitrova N. I. *Spetsifika sotsial'no-ekonomicheskogo stroia Chernogorii v XIX v.* Moscow, Nauka Publ., 1982, pp.199–200. (In Russ.)
- Khlebnikova V.B. *Chernogoriia: fenomen natsional'noi gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2016, 239 pp. (In Russ.)
- Kovalevskii JE.P. *Chernogoriia i slavianofil'skie zemli.* St. Petersburg, 1872, 380 pp. (In Russ.)
- Lapteva L.P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v kontse XIX – pervoi treti XX v.* Moscow, Indrik Publ., 2012, 840 pp. (In Russ.)
- Lavrov P.A. *Petr II Petrovich Negosh, vladyka Chernogorskii, i jego literaturnaia deiatel'nost'.* Moscow, Tip. E. Lissnera i Iu. Romana Publ., 1887, 416 pp. (In Russ.)
- Makushev V.V. *Zadunaiskije i adriaticheskije slaviane: Ocherki statisticheskije, etnograficheskije i istoricheskije.* St. Petersburg, Izdanije redaktsii «Literaturnoi biblioteki» Publ., 1867, 304 pp. (In Russ.)
- Rovinskii P.A. *Chernogoriia v jeje proshlom i nastoishchem.* St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi akademii nauk, 1888, t. I, 880 pp. (In Russ.)
- Tridtsatiletje uchenoi i pedagogicheskoi deiatel'nosti Preosviashchennogo Rektora Imperatorskoi S.-Peterburgskoi dukhovnoi akademii, Jepiskopa Anastasii.* St. Petersburg, Tipografia M. Merkusheva Publ., 1913, 24 pp. (In Russ.)

Received on 22.01.2024

Accepted on 25.04.2024

Информация об авторе:

Гурочкина Евгения Александровна
аспирант
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0000-1876-2482
E-mail: murma@yandex.ru

Information about the author:

Eugeniya A. Gurochkina
Postgraduate Student
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0000-1876-2482
E-mail: murma@yandex.ru

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 114–126

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 114–126

DOI: 10.31857/S0869544X24060099, EDN: XGOQWW

Оригинальная статья / Original Article

Из писем Романа Якобсона академику А.А. Шахматову (по архивным данным)

© 2024 г. М.А. Робинсон^{1,*}, Л.И. Сазонова^{2,**}

¹Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

²Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

*m.a.robinson@mail.ru

**Lsazonova@mail.ru

Аннотация. В статье впервые публикуются и анализируются письма Р.О. Якобсона академику А.А. Шахматову, сохранившиеся в архивных фондах Шахматова и Отделения русского языка и словесности Академии наук. Они демонстрируют научные интересы молодого исследователя, с одной стороны, в области русских, белорусских и кашубских народных говоров, поэтических переводов на литовский язык А.С. Пушкина, а с другой – в сфере исследований и публикаций памятников древнеславянской книжности XI в., что связано с его дипломной работой о кириллической части Реймского Евангелия. Отражена помощь академика А.А. Шахматова Якобсону в обеспечении его научными изданиями, в организации публикации первой научной работы, посвященной древнеболгарскому стихосложению. Исследователь получал поддержку Шахматова и в других вопросах.

Ключевые слова: Якобсон, Шахматов, архивные материалы, письма, прошение о книгах, народные говоры, ОРЯС, эмиграция.

Ссылка для цитирования: Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Из писем Романа Якобсона академику А.А. Шахматову (по архивным данным) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 114–126. DOI: 10.31857/S0869544X24060099, EDN: XGOQWW

From Roman Yakobson's Letters to the Academician A.A. Shakhmatov (According to Archival Data)

© 2024. Mikhail A. Robinson^{1,*}, Lidiia I. Sazonova^{2,**}

¹Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

²Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

*m.a.robinson@mail.ru

**Lsazonova@mail.ru

Abstract. The article publishes and analyzes for the first time the letters of R. O. Jakobson to the Academician A.A. Shakhmatov. They preserved in the archival funds of Shakhmatov and the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences. Jakobson's letters demonstrate the scientific interests of the young researcher: on the one hand, in the field of Russian, Belarusian and Kashubian folk dialects, poetic translations into Lithuanian of A.S. Pushkin' works, on the other hand, in the field of research and publication of monuments of Old Slavonic literature of the 11th century, what is connected with his diploma thesis on the Cyrillic part of the Reims Gospel. The article reflects the assistance of A.A. Shakhmatov to Jakobson in providing him with scientific publications, in organizing the publication of his first scientific work devoted to Old Bulgarian versification. The researcher received support from Shakhmatov in other matters as well.

Keywords: Jacobson, Shakhmatov, archival materials, letters, request for books, folk dialects, ORIAS, emigration.

For citation: Mikhail A. Robinson, Lidia I. Sazonova. From Roman Yakobson's Letters to the Academician A.A. Shakhmatov (According to Archival Data) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavianovedenie. 2024. No. 6. P. 114–126. DOI: 10.31857/S0869544X24060099, EDN: XGOQWW

Р.О. Якобсон практически сразу после поступления в Московский университет в 1915 г. готовился к исследовательской работе: тогда же он стал председателем только что созданного Московского лингвистического кружка. Отделение русского языка и словесности Академии наук помогало филологам с безвозмездным получением своих изданий. Такая поддержка была предназначена, прежде всего, молодым ученым, которые охотно использовали данную возможность¹. Решение о выдаче книг с «Книжного склада императорской Академии наук» принимал председательствующий в ОРЯС А.А. Шахматов, всегда откликавшийся на подобные просьбы. Якобсон также направил в ОРЯС свою заявку и таким образом состоялось заочное знакомство студента с академиком.

Прошение Якобсона² не датировано, но очевидно, что оно составлено до революционных событий 1917 г. Анализ заказанной им литературы свидетельствует об его интересе к специальным научным исследованиям и позволяет установить научный кругозор Якобсона на тот момент. Как вспоминал ученик, «значительную роль в деятельности Кружка играли летние, заранее спланированные экскурсии его членов [...], большей частью сочетавшие собирание диалектологического материала»³. Не удивительно поэтому, что список изданий возглавляют словари областных наречий русского языка: архангельского [Подвысоцкий 1885], олонецкого [Куликовский, 1898], смоленского [Добровольский 1914], а также белорусского [Носович 1870] и литовского языков [Юшкевич 1897; 1904]. В заявке Якобсона значатся также издания Сборников ОРЯС: «Томы LXXVI, LXXVII, LXXXIII, LXXXVIII». Большинство материалов в них тоже составляют исследования великорусских говоров: диалектологическая карта Калужской губернии [Дурново 1903], вятское наречие [Зеленин 1903], тульское и орловское [Будде 1904], брянское [Тиханов 1904], курское [Халанский 1904], Новгородского уезда Новгородской губернии [Соловьев 1904], Шунгенской волости Костромского уезда [Виноградов 1904], говоры

¹ Большинство учеников В.Н. Перетца обращались к Шахматову с такими прошениями; см., например: [Робинсон 2002, 197].

² СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1062. Л. 22–22об.

³ Якобсон 1994, 366.

кашинский [Смирнов 1904] и юго-западной части Тотемского уезда [Брок 1907]. В одном из сборников ОРЯС внимание Якобсона могли привлечь публикации для изучения белорусских говоров [Карский 1910], как и исследование, напечатанное вне серии сборников и посвященное кашубским говорам (словинскому языку) [Lorentz 1903, 1905, 1908, 1912].

В указанных Якобсоном томах содержатся также материалы, касающиеся других лингвистических тем: заимствования из западноевропейских языков в русском языке в Петровскую эпоху [Смирнов 1907], проблема поэтических переводов [Вольтер 1904] и, наконец, общие вопросы славянской филологии [Соболевский 1907]. Якобсона интересовал язык XVIII в., в связи с чем он обратился к исследованию писем Петра Великого и других материалов его царствования [Бычков 1872], а также к собранию песен конца столетия [Чулков 1913].

Другая область научных интересов Якобсона связана с изучением памятников славянской письменности древнейшего периода (преимущественного XI в.), изданных в серии «Памятники старославянского языка»: Хилендарские листки [Кульбакин 1900], «Саввина книга» [Щепкин 1903], Листки Ундельского (отрывок кирилловского Евангелия XI в.) [Карский 1904], Супрасльская рукопись [Северьянов 1904], Македонский глаголический листок [Ильинский 1909], Чудовская Псалтырь XI в. [Погорелов 1910], Охридские глаголические листки (отрывок церковнославянского Евангелия XI в.) [Ильинский 1915]. Сюда же относится и интерес Якобсона к языку рукописей Служебных миней XI в. [Ягич 1886].

В середине января 1917 г. Якобсон приезжал в Петроград, поселился в семье Осипа и Лили Брик «и оставался там, кажется, пять дней». Там он встречался с В. Маяковским и читал ему свой перевод на французский язык поэмы «Облако в штанах». При этом ученый отметил: «Ходил только в университет, на лекции Шахматова»⁴.

Возможно, тогда же и произошло его знакомство с академиком. В конце 1917 г. Якобсон вновь обратился в ОРЯС за необходимыми ему книгами, но теперь свое прошение он направил прямо на имя Шахматова⁵. Кроме того, документ имеет точную дату, что не характерно для остальных писем и заявок ученого: 16 декабря. Документ носит некоторые особенности времени его составления: он адресован в «государственную Академию наук». Официально Академия наук перестала именоваться «императорской», когда 25 октября (7 ноября) 1917 г. было опубликовано постановление Временного правительства о переименовании ее в «Российскую». Возможно, Якобсон полагал, что в связи со случившимися событиями того же 25 октября (7 ноября) данное изменение уже потеряло силу, и выбрал самое нейтральное обращение.

В этот раз Якобсон не столь подробно перечислил нужные ему книги, он попросил выдать ему «Известия II Отделения Государственной Академии Наук за 1896–1916 г.». За указанные годы свет увидел 21 выпуск издания. Резолюция Шахматова на прошении была достаточно традиционной: «Что свыше 100 экз[емпляров]». Следующая отметка принадлежит «делопроизводителю» (ученному секретарю) Отделения П. К. Симони⁶: «Исп[олнено] 28 II 1918 г. № 10»⁷. Имеется и еще одна отметка о выдаче «Известий»⁸.

⁴ Якобсон 2012, 50.

⁵ СПбФ РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1764. Л. 1.

⁶ Симони Павел Константинович (1859–1939) – филолог-славист, книговед. Член-корреспондент РАН (1921).

⁷ СПбФ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1078. Л. 28.

⁸ Там же. Л. 146

Книги Якобсон получил, о чем свидетельствует его письмо Шахматову. Поскольку оно не датировано, можно предположить, что написано было сразу после получения «Известий» в марте 1918 г., так как текст начинается с благодарности за предоставленные издания. Молодой ученый довольно подробно сообщал Шахматову, отвечая на его вопрос, о своих занятиях славянскими языками и о продолжении исследования о белорусских говорах, и о выступлении на семинаре у своего учителя⁹ Н.Н. Дурново¹⁰ с некоторыми результатами своих наблюдений. Якобсон сообщал, что материал для анализа он черпал из белорусских песен, собранных С. Малевичем¹¹ [Малевич 1907] и М.В. Довнар-Запольским¹² [Довнар-Запольский 1985]. Труд Малевича снабжен фонетическим и морфологическим очерком и словарем «живой белорусской речи» Слуцкого уезда Минской губернии. Сборник песен Довнар-Запольского также содержал очерк одного из диалектов той же губернии.

Якобсон по просьбе своего товарища И.Л. Кана¹³ также информировал академика о занятиях того с рукописными источниками. Со своей стороны он просил у Шахматова адрес его ученика С.А. Еремина¹⁴, занимавшегося русскими говорами¹⁵.

К письму Якобсон приложил текст своего собственно первого научного исследования, оно было посвящено древнеболгарскому стихосложению [Якобсон 1923]. Кроме того, Якобсон сообщил: «Кандидатскую пишу о кирилловой части Реймского Евангелия». Кириллическая часть Реймского Евангелия относится к XI в. Таким образом, становится понятен интерес Якобсона к исследованиям языка и книжности XI в., отраженный в прошении о необходимых ему научных изданиях.

Отметим, что степень «кандидата» для окончивших высшее учебное заведение была отменена университетским уставом 1884 г. В данном случае речь идет о дипломной работе, которую Якобсон, возможно, по старинке и называл «кандидатской». В биографическом исследовании о Якобсоне отмечается: «Любопытно, что в его студенческом деле ни слова не говорится о дипломном сочинении. Интересно и то, что когда в ноябре 1918 г. Якобсон был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, тема его магистерской диссертации также не фигурирует в документах» [Сорокина 2018]. Однако, как мы полагаем, письмо ученого дает ответ на проблематику его дипломной работы (Реймское Евангелие). Что касается темы магистерской диссертации, то в официальных документах она могла и не значиться, так как декретом Совнаркома 1 октября 1918 г. упразднялись все ученые степени и звания.

Шахматов оценил присланную Якобсоном статью о вопросах древнеболгарского стихосложения и посчитал возможным поместить ее в очередном номере

⁹ Якобсон 2012, 77.

¹⁰ Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – выдающийся лингвист-славист. С 1915 г. приват-доцент Московского университета.

¹¹ Малевич Сергей Александрович (1878–после 1918) – белорусский фольклорист и лингвист.

¹² Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – известный белорусский историк, этнограф и фольклорист.

¹³ Кан Исаак Львович (1895–1945) – гимназический однокашник Якобсона. Как вспоминал Якобсон, Кан был человеком с широким кругом интересов, он «кочевал между вопросами искусства (как художника и как теоретика живописи). Затем, отчасти под моим влиянием, он увлекся было лингвистикой, потом перешел к археологии, в связи со всеобщим в то время восхищением древнерусской живописью. Потом, после революции, он стал архитектором, был очень даровитым архитектором, эмигрировал сперва в Берлин, а потом в Прагу; в Чехословакии есть очень интересные его постройки [...], участвовал в диалектологических поездках» (Якобсон, 2012, 216–217).

¹⁴ Еремин Степан Антонович (1886–не ранее 1935) – филолог-славист.

¹⁵ Через несколько лет Еремин опубликовал свое исследование [Еремин 1922].

«Известий ОРЯС», готовившемся к выпуску в 1919 г., что заставило Якобсона более ответственно отнестись к подготовке этой работы. Он попросил Шахматова вернуть статью для доработки. Письмо Якобсона¹⁶ написано, скорее всего, весной 1918 г., так как, кроме указанной просьбы, оно содержит еще один сюжет. Ученый предлагал напечатать следующую свою работу – «заметку о языке Слова о полку Игореве (по поводу статьи Каринского¹⁷)», – и прислать ее со-бирался «летом». Что касается данной статьи, то она так и не была напечатана, ее машинописный экземпляр хранится в фонде Шахматова¹⁸.

Работа над статьей о древнеболгарском стихосложении продолжалась успешно. Шахматов, действуя через Ушакова, отправил 2 ноября 1918 г. Якобсону ее корректуру¹⁹. Судьба статьи о стихосложении сложилась удачно, она была опубликована в «Известиях ОРЯС». Но непростой оказалась судьба выпуска «Известий», этот том увидел свет не в 1919 г., как планировалось, а только в 1923 г. Таким образом, со времени написания статьи в 1917 г. до ее появления в 1923 г. прошло почти шесть лет. К этому времени Якобсон уже опубликовал ряд исследований в Праге. Ушакову же Шахматов писал 4 декабря о том, что «порадовался оставлению при университете Якобсона»²⁰.

Казалось, что жизненный путь молодого ученого определился, но гарантировать что-либо в стране в период революционных перемен было невозможно. Якобсон перебивался различными заработками. Как он не без юмора писал близкому человеку уже из Праги 17 сентября 1920 г.: «Ведь не одну, десять жизней пережил каждый из нас за последние два года. Я, к примеру, был за последние годы – контрреволюционером, ученым и не из худых, ученым секретарем Зав. Отд. Искусств Брика, дезертиром, картежником, незаменимым специалистом в топливном учреждении, литератором, юмористом, репортером, дипломатом [...], авантюрный роман, да и только»²¹.

И действительно, неожиданностью стало для Якобсона предложение от Наркомата иностранных дел отправиться в Ревель (Таллин) в качестве члена делегации Центросоюза и сотрудника РОСТА²². После непродолжительного пребывания в Эстонии Якобсон получил более интересное предложение отправиться уже в Прагу в составе миссии Красного Креста²³. Оно открывало для молодого ученого возможность вернуться к активной научной деятельности. И в этом его поддержал Шахматов. При их последней встрече в мае академик отметил «широкие исследовательские возможности, которые предоставляют чешский и словацкий языки из-за их диалектного разнообразия»²⁴.

Еще перед первой поездкой в Ревель Якобсон заручился 19 февраля рекомендательным письмом от Шахматова. «Глубокоуважаемый коллега, – писал Шахматов, – быть может, это письмо дойдет до Вас через нашего молодого даровитого ученого Романа Осиповича Якобсона. Очень Вас прошу морально

¹⁶ СПбФ РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1764. Л. 4.

¹⁷ Каринский Николай Михайлович (1873–1935) – лингвист-славист. Статья Каринского была опубликована в Журнале министерства народного просвещения [Каринский 1916].

¹⁸ СПбФ РАН. Ф. 134. Оп. 2. Д. 249. 19 л.: Якобсон Р. Слово о полку Игореве. Язык и орфография мусин-пушкинской рукописи (по поводу статьи проф. Каринского). Машинопись.

¹⁹ АРАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 42. Л. 59.

²⁰ Там же. Л. 61.

²¹ Якобсон, 2012, 131.

²² Там же, 93.

²³ Там же, 95.

²⁴ Jakobson 1920.

поддержать его на чужбине. Он хороший лингвист, и мы возлагаем на него большие надежды. О нас он расскажет Вам на словах»²⁵.

Якобсон благополучно прибыл в Ревель 24 мая 1920 г. [Сорокина 2018] и уже через месяц, 3 июля выехал «морским путем в Штеттин, а оттуда в Прагу поездом»²⁶. Из Ревеля он отправил последнее письмо Шахматову. Почтовый штемпель на письме: «Петроград 17.6.20», а слова «большое Вам спасибо за письмо», без сомнения, свидетельствуют о благодарности Якобсона за рекомендательное письмо академика. Интересно, что дипломатической почтой Якобсона решил воспользоваться выехавший в мае в официальную командировку от Академии наук в Прагу Н.В. Ястребов²⁷. Его письмо Шахматову 22 мая, в котором ученый описывал трудности своего путешествия, Якобсон приложил к своему. Шахматов получил письмо Ястребова [Лаптева 2006, 252]. Известно, что историк вместе с семьей прибыл в Прагу под Новый год [Там же, 243]; таким образом, очевидно, что ему пришлось задержаться в Эстонии на несколько месяцев.

Так случилось, что первой работой Якобсона, опубликованной в Праге, стал некролог А.А. Шахматову, напечатанный в переводе на чешский язык в газете «Čas» спустя две недели после кончины академика: «Только что я получил телеграмму из России: “Проф. Шахматов умер при операции”. Колесо эпохи, тяжелое сегодня, как гусеницы танка, не пощадили титана духа. Окружающая действительность была чужда Шахматову. Мир идей, которые он создавал, был единственной для него действительной реальностью. Но когда суровая, жестокая действительность вырвалась из обычной упряжи, он не мог уже с ней не считаться: она, вопия о повседневных нуждах и вовлекая всех в свой бешеный круговорот, проникла и в его рабочий кабинет. “Нельзя безнаказанно заколачивать часами гвозди”, — было сказано (увы, пророчески) о Шахматове. Часы разбились. Шахматов умер в возрасте чуть более пятидесяти лет. Его творческий путь прервался так же необычайно рано, как и начался»²⁸.

Волнение автора некролога передает яркий, страстный стиль, наполненный метафорами, восклицаниями, инверсиями: «Шахматов учитель! Как осиротел с его кончиной петроградский университет! Как красиво звучала его ровная, нетороплива речь в стародворянском стиле! [...] “Добрый гений молодых учених” — это постоянный, применяемый к нему, эпитет. Нет ни одного филолога в России, который остался бы без его поддержки, которому он не подарил бы горсть плодотворных идей, о котором не заботился бы, о котором бы не беспокоился. Шахматова бескорыстие и великодушие давно стали легендой в русских академических кругах»²⁹.

Х. Баран, знаток творчества Якобсона, отметил, что тот многократно выступал в жанре некролога, написал их более пятидесяти об учителях, коллегах и друзьях: «Некрологи Якобсона — результат его собственного решения закрепить память об ушедших, дать оценку их творческой деятельности, рассмотреть их биографии в соответствующих исторических контекстах» [Баран 2016, 6]. Совершенно особый, однако, характер имеют написанные Якобсоном в Праге два первых некролога — Шахматову и В.Н. Щепкину: «В каждой заметке, наряду с изложением основных научных достижений, он создает краткий, но предельно емкий, проникновенный портрет человеческой личности» [Баран 2016, 6; курсив автора].

²⁵ Letters and other materials, 37.

²⁶ Якобсон 2012, 96, 252.

²⁷ Ястребов Николай Владимирович (1869–1923) — историк-славист.

²⁸ Jakobson 1920.

²⁹ Ibid.

Ниже впервые публикуются письма Р.О. Якобсона академику А.А. Шахматову.

1

Имею честь просить Отделение Русского языка и словесности
Императорской Академии Наук выдать мне следующие издания
Отделения:

Словари: Архангельского наречия
Белорусского наречия
Литовский
Олонецкого наречия (нрзб.)
Смоленский областной

Памятники старославянского языка Т. I–III
Материалы для изучения великорусских говоров
Сборники Отделения русс. яз. – Томы LXXVI, LXXVII, LXXXIII, LXXXVIII.
Ягич – Служебные минеи.
Лоренц – *Slovinzische Grammatik, Texte, Wörterbuch.*
Чулков, Сочинения
Письма Петра Великого

Студент Императорского Московского университета
секции языка славяно-русского отд.
историко-филологического факультета
Роман Якобсон

Прошу оставить в книжном складе до востребования.
СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1062. Л. 22–22об.

2

Господину Председателю II Отделения Государственной Академии
Наук Алексею Александровичу Шахматову
Прошение

От студента секции языка
славяно-русского отделения
историко-филологического факультета
Государственного Московского Университета
Романа Иосифовича Якобсона

Имею честь просить выдать мне Известия II Отделения Государственной Академии Наук за 1896–1916 г.

Если книжный склад может выслать мне эти книги по адресу: Москва, Лубянский пр., д. 3, к. 11, прошу выслать их; если же нет, прошу оставить в складе до востребования.

Роман Якобсон
16 дек. 1917 г.

Резолюция рукой А.А. Шахматова: «Что свыше 100 экз.»
Пометка Симони: «Исп. 28 II 1918 г. № 10»
СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1078. Л. 28.

3

Многоуважаемый
Алексей Александрович,

Благодарю Вас за Известия П АН.

А.А. Буслаев³⁰ передал мне, что Вы спрашивали его о моих занятиях. Я в последнее время занимаюсь болгарским и словенским языками, а также белорусскими говорами, в частности, вопросом о белорусских дифтонгах. О последних я читал доклад на семинарии у Н.Н. Дурново. Основной вывод: дифтонги б[ело]р[усских] сильноякающих говоров (например, по материалам Малевича, Довнар-Запольского) нельзя непосредственно возвращать к южно-русским отношениям. Кандидатскую пишу о кирилловской части Реймского Евангелия. Искал я в Румянцевском тех болгарских р[у]к[о]п[исей], о которых Вы мне говорили (с 2 видами ударения), но не мог найти.

Прилагаю при сем заметку о древнеболгарском стихосложении. Находите ли Вы целесообразным продолжать изыскания в этом направлении?

И.Л. Кан просил вам передать, что он теперь занимается Уставом № 142 Типогр[афской] Библиотеки³¹, а затем приступит к Российскому Театру³².

Будьте любезны сообщить мне адрес Еремина. Кстати – в указателе трудов Ф.Е. Корша пропущены его «Замечания на сообщение Иловайского о народности Гуннов» – Труды Этнографического Отдела О[бщест]ва Л.Е.А. и Э.³³, кн. VII, 1886 г.

Р. Якобсон

б/д
СПбФ РАН. Ф. 134. On. 3. Д. 1764. Л. 1.

4

Многоуважаемый
Алексей Александрович,

Если моя заметка еще не печатается, будьте любезны – возьмите ее из типографии, все-таки это черновик, а мне бы хотелось эти вопросы разработать основательней.

Всегда готовый к услугам,
Р. Якобсон

б/д

Если разрешите, пришлю летом для печатания заметку о языке Слова о полку Игореве (по поводу статьи Каринского).

СПбФ РАН. Ф. 134. On. 3. Д. 1764. Л. 4.

³⁰ Буслаев Алексей Александрович (1897–1965) – филолог, председатель Московского лингвистического кружка (1920–1922), правнук академика Ф.И. Буслаева.

³¹ Типографский Устав с кондакарем конца XI – начала XII в. – древнейшая славянская крюковая певческая рукопись. И.Л. Кану о ней могло быть известно по труду: [Металлов 1912]. По этой книге Якобсон цитировал в статье о древнем болгарском стихосложении кондак св. Симеона Столпника [Якобсон 1923, 352].

³² «Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений» издавался в Санкт-Петербурге Академией наук; с 1786 по 1794 г. опубликованы 43 части.

³³ Труды Этнографического отдела – издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете.

Глубокоуважаемый Алексей Александрович,

Терраса не видел, так как он живет за городом, но послал ему открытку. По получении ответа сообщу Вам. Скоро еду в Прагу. Большое Вам спасибо за письмо. Прилагаю письмо от Ястребова. Мой почтовый адрес:

Москва, Народный Комиссариат Иностранных дел.

Отдел дипломатических курьеров для пересылки в Ревель, гостиница «Петроград», т. Долину для сотрудника миссии Красного Креста в Праге Р. Якобсона.

Уважающий Вас,
 Р. Якобсон

б/д

Штамп на конверте: Петроград 17.6.20
 СПбФ РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1764. Л. 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРАН – Архив Российской академии наук

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

АРАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 42.

СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1062, 1078. Ф. 134. Оп. 2. Д. 249; Оп. 3. Д. 1764.

Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок / подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1–2. С. 361–379.

Якобсон Р.О. Будетянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / [сост., подгот. текста, вступ. ст. и comment. Б. Янгфельдта]. Испр. и доп. переизд. сб. материалов «Якобсон-будетянин» (Стокгольм, 1992). М.: Гилея. 2012. 304, [1] с.

Jakobson R. Prof. Sachmatov // Čas. 1920.31.VIII. Roč. XXX. Č. 68. S. 2.

Letters and other materials from the Moscow and Prague linguistic circles, 1912–1945 / ed., with Engl. summ. a. annot., by J. Toman. Ann Arbor: Michigan Slavic publ., 1994. XVII, 259 c.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баран Х. Р.О. Якобсон и жанр некролога // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2016. Вып. 1. С. 4–17.

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1907. Т. LXXXIII. № 4. [2], 149 с.

Будде Е.Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVI. № 3. II, 148 с.

Бычков А.Ф. Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования. СПб.: 1872. [2], XX, 180 с.

Виноградов Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1: Фонетика // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 8. [4], II, 100 с.

Вольтер Э.А. Пушкин в литовском переводе // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 2. [4], 48 с.

Добровольский В.Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. [4], IV, 1022 с.

Довнар-Запольский М.В. Белорусское Полесье: Сборник этнографических материалов. Вып. 1. Песни пинчуков: С прил. карт. сев. части уезда и ст. о говоре. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира В.И. Завадского, 1895. [10], XXVIII, 203, [2] с.: карт.: 22.

Дурново Н.Н. Диалектологическая карта Калужской губернии // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1903. Т. LXXVI. № 1. 35 с.

Еремин С.А. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. Пг.: Рос. гос. академ. тип., 1922. Т. 99. № 5.[2], II, 69, [2] с.

- Зеленин Д.К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1903. Т. LXXVI. № 2. 189 с.
- Ильинский Г.А. Македонский глаголический листок. Отрывок глаголического текста Ефрема Сирина XI века. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1909. [2], 32 с. (Памятники старославянского языка. Т. I, вып. 6).
- Ильинский Г.А. Охридские глаголические листки. Отрывок древне-церковно-славянского евангелия XI в. Пг.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1915. [4], 32 с., [2] л. факс.: 26 (Памятники старославянского языка. Т. III, вып. 2).
- Каринский Н.М. Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве как памятник псковской письменности XV–XVI вв. // ЖМНП. 1916, декабрь. С. 199–214.
- Карский Е.Ф. Листки Ундельского, отрывок Кирилловского Евангелия XI века. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1904. (Памятники старославянского языка. Т. I, вып. 3).
- Карский Е.Ф. Материалы для изучения белорусских говоров. Вып. 6 // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1910. Т. LXXXIII. № 1. I, 15 с.
- Куликовский Г.И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1898. [4], VI, [2] 150 с.
- Кульбакин С.М. Хиландарские листки, отрывок Кирилловской письменности XI-го века. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1900. [2], 34 с. (Памятники старославянского языка. Т. I, вып. 1).
- Лаптева Л.П. Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии // История и историки. 2005. Историографический вестник. М.: Наука, 2006. С. 212–252.
- Малевич С. Белорусские народные песни // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1907. Т. LXXXII. № 5 [4], 194 с.; 23.
- Металлов В.М. (протоиерей). Русская симиография. Из области церковно-певческой археологии и палеографии. М.: Изд. Московского Археологического ин-та, 1912. 118 с., 119 л. табл.
- Носович И.И. Словарь Белорусского наречия. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1870. [6], 756 с.
- Погорелов В.А. Чудовская Псалтырь XI века. Отрывок толкования Феодорита Киррского на Псалтирь в древнеболгарском переводе. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1910. [4], VI, 276 с. (Памятники старославянского языка. Т. III. Вып. 1).
- Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд. Второго Отд. имп. АН. 1885. 198 с.
- Робинсон М.А. Академик В.Н. Перетц – ученик и учитель // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 178 – 236.
- Северянов С.Н. Супрасльская рукопись. Т. 1. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1904. [2], VIII, 570 с. (Памятники старославянского языка. Т. II, вып. 1).
- Смирнов И.Т. Кашинский говор // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 9. XXII, 192 с.
- Смирнов Н.А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. I. Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования западноевропейских языков. II. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1907. Т. LXXXIII. № 2. II, 399 с.
- Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. С двумя фототипическими снимками // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1907. Т. LXXXIII. № VI, 287 с.
- Соловьев В.Ф. Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 7. [2], 60 с.
- Сорокина М. Нужна ли биография эмигранту? Роман Якобсон в московских архивах // Roman Jakobson: linguistica e poetica / a cura di Stefania Sini, Marina Castagneto e Edoardo Esposito. Milano: Ledizioni. 2018. URL: <https://books.openedition.org/ledizioni/4504> (дата обращения: 10.06.2024).
- Тиханов Н.Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнографии // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVI. № 4. IV, 263 с.
- Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии // Сборник ОРЯС. СПб.: Тип. имп. АН. 1904. Т. LXXVI. № 5. 382 с.
- Чулков Д.М. Сочинения. Собрание разных песен: Ч. 1, 2 и 3 с прибавл. 1770–1773 гг. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1913. Т. 1. [4], VIII, 779 с.
- Щепкин В.Н. Саввина книга. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1903. [2], VIII, 235 с. (Памятники старославянского языка. Т. I, вып. 2).
- Юшкевич А.В. Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1897. Т. 1. Вып. 1. A–Dz. [4], XXVII, 392 с.

- Юшкевич А.В.* Литовский словарь с толкованием слов на русском и польском языках. СПб.: Изд. ОРЯС имп. АН. 1904. Т. 1. Вып. 2: Е–Ж. 393–721, I–LXIII с.
- Ягич И.В.* Служебные миные за сентябрь, октябрь и ноябрь: В церковно-слав. пер. по рус. рукописям 1095–1097 г. СПб., Изд. ОРЯС имп. АН. 1886. [4], CXXXVI, 244, 609 с., 6 л. факс.: 24 (Памятники древнерусского языка. Т. 1).
- Якобсон Р.О.* Заметки о древнеболгарском стихосложении // Известия ОРЯС. 1919. Пг., 1923. Т. XXIV. Кн. 2. С. 351–358.
- Lorentz F.* Slovinzische Grammatik. СПб., изд. Второго Отд. имп. Академии наук, 1903. ХХ, 392 с.
- Lorentz F.* Slovinzische Texte. СПб., изд. Второго Отд. имп. Академии наук, 1905. VI, 150 с.
- Lorentz F.* Slovinzische Wörterbuch. Erster Teil. СПб., изд. Второго Отд. имп. Академии наук, 1908. 738 с.
- Lorentz F.* Slovinzische Wörterbuch. Zweiter Teil. СПб., изд. Второго Отд. имп. Академии наук, 1912. VI, С. 739–1554.

Рукопись поступила в редакцию 15.06.2024

Рукопись принята к печати 20.07.2024

REFERENCES

- Baran H. *R.O. Jakobson i zhann nekrologa. Vestnik Sanct-Petersburgskogo universiteta, sr. 2, Istorija*, 2016, vyp. 1, pp. 4–17. (In Russ.)
- Brok O. Opisanie odnogo govora iz jugozapadnoj chasti Totemskogo uezda. *Sbornik ORIAS*, 1907, t. 83, kn. 4, 149 p. (In Russ.)
- Budde E.F. O govorakh Tul'skoj I Orlovskoj gubernij. *Sbornik ORIAS*, 1904, t. 76, kn. 3, 148 p. (In Russ.)
- Bychkov A.F. *Pis'ma Petra Velikogo, khraniaschchesia v Imperatorskoj Publichnoj biblioteke i opisanie nakho-diashchikh v nej rukopisej, soderzhaskikh materialy dlia istorii ego tsarstvovaniia*. St. Petersburg, 1872, [2], XX, 180 p. (In Russ.)
- Chulkov D.M. *Sochinenia. Sobranie raznykh pesen: Ch. 1, 2 i 3 s pribavl. 1770–1773 gg.* St. Petersburg, izd. ORIAS imp. Akademii nauk, t. 1, [4], VIII, 779 p. (In Russ.)
- Dobrovols'kij V.N. *Smolenskij oblastnoj slovar'*. Smolensk, 1914, [4], IV, 1022 p. (In Russ.)
- Dovnar-Zapol'skij M.V. *Belorusskoe Poles'e: Sbornik etnograficheskikh materialov Vyp. 1. Pesni pinchukov: S pril. kart. sev. chasti uezda i st. o govore*. Kiev, tip. imp. Universiteta sv. Vladimira V.I. Zavadskogo, 1895. [10], XXVIII, 203, [2] p.: kart.: 22. (In Russ.)
- Durnovo N.N. Dialektologicheskaiia karta Kaluzhskoj gubernii. *Sbornik ORIAS*, 1903, kn. 1, 35 p. (In Russ.)
- Eremin S.A. Opisanie ulomskogo i vauchskogo govorov Cherepovetskogo uezda Novgorodskoj gubernii. *Sbornik ORIAS*, Petrograd, Rossijskaia gos. akademicheskaiia tipografiia, 1922, t. 99, no. 5, [2], II, 69, [2] p. (In Russ.)
- Il'inskij G.A. *Makedonskij glagolicheskiy listok. Otryvok glagolicheskogo teksta Efrema Sirina XI veka*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1909, [2], 32 p. (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. I, vyp. 6). (In Russ.)
- Il'inskij G.A. *Ohridskie glagolicheskie listki. Otryvok drevne-tserkovno-slavianskogo Evangelii XI v.* Petrograd, izd. ORIAS, 1915, [4], 32 p., [2] lista, faks. 26 (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. III, vyp. 2). (In Russ.)
- Jagich I.V. Sluzhebnye minei za sentiabri, oktiabri' i noiabri': V tserkovno-slavianskom perevode po russkim rukopisiam 1095–1097 g. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1886, CXXXVI, 244, 609 p., 6 f., faks: 24 (Pamiatniki drevnerusskogo jazyka, t. 1). (In Russ.)
- Jakobson R.O. Zametka o drevnebolgarskom stikhoslozenii. *Izvestiya ORIAS*. 1919. Petrograd, 1923, t. XXIV, kn. 2, pp. 351–358. (In Russ.)
- Jushkevich A.V. *Litovskij slovar's tolkovniem slov na russkom I pol'skom jazykakh*. St. Petersburg, izd. ORIAS imp. Akademii nauk, 1897, t. I, A–Dz. [4], XXVII, 392 p. (In Russ., Lithuanian)
- Jushkevich A.V. *Litovskij slovar's tolkovniem slov na russkom I pol'skom jazykakh*. St. Petersburg, izd. ORIAS imp. Akademii nauk, 1904, t. I, vyp. 2, E–J, pp. 393–721, I–LXIII. (In Russ., Lithuanian)
- Karinskij N.M. Musin-Pushkinskaia rukopis' Slova o polku Igoreve kak pamiatnik pskovskoj pis'mennosti XV–XVI vv. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1916, December, pp. 199–214.
- Karskij E.F. *Listki Undol'skogo, otryvok Kirillovskogo Evangelii XI veka*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1904 (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. I, vyp. 3). (In Russ.)
- Karskij E.F. Materialy dlia izucheniiia belorusskikh govorov, vyp. 6, *Sbornik ORIAS*, 1910, t. 83, kn. 1, I, 15 p. (In Russ.)
- Khalanskij M.G. Narodnye govory Kurskoj gubernii. *Sbornik ORIAS*, St. Petersburg, tipografiia imp. Akademii nauk, 1904, t. 76, kn. 5, 382 p. (In Russ.)

- Kul'bakin S.M. *Khilandarskie listki, otryvok Kirillovskoj pis'mennosti XI-go veka*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1900, [2], 34 p. (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. I, vyp. 1). (In Russ.)
- Kulikovskij G.I. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskem primenenii*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1898, [4], VI, [2] 150 p. (In Russ.)
- Lapteva L.P. Nikolaj Vladimirovich Jastrebov (1869–1923) kak issledovatel' istorii Chekhii. *Istoriia i istoriki*, 2005. *Istoriograficheskiy vestnik*, Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 212–252. (In Russ.)
- Lorentz F. *Slovinzische Grammatik*. St. Petersburg, izd. Vtorogo Otd. imp. Akademii nauk, 1903, XX, 392 p.
- Lorentz F. *Slovinzische Texte*. St. Petersburg, izd. Vtorogo Otd. imp. Akademii nauk, 1905, VI, 150 p.
- Lorentz F. *Slovinzische Wörterbuch. Erster Teil*. St. Petersburg, izd. Vtorogo Otd. imp. Akademii nauk, 1908, 738 p.
- Lorentz F. *Slovinzische Wörterbuch. Zweiter Teil*. St. Petersburg, izd. ORIAS imp. Akademii nauk, 1912, VI, pp. 739–1554.
- Malevich S. Belorusskie narodnye pesni. *Sbornik ORIAS*, St. Petersburg, tip. imp. Akademii nauk, 1907, t. LXXXII, № 5 [4], 194 p.; 23. (In Russ.)
- Metallov V.M. (protoierej). *Russkaia simiografija. Iz oblasti tserkovno-pevcheskoj arkheologii i paleografi*. Moscow, izd. Moskovskogo Arkheologicheskogo institute, 1912, 118 p., 119 f. tabl. (In Russ.)
- Nosovich I.I. *Slovar' Belorusskogo narechiia*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1870. [6], 756 p. (In Russ.)
- Podvysotskij A.O. *Slovar' oblastnogo arkhangelskogo narechiia v ego bytovom i etnograficheskem primenenii*. St. Petersburg, izd. Vtorogo Otd. imp. Akademii nauk, 1885, 198 p. (In Russ.)
- Pogorelov V.A. *Chudovskaia Psaltry' XI veka. Otryvok tolkovaniia Feodorita Kirrskogo na Psalrir' v drevnebolgarskom perevode*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1910, [4], VI, 276 p. (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. III, vyp. 1). (In Russ.)
- Robinson M.A. Akademik V.N. Peretts – uchenik i uchitel'. *Slavianskij al'manakh 2002*. Moscow, 2003, pp. 178–236. (In Russ.)
- Sever'ianov S.N. *Suprasl'skaia rukopis'*. T. I. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1904, [2], VIII, 570 p. (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. II, vyp. 1). (In Russ.)
- Shchepkin V.N. *Savvina kniga*. St. Petersburg, izd. ORIAS, 1903, [2], VIII, 235 p. (Pamiatniki staroslavianskogo jazyka, t. I, vyp. 2). (In Russ.)
- Smirnov I.T. Kashinskij govor. *Shorkik ORIAS*, St. Petersburg, tipografia Akademii nauk, 1904, t. 77, no. 9, XXII, 192 p. (In Russ.)
- Smirnov N.A. Zapadnoe vliianie na russkij jazyk v Petrovskuiu epokhu. I. Opredelenie putej, kotorymi v Petrovskuiu epokhu shli zaimstvovaniia zapadnoevropejskikh jazykov. II. Slovar' inostrannyykh slov, voshedshikh v russkij jazyk v epokhu Petra Velikogo. *Sbornik ORIAS*, tipografia imp. Akademii nauk, 1907, t. 83, kn. 2, II, 399 p. (In Russ.)
- Sobolevskij A.I. Materialy i issledovaniia v oblasti slavianskoj filologii I arkheologii. S dvumia fototipicheskimi snimkami. *Sbornik ORIAS*, St. Petersburg, tipografia imp. Akademii nauk, 1907, t. 83, kn. 6, 287 p. (In Russ.)
- Solov'ev V.F. Osobennosti govora Novgorodskogo uezda Novgorodskoj gubernii. *Sbornik ORIAS*, St. Petersburg, tipografia imp. Akademii nauk, 1904, t. 77, kn. 7, [2], 60 p. (In Russ.)
- Sorokina M. Nuzhna li biografija emigrantu? Roman Jakobson v Moskovskikh arkhivakh. *Roman Jakobson: linguistica e poetica*, a cura di S. Sini, M. Castagneto e E. Esposito. Milano: Ledizioni. 2018. URL: <https://books.openedition.org/ledizioni/4504> (In Russ.)
- Tikhanov N.N. Brianskij govor. Zametki iz oblasti russkoj etnologii. *Sbornik ORIAS*, St. Petersburg, tipografia imp. Akademii nauk, 1904, t. 76, kn. 4, IV, 263 p. (In Russ.)
- Vinogradov N. O narodnom govore Shungenskoj volosti Kostromskogo uezda. *Sbornik ORIAS*, 1904, t. 77, kn. 8, [4], II, 100 p. (In Russ.)
- Volter E.A. Pushkin v litovskom perevode. *Sbornik ORIAS*, 1904, t. 77, kn. 2, [4], 48 p. (In Russ.)
- Zelenin D.K. Otchet o dialektologicheskoy poezdke v Viatskuiu guberniu. *Sbornik ORIAS*, t. 76, kn. 2, 189 p. (In Russ.)

Информация об авторе:**Information about the author:****Робинсон Михаил Андреевич**

доктор исторических наук, зав. Центром
Института славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000003-3917-1360
E-mail: *m.a.robinson@mail.ru*

Mikhail A. Robinson

DSc. (History), Head of the Center
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3917-1360
E-mail: *m.a.robinson@mail.ru*

Сазонова Лидия Ивановна

доктор филологических наук,
главный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7457-3926
E-mail: *Lsazonova@mail.ru*

Lidiia I. Sazonova

DSc. (Philology), Main Researcher
Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7457-3926
E-mail: *Lsazonova@mail.ru*

Славяноведение, 2024, № 6, с. 127–140

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 127–140

DOI: 10.31857/S0869544X24060105, EDN: XGNZHL

Оригинальная статья / Original Article

Проблемы чешско-словацких отношений в XX веке глазами советского историка (июль 1968 г.)

© 2024 г. А.С. Стыкалин

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская федерация)

zhurslav@gmail.com

Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых»

Аннотация. Пражская весна 1968 г. вошла в историю прежде всего как массовое демократическое движение, направленное на придание свежих сил реальному социализму, повышение его эффективности и внешней привлекательности. Опередив время, она была пресечена на корню правящими элитами СССР и стран советского блока, не готовыми к столь далеко идущей либерализации системы отношений в одной из социалистических стран. Литература, посвященная Пражской весне и августовской интервенции 1968 г., чрезвычайно обширна и многообразна, однако сохраняет свою значимость введение в научный оборот новых источников. Записки и отчеты советских ученых-страноведов, специалистов по проблемам Чехословакии и ее культуры, выезжавших в эту страну в месяцы Пражской весны, дополняют новыми фактами картину событий, вместе с тем расширяя наше знание о восприятии отечественной интеллигенцией процессов, развернувшихся в соседнем государстве. Вниманию читателей предлагается отчет о посещении съезда словацких историков в июле 1968 г. сотрудником Института славяноведения АН СССР П.И. Резоновым, который отметил не только различия в подходах чешских и словацких историков к общему прошлому во взаимоотношениях этих двух близких народов, но и приоритетное внимание словаков к проблемам федерализации страны, что не всегда находило понимание чешских реформаторов, ставивших во главу угла задачи общей демократизации.

Ключевые слова: Чехословакия, Пражская весна 1968 г., чешско-словацкие взаимоотношения, реформы социализма, советско-чехословацкие связи в области гуманитарных наук, чешская и словацкая историческая наука.

Ссылка для цитирования: Стыкалин А.С. Проблемы чешско-словацких отношений в XX веке глазами советского историка (июль 1968 г.) // Славяноведение. 2024. № 6. С. 127–140. DOI: 10.31857/S0869544X24060105, EDN: XGNZHL

Problems of Czech-Slovak Relations in the 20th Century Viewed by the Soviet Historian (July 1968)

© 2024. Alexander S. Stykalin

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

Institute of General History of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation).

zhurslav@gmail.com

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-78-10053 «Soviet-Czechoslovak scientific communications in the 1948–1991: transfer of ideas and social practicies».

Abstract. The Prague Spring of 1968 is known primarily as a mass democratic movement aimed at giving fresh strength to real socialism, increasing its effectiveness and external attractiveness. Getting ahead of its time, it was stopped by the ruling elites of the USSR and of the Soviet bloc countries, who were not ready for such a far-reaching liberalization of system in one of the socialist countries. The literature concerning the Prague Spring and the August 1968 intervention is extremely extensive and diverse, but putting into circulation of new sources remains actual. The notes and reports of the Soviet experts in the problems of Czechoslovakia and its culture who visited the country in the months of the Prague Spring add new facts to the picture of events and above all expand our knowledge of the perception by the domestic intelligentsia of the processes which took place in the neighbor country. We offer to our readers a report on a visit to the congress of Slovak historians in July 1968 by an employee of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences P.I. Rezonov, who noted not only the differences in the approaches of Czech and Slovak historians to the common past in the relations between these two nations, but also the priority attention of the Slovaks to the problems of federalization of the country, which was not always supported by the Czech reformers, who put the tasks of general democratization at the forefront.

Keywords: Czechoslovakia, Prague Spring 1968, Czech-Slovak relations, socialist reforms, Soviet-Czechoslovak ties in the field of humanities, Czech and Slovak historical sciences.

For citation: Alexander S. Stykalin. Problems of Czech-Slovak Relations in the 20th Century Viewed by the Soviet Historian (July 1968) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 127–140. DOI: 10.31857/S0869544X24060105, EDN: XGNZHL

При всем обилии литературы о Пражской весне 1968 г., ее предпосылках, подавлении и его последствиях едва ли можно говорить об исчерпанности темы. Продолжают вводиться в научный оборот новые источники (не только архивные документы, но и материалы личного происхождения), отражающие те или иные аспекты событий 1960-х годов в Чехословакии и вокруг нее. До сих пор далеко не полно изучена дипломатическая корреспонденция тех лет из Чехословакии, в частности донесения посольства СССР в Праге и генконсульства в Братиславе, в определенной степени влиявшие на формирование в сознании советской партийно-государственной элиты образа наступающей «контрреволюции», что предопределило в конечном итоге жесткую реакцию Москвы на чехословацкий эксперимент с созданием «социализма с человеческим лицом». Отличаются информативностью и при этом еще менее востребованы исследователями отчеты и докладные записки по итогам посещения

ЧССР как советскими делегациями от тех или иных государственных структур и общественных организаций, так и выезжавшими в краткосрочные командировки специалистами разных областей, научными работниками (в том числе командированными по линии АН СССР в рамках программ межакадемического сотрудничества), журналистами, деятелями художественной культуры и искусства. Эти документы не только дополняют новыми, подчас довольно существенными штрихами общую картину событий и процессов, происходивших в 1960-е годы в ЧССР (в том числе в науке и культуре), но и расширяют наши представления о их рецепции советским обществом, прежде всего наиболее образованной и продвинутой его частью – технической, научной, творческой интеллигенцией¹.

Вниманию читателей предлагается источник, отражающий восприятие не только состояния исторической науки, но всей общественно-политической атмосферы в Чехословакии квалифицированным советским историком-страноведом, побывавшим в командировке в начале июля 1968 г., всего за полтора месяца до вторжения войск СССР и ряда стран Варшавского договора 21 августа, события, не только возымевшего роковые последствия для самой этой страны, но и во многом предопределившего необратимость кризиса всего советского блока и мирового коммунистического движения, поскольку вследствие этой акции было окончательно дискредитировано в глазах многих современников позитивное содержание самой идеи социализма в ее марксистском понимании. Речь идет о заместителе директора Института славяноведения АН СССР П.И. Резонове (1910–1971), который в соответствии с официальным приглашением посетил в качестве гостя съезд словацких историков в Братиславе. Специалист по чехословацкой истории², владевший чешским и словацким языками, он мог не только полноценно наблюдать за работой съезда и составить свое мнение о представленных докладах, но и имел возможность выступить на самом съезде, а кроме того, через более неформальное общение с давно знакомыми ему коллегами узнать об их заботах, творческих планах, получить представление об оценке ими происходивших в те месяцы в стране значительных внутриполитических изменений.

Сам исторический контекст посещения П.И. Резоновым Словакии был весьма необычен, если оценивать его по стандартным для того времени меркам союзнической социалистической страны. Хотя Советский Союз и Чехословакия были союзниками по ОВД и продолжали поддерживать тесные экономические связи в рамках СЭВ, их развитие в это время было далеко не синхронным и тот уровень политических свобод, которого достигли в Чехословакии всего за несколько месяцев Пражской весны, был совершенно немыслим в СССР. Люди, командированные летом 1968 г. в ЧССР, приезжали не просто в

¹ Отчеты литераторов (в том числе писательских делегаций), посещавших социалистические страны, хранятся в фондах Иностранный комиссии Союза писателей СССР в РГАЛИ, отчеты научных работников из системы АН СССР – в соответствующих фондах Архива РАН. Наиболее информативные (либо выделяющиеся высоким уровнем политической аналитики) отчеты персыкались в аппарат ЦК КПСС. Так, например, записка заместителя главного редактора журнала «Иностранный литература» писателя С. Дангурова (в прошлом карьерного дипломата), побывавшего в Румынии летом 1964 г. в момент обострения советско-румынских отношений, через считанные дни после представления в Союз писателей оказалась на столе главного идеолога КПСС М.А. Суслова. См.: [Стыкалин 2011].

² Кандидатскую диссертацию Павел Иванович Резонов защитил в 1948 г. по теме «Социально-политические взгляды таборитов на первом этапе движения». Со временем он переключился со средневековой истории на новейшую, занимался советско-чехословацкими отношениями во время Второй мировой войны и первые послевоенные годы.

соседнюю социалистическую страну, а фактически уже в другой мир, охваченный бурными переменами и самыми оптимистическими ожиданиями. Весной 1968 г. в Чехословакии к сильному раздражению советского руководства была фактически отменена цензура, вследствие этого пресса все острее ставила насущные проблемы; разбуженная общественная активность (невиданная после установления коммунистического режима в феврале 1948 г.) проявлялась в возникновении все новых и новых неформальных объединений. Прорабатывались планы экономических реформ, нацеленных на то, чтобы сделать существующую систему более рациональной, гибкой, отвечающей повседневным запросам общества³. Попытки выработать более совершенную модель социализма, отличную от советской модели с ее централизмом, с большим подозрением воспринимались руководством КПСС, так как сопровождались освобождением от своих должностей множества высокопоставленных функционеров из «команды» А. Новотного, которых в Кремле и на Старой площади привыкли считать надежными партнерами. Что же касается нового первого секретаря ЦК КПЧ А. Дубчека, то он с момента своего избрания в начале 1968 г. на высший пост в партии практиковал довольно непривычный для советской номенклатуры и чуждый ей стиль общения с массами – более открытый, демократичный, человечный, стирающий дистанцию. Представленная в апреле партийными реформаторами на суд общественности развернутая Программа действий КПЧ резко контрастировала с отсутствием у руководства СССР внятной программы, которая могла бы быть предложена чехословацким партнерам в целях решения ими назревших социально-экономических проблем с учетом интересов всего социалистического содружества, и была расценена в Москве как в целом ревизионистский документ.

Хотя в СССР и экспериментировали в середине 1960-х годов с половинчатыми экономическими, так называемыми косыгинскими реформами, руководство КПСС опасалось далеко идущих системных реформ в соседней социалистической стране, способных создать механизмы реального общественного контроля над властными позициями партийно-государственной элиты. На апрельском пленуме ЦК КПСС 1968 г. была впервые озвучена готовность прийти на помощь чехословацкому народу, если «империалисты и контрреволюционеры» попытаются оторвать страну от советского блока. С этого времени советская пресса стала все больше писать об угрозе социализму в соседней Чехословакии. Началась массированная идеологическая обработка граждан СССР, повсеместно на партактивах зачитывались информационные письма ЦК КПСС с критикой пражского «ревизионизма». Страх перед утратой контроля над стратегически важным союзником дал импульс проработке не только политических, но и силовых вариантов воздействия на ситуацию, что в конечном итоге реализовалось в августовской интервенции.

Опасения жесткой реакции Москвы, безусловно, существовали летом 1968 г. в чехословацком обществе, однако не менее сильна была гордость за развернувшиеся реформы, способные, как ожидалось их инициаторами, в полной мере раскрыть демократический и гуманистический потенциал, изначально заложенный в социализме. В донесениях советских деятелей науки и культуры, общавшихся в те месяцы с представителями чехословацкой интеллигенции,

³ Оценка перспектив их реализации советскими экономистами из системы АН СССР, посетившими ЧССР в 1968 г. (Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622), заслуживает специального изучения. К августу 1968 г. все эти планы были далеки от практического воплощения, но после подавления Пражской весны дали немало пищи для критики в адрес О. Шика и других «еретиков» от социалистической экономики.

можно прочитать об искренней вере многих их собеседников в особую миссию чехов и словаков. В этом контексте уже звучало и определение «Пражское весна», которую заведующий кафедрой Карлова университета известный филолог-русист М. Дрозда, общаясь с советскими литераторами, назвал «лучшей книгой», которая пишется в Чехословакии с начала 1968 г.⁴ О том, насколько были распространены среди чехословацкой интеллигенции эти почти мессианские настроения, можно судить среди прочего по публицистике получившего позже мировую известность писателя Милана Кундеры, одно время верившего, что предпринятая в Праге попытка, выйдя из порочного круга «бюрократического социализма», противопоставить ему принципиально иную модель, сможет придать новые импульсы мировому цивилизационному развитию⁵.

Важно заметить, что к лету 1968 г. чешский и словацкий взгляды на перспективы начатых реформ все более расходились, что проявлялось и в ходе встреч чехословацких ученых и литераторов с советскими коллегами. Когда словаки, приезжавшие в СССР в составе чехословацких делегаций, в присутствии чехов с энтузиазмом говорили о том, что Словакия опережает Чехию в стремлении к демократическим переменам, они зачастую выдавали желаемое за действительное⁶. Ничего сопоставимого по общественной значимости и эмоциональному накалу с пражским съездом писателей 1967 г. (где подплодисменты собравшихся было зачитано с трибуны письмо А. Солженицына съезду советских писателей) в Словакии не было, общественное движение там ориентировалось прежде всего на воплощение национальных требований. В конце концов и Дубчек в мемуарах признал, что для словаков приоритетом в то время было именно достижение федерализации. Чехи же к национальным устремлениям словаков не всегда относились с должным пониманием, делая упор на требования общей демократизации. Таким образом, в условиях Пражской весны отнюдь не исчезала, а иногда даже усиливалась некоторая напряженность в отношениях двух титульных наций, причем даже тех их представителей, которые выступали за глубокие реформы. Не всегда заметная невооруженным взглядом, она в то же время обращала на себя внимание экспертов-страноведов, лучше знавших не только реалии современной Чехословакии, но и непростую историю взаимоотношений чехов и словаков с момента объединения их в одном государстве осенью 1918 г. В этом плане весьма показателен публикуемый ниже отчет П.И. Резонова.

Характеризуя на основе заслушанных докладов ситуацию в чехословацкой исторической науке в целом, П.И. Резонов обратил внимание на стремление историков к освобождению от устоявшихся догм, к отказу от прежних установок подгонять факты под определенные схемы в угоду политике. На съезде было уделено должное внимание как расширению диапазона исследований (за счет обращения, в частности, к проблемам социальной истории) и круга вводимых в научных оборот архивных документов, так и совершенствованию методологии. Особый акцент делался на необходимости переосмыслиния

⁴ Отчет Иностранной комиссии Союза писателей СССР о пребывании в Советском Союзе в мае-июне 1968 г. делегации чехословацких литераторов: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 609. Л. 1–10.

⁵ Его, впрочем, пытался «спустить с небес на землю» Вацлав Гавел, предостерегавший от поисков «той свободы, которой мир еще не знал», и от «провинциального» подчеркивания собственной значимости. Он заметил, что большинство программных требований пражских реформаторов сводилось к установлению (а применительно к Чехословакии с ее демократическими традициями межвоенной эпохи точнее даже сказать: восстановлению) тех свобод, которые реализуются на практике в любом «нормальном» социуме. См. [Задорожник 2010].

⁶ Как иногда грешил против истины и А. Дубчек, преувеличивая в позднейших мемуарах темпы словацкой либерализации. См.: [Дубчек 2019].

непростых чешско-словацких отношений. По свидетельству П.И. Резонова, в выступлениях словацких историков критиковалась сама концепция чехословакизма, восходящая к идеям Т.Г. Масарика и дававшая простор для разного рода искажений при решении национального вопроса как в предвоенные, так и в послевоенные годы. Согласно тогдашнему видению словацких реформаторов, коммунисты уже в 1945 г. пошли на уступки президенту Э. Бенешу, не отстояв до конца своих принципиальных позиций относительно чешско-словацкого равноправия, а после 1948 г. развитие отношений между двумя титульными нациями было еще более деформировано негативными явлениями, характерными уже для сталинской эпохи. Возник парадокс: несмотря на постепенное развитие страны по новому пути, в реальности словацкому народу не предоставлялось должных национальных прав, а его национальным органам – настоящих полномочий, что закрепила и конституция 1960 г., явившейся в этом смысле шагом назад в сравнении с конституцией 1948 г. Красной нитью всех выступлений словацких историков было обоснование требованияния федеративного устройства республики: без этого, по их мнению, было невозможно покончить с неравноправным положением словацкого народа. П.И. Резонов заметил, что чешские историки, присутствовавшие на съезде, как правило, уклонялись от выступлений по национальной проблеме и никак не реагировали на страстные призывы словацких коллег о справедливом решении вопросов государственного устройства на основе федерализации. Это его наблюдение достаточно точно характеризует отношения между реформаторски настроенной чешской и словацкой интеллигенцией в момент общей угрозы. Следует иметь в виду и крайнюю гетерогенность состава тех, кто позиционировал себя в 1968 г. сторонниками словацкой автономии: в поддержке этого требования нашли временный консенсус и реформатор А. Дубчек, и явный противник либерализации В. Биляк (один из тех, кто обращался к Москве с просьбой о вторжении), и Г. Гусак, явно не оправдавший некоторых надежд, возлагавшихся на него сторонниками демократических перемен.

Пребывание П.И. Резонова в ЧССР, таким образом, совпало с общественным подъемом – спонтанным и неформализованным. Накопленная энергия перемен, слишком долго державшаяся как бы «под крышкой», аккумулировалась в виде настоящего «взрыва», охватившего все сферы общественной и культурной жизни⁷. Повсеместно возникавшие дискуссионные клубы и форумы стали площадкой не только для критики прежней политики, но и для инициирования все новых реформаторских планов. Прежде казавшийся незыблым партийный монолит дал трещину, монополия правящей КПЧ на выражение общеноциональных интересов постепенно подрывалась, начали захлаждаться основы политического плюрализма и восстановления реальной, а не формальной многопартийности, что нашло отражение в опубликованном в конце июня 1968 г. в пражском литературном еженедельнике программном идеологическом манифесте «2000 слов», подготовленном писателем Л. Вацликом. Процессы обновления охватили и правящую КПЧ, которая, хотя и не поспевала за обществом и его ожиданиями, но в условиях размывания тоталитарных основ системы медленно трансформировалась под давлением снизу в партию, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной роли партии). Развитие и укрепление структур гражданского общества, подталкивавшего власть к реформам, могло стать

⁷ Показательно упомянутое в отчете П.И. Резонова посещение им культурных мероприятий, прошедших под знаменем чествования словацких национальных традиций.

на определенном этапе гарантом необратимости перемен. А не случилось это потому, что разбуженная политическая активность масс была пресечена грубым вмешательством извне, на которое руководство СССР пошло после нескольких месяцев выжидания и колебаний, сопровождавшихся политическим давлением, вызовами лидеров КПЧ «на ковер», демонстрацией силы в виде военных маневров стран ОВД на территории ЧССР.

Ставка Кремля на «здоровые», т.е. контрреформаторские силы, как известно, провалилась уже в ночь на 21 августа, превратив все последующее в фарс. В возникшей тупиковой ситуации Дубчек и ряд других политиков, поначалу выведенных из игры силовым путем, снова стали партнерами по переговорам, в ходе которых были вынуждены пойти на значительные уступки, по сути отказавшись от реформ и признав правомерность размещения советских войск на чехословацкой территории. 1969 г., но особенно «переломный» 1970 г. прошли под знаком масштабных проверок, чисток, массовых исключений из партии и увольнений с работы в системе образования, науки и культуры всех, кто хотя бы робко поддержал в 1968 г. Пражскую весну (и в том числе некоторых участников съезда историков, в котором участвовал П.И. Резонов). Хотя в Словакии установившийся политический режим был несколько более щадящим, чем в Чехии, здесь также начисто исключались любые проявления политического инакомыслия.

Командировки советских ученых-гуманитариев, как и деятелей культуры, предпринятые в 1969–1970 гг., происходили совершенно в других условиях. Принимая во внимание антисоветский настрой основной массы чешской интеллигенции и возможность нежелательных эксцессов, организаторы поездок с чехословацкой стороны иногда даже сознательно ограничивали официальную программу посещением Словакии, где градус сопротивления был несколько ниже и ситуация чуть лучше контролировалась властями⁸. При том, что в словацких землях вторжение иностранных войск было воспринято массой населения почти столь же негативно, как и в чешских, отчеты о поездках делегаций все же фиксировали различия в настроениях, вполне объяснимые. Окупация не стала препятствием для осуществленной уже в январе 1969 г. федерализации страны, долгожданной для большинства словаков. Была выстроена сеть словацких национальных институций (в том числе культурных, открывавших новые возможности для самореализации творческой интеллигенции). Были вложены также немалые инвестиции в продолжение экономической модернизации, что принесло свои реальные плоды. Все это смягчило для словаков национальную повестку и пригасило оппозиционные настроения, на что не без оснований рассчитывали как в Москве, так и выполнявшие волю советских лидеров пражские «нормализаторы» 1970-х годов. Сам процесс «нормализации» проходил, таким образом, в Словакии легче, репрессии носили более адресный характер, из общественной и культурной жизни были вытеснены в рамках идеологических кампаний не многие сотни представителей гуманитарной и творческой интеллигенции, а прежде всего самые «вредные», с точки зрения властей, активисты Пражской весны. И соответственно удар по

⁸ См. [Стыкалин 2022]. Выезды некоторых наиболее опытных членов советских делегаций в Прагу на уик-энды для встреч со старыми знакомыми были неформальными и полусекретными. Таким был, например, заезд из Братиславы в Прагу весной 1970 г. главы советской писательской делегации поэта Е. Долматовского. Бойкот всего советского в чешской среде был после августа 1968 г. более жестким, нежели в словацкой. Любые контакты с гостями из СССР сильно компрометировали всех, кто на это шел. Неприятие интервенционистского режима формировало интеллигентскую солидарность, опиравшуюся на более широкое общественное мнение, осуждавшее августовское вторжение. Все это производило на советских гостей впечатление некоей «круговой поруки».

национальной культуре был нанесен не столь мощный⁹. Как бы то ни было, кроме тех функционеров, которые на это были уполномочены, словацкие научные работники и деятели культуры (как и чешские), как правило, уклонялись от непротокольных встреч с гостями из СССР, резонно опасаясь обвинений в коллаборационизме со стороны соотечественников. В свою очередь и сами функционеры не прилагали усилий, чтобы такие встречи состоялись, а если все-таки и удавалось поговорить о положении дел в неформальной обстановке, словацкие собеседники не скрывали своего резко негативного отношения к интервенции, особенно сильно, по их мнению, травмировавшей именно молодое поколение¹⁰.

Духовное потрясение, вызванное августовской интервенцией, впрочем, не могло быть длительным, как и последующее состояние шока, объяснимое неудачами сопротивления. Оно постепенно сменялось некоей «стабильностью нормализации», люди привыкали к новым реалиям, установившимся политическим практикам и к своим новым ролям. Как неотъемлемая часть новой реальности осознавалось и присутствие советских войск. На смену эйфории приходила апатия, господствовавшая в обществе вплоть до возникновения Хартии-77, нового общественного движения, способного сплотить оппозиционно настроенную интеллигенцию (прежде всего чешскую, но имевшую своих сторонников и в Словакии) на основе противостояния существующему режиму. Среди его активистов были и видные историки, чешские и словацкие [Гаек 2019].

События 1968 г. (а еще более – некоторые их последствия) осложнили и без того непростые отношения двух титульных наций Чехословакии. Не столько чуть более щадящие масштабы гонений, сколько сам факт получения словаками широкой автономии через считанные месяцы после ввода войск вбил клин в отношения двух близких народов, ведь в чешском обществе сложилось достаточно широко распространенное мнение о том, что «близкие родственники» не то чтобы ударили в спину, но получив свой «прянник», сумели извлечь некоторую выгоду для себя из чешской национальной трагедии. С другой стороны, советские гости обращали внимание и на стремление некоторых словацких собеседников дистанцироваться от чехов, по их мнению, накликавших вторжение своим чрезмерным радикализмом. Общегосударственный чехословацкий патриотизм, базировавшийся на масариковской идее единства двух близких народов, не в первый и не в последний раз в их общей истории XX в. дал трещину. Интересно, что эта неприязнь к политически активным чехам проявилась в Словакии даже на занявшего первый пост в Праге словацкого Густава Гусака, еще недавно довольно популярного в словацком обществе. И это несмотря на его несомненную роль в том, что Словакия получила статус субъекта федерации. Противоречия усугублялись и в силу того, что более жесткие преследования интеллигенции именно в Чехии, осуществлявшиеся с санкции словаков-«нормализаторов» Г. Гусака и В. Биляка, воспринимались многими в Праге как целенаправленная месть чехам за прежние обиды.

⁹ Тот факт, что «нормализация» встретила в Словакии не столь сильное сопротивление, как в Чехии, словацкий историк Ю. Марушьян объяснил также меньшей интенсивностью давления общества на власть в период Пражской весны в целях демократических изменений. Поскольку в менее развитой Словакии в эпоху социализма реально были достигнуты модернизационные успехи, провластные силы здесь имели более солидную социальную опору. А поскольку сопротивление было слабее, то и репрессии были не столь масштабными. См. [Бывшая Чехословакия 2022, 139].

¹⁰ См. отчет вышеупомянутой писательской делегации: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 27. Д. 943. Л. 1–8.

В соответствии с негласными правилами составления подобных отчетов П.И. Резонов не мог обойтись без нескольких дежурных слов о нерушимой советско-чехословацкой дружбе. Реальность, однако, оказалась сложнее. Августовское вторжение 1968 г. нанесло сокрушительной силы удар по традиционно развитым русско-чешским и русско-словацким культурным, духовным, научным, интеллектуальным связям. Не в пример богатой чешской культуре 1960-х годов к культуре периода «нормализации» интереса в СССР уже не было. Прервались ранее интенсивные неформальные связи ученых-гуманистов. Чешская, чуть в меньшей степени словацкая интеллигенция отвернулись от русской культуры и гуманистического знания едва ли не во всех ее проявлениях, не исправили положения даже устроенные в 1970-е годы выставки корифеев искусства русского модернизма и авангарда. Мало интереса друг к другу проявляли и творцы культуры андерграунда двух стран. Чешский самиздат зачастую обходил вниманием даже крупных русских писателей, имевших проблемы с советской властью, — их произведения, как правило, переводились на чешский с опозданием, только тогда, когда получали всемирную известность (это касалось и нобелевских лауреатов А. Солженицына и И. Бродского). Произошел по сути дела коллапс культурных связей сверх запротоколированного довольно грубого официоза.

Неизбежен вопрос об источниковой ценности и репрезентативности отчетов советских ученых-гуманистов по итогам их поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы зачастую находились (иногда даже подсознательно) в пленах доминировавших идеологических стереотипов о превосходстве советской модели, советского опыта и т.д., и более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях¹¹. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии или чем более видным было его положение в культурной, научной жизни, тем более он был свободен в выражении собственного мнения.

Присутствие в той или иной мере идеологических стереотипов не могло не формировать «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр,искажавший воспринимаемую картину, однако даже в этом случае внимательный, заинтересованный, а главное, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в подобного рода отчетах, речь идет об источнике, который может оказаться полезным в ходе исследований идеологической, общественно-политической ситуации, общественных настроений в той или иной стране в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с публикуемым ниже отчетом историка П.И. Резонова по итогам поездки в Чехословакию летом 1968 г.) исследователь имеет дело с записками квалифицированных экспертов-страноведов.

¹¹ Г.М. Гусев, в 1960-е годы работник аппарата ЦК ВСКСМ, вспоминал, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии написал записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, непрятательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т.д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, ее называли попыткой вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны. См. [На идеологическом посту 2008]. Таким образом, писать правду об увиденном было более рискованно, нежели приспособливаться к доминирующему стереотипам.

Отчет о поездке представителя Института славяноведения АН СССР Резонова П.И. в Словакию, на VI съезд словацких историков в июле 1968 г.

С 2 по 5 июля я находился в Словакии как гость Общества словацких историков. В это время в гор. Мартин проходил VI съезд историков, в работе которого я принимал участие. На съезд собирались историки Словакии, сотрудники научно-исследовательских институтов (Институт истории САН, Институт истории европейских социалистических стран САН), преподаватели философского факультета Университета им. Я.А. Коменского, педагогических факультетов, а также многие учителя истории средних школ. В качестве гостей на этом съезде были историки из Праги, Брюно и ряда стран народной демократии (3 югослава, один румын, один венгр). Свыше 100 человек ежедневно принимали участие в заседаниях съезда.

Председатель Общества словацких историков проф. М. Госиоровский, открывая съезд, напомнил собравшимся об основных проблемах, которыми занимались предшествующие съезды и горячо приветствовал всех присутствующих и заграничных гостей. Вместе с тем он ознакомил с изменившейся программой съезда, поскольку некоторые докладчики по ряду причин не могли принять участие в работе съезда, например, Г. Гусак¹². В уточненном виде программа съезда предусматривала обсуждение четырех научных докладов, а именно: 1) Л. Липтака «Роль и положение историографии в словацком обществе»; 2) проф. М. Госиоровского «Поиски демократической модели чешско-словацких отношений» (К годовщине 1918–1938–1948); 3) доц. А. Шпица «Словакия в экономической и социальной истории Европы в период феодализма»; 4) доцента И. Бутвина «О положении и основных проблемах словацкой истории при изучении истории в школах» и содоклад доц. Ю. Альберти «Словаки в учебниках истории зарубежных (соседних) стран». Предусматривалось обсуждение докладов. В связи с этим готовились специальные выступления.

Научный сотрудник Института истории САН тов. Липтак в своем докладе сделал попытку проанализировать состояние и развитие словацкой историографии за последние 20 лет. Он отметил, что за эти годы в стране выросли новые кадры историков-марксистов, которые упорно и плодотворно работали над созданием обзорных и синтетических трудов по истории Словакии. В качестве положительного явления отмечалось также то, что в словацкой историографии было обращено серьезное внимание на разработку социальной стороны исторического процесса, вопросов классовой борьбы и т.д. Однако весь пафос в докладе был направлен на критику недостатков историографии, особенно исторических работ периода [19]50-х годов. Главные пороки историографии тех лет, по его мнению, состоят в догматизме, схематизме, декларативности, отсутствии глубокого научного анализа реальных исторических процессов и фактов, в попытках подбора фактов под заранее надуманные схемы и т.д. В докладе много говорилось об отрицательных последствиях культа личности,

¹² Густав Гусак (1913–1991), занимавший руководящие посты в Словакии в первые годы после Второй мировой войны, был в начале 1950-х годов арестован и уже после смерти Сталина, в 1954 г., предстал в качестве одного из главных обвиняемых на судебном процессе по делу словацких «буржуазных националистов» на основании сфабрикованных обвинений. Амнистирован в 1960 г., полностью реабилитирован в 1963 г. Резонансным событием, значение которого далеко вышло за рамки исторической науки, стала публикация в 1964 г. книги Г. Гусака о Словакском национальном восстании 1944 г., в числе лидеров которого он был. Написанная отчасти в годы заключения (насколько позволяли условия) книга разрушила некоторые стереотипы и мифы партийной пропаганды, особенно касающиеся роли конкретных людей. Возобновление политической карьеры Г. Гусака (будущего генерального секретаря ЦК КПЧ) пришлося на месяцы, предшествовавшие Пражской весне. В апреле 1968 г. он стал вице-премьером правительства Чехословакии.

о сталинизме, о примитивности концепции исторического процесса в работах Сталина, о том, что он упрощенно интерпретировал марксизм, выдвинул мифическую идею о народных массах как решающей силе исторического развития, говорил о каких-то железных законах и т.д. Докладчик пытался все недостатки словацкой историографии тех лет объяснить тем, что историки находились под влиянием этой сталинской концепции исторического процесса, создали однобокие, искажающие объективную картину действительного развития, исследования, проникнутые плебейским характером, теорией бедности, оправдывающие деформации и отступления от революционной законности. По мнению докладчика, только в последнее время началась действительно научная, глубокая разработка национальной истории и [он] высказал свои соображения о стоящих задачах перед современной словацкой историографией. Большое внимание он уделил обоснованию необходимости повышения уровня исторических исследований, более широкого использования документов и других архивных материалов, рекомендовал сосредоточить усилия по подготовке больших концепционных работ.

По докладу развернулись оживленные прения. Многие выступавшие высоко оценивали ту часть доклада, в которой содержалась критика словацкой историографии [19]50-х годов и сформулированы ее современные задачи. Проф. Радкош, доц. Блажке, доц. Млынарик и др. говорили о вреде такого явления, характерного для историографии [19]50-х годов, когда она была «простой служанкой политики», пытаясь любое политическое мероприятие государственных или партийных органов только комментировать и обосновывать.

В выступлении Млынарика (словацкий историк, живущий и работающий в Праге) особенно сильно выдвигалось требование, чтобы историография была совершенно независима от политических учреждений, чтобы архивы не находились под управлением МВД и были широко открыты для всех историков. Все выступления решительно осуждали чехословакизм¹³, деформации, неправильные решения национального вопроса в послевоенные годы в Чехословакии. Историк С. Фальян свое выступление посвятил анализу тех проблем, которые нуждаются в глубокой научной разработке. К их числу, по его мнению, относятся прежде всего такие вопросы как: отношения между чехами и словаками, их взаимность, роль чешского и словацкого народов в общем государстве, характер буржуазного чехословакизма, масариканизм и его негативные стороны в отношении Словакии.

Я сделал сообщение по докладу Липтака, посвятив его анализу состояния разработки проблем движения Сопротивления и послевоенных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в советской историографии. Выражая свое отношение к докладу, я поддержал мнение докладчика, говорившего о высокой ответственности историков перед своими народами, о необходимости создания глубоких исследований в области истории, объективно раскрывающих все стороны исторического развития. Одновременно с этим я высказал ряд критических замечаний по поводу некоторых положений доклада, в которых ответственность за недостатки упрощенно перенесена на примитивность сталинской концепции исторического процесса. В основной части своего выступления я изложил этапы развития советской историографии по проблематике движения Сопротивления и послевоенных революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, подчеркнув трудность и сложность ее

¹³ Речь идет о восходящей к Т.Г. Масарику концепции единой чехословацкой нации, применение которой в политической практике вело к пренебрежению этническим своеобразием словаков.

разработки, необходимость расширения сотрудничества в этом деле историков всех социалистических стран Европы.

Особенно активно обсуждался доклад проф. М. Госиоровского «Поиски демократической модели чешско- словацких отношений», в котором он проанализировал историю развития концепции словацких политиков о федеративном устройстве совместного с чехами государства со временем первой мировой войны. Докладчик много внимания уделил различным документам и соглашениям, в которых признавался принцип федеративного устройства. В частности, он привел ряд высказываний Готвальда, Димитрова по этому вопросу. По мнению докладчика, коммунисты в период принятия Кошицкой программы пошли на некоторые уступки Бенешу, не отстояли до конца свои требования по словацкому вопросу. После 1948 года развитие отношений между чехами и словаками было деформировано неправильной политикой. Чем сильнее укреплялись позиции социализма в стране, тем меньше оставлялось национальных прав словацкому народу и его национальным органам.

По докладу Госиоровского выступили проф. Виетор, доц. Граца, научн. сотрудник Вартикова, проф. Варсик, югославский ученый Ту(д)жман¹⁴, венгерский ученый Фёриш, доц. Легоцка (филос. факультет, Братислава) и др. Красной нитью всех выступлений словацких историков являлось обоснование требований федеративного устройства Чехословацкой республики. Доказывалось, что это историческое требование, без реализации которого невозможно провести в жизнь принцип – «равный с равным» и покончить с ненормальным неравноправным положением словацкого народа.

Следует отметить, что чешские историки, присутствовавшие на данном съезде, не выступали по этому вопросу и никак не реагировали на страстные призывы словацких коллег о справедливом решении вопросов государственного устройства на основе федерализации.

Остальные два вопроса не вызвали большой дискуссии. Съезд закончился принятием резолюции, часть которой была опубликована в местной (Мартинской) газете «Смер».

За период пребывания в Словакии (Мартин) я посетил (вместе с другими иностранными гостями) «Матицу Словенску»¹⁵, а также участвовал в митинге, посвященном установлению мемориальной доски на здании Зниевской гимназии, в связи со 100-летием со дня ее основания. Открытие сопровождалось патриотическими выступлениями, высказывались предложения быстрее восстановить гимназию и сделать ее важным памятником словацкой национальной культуры и просвещения.

Некоторые впечатления и предложения.

Из разговоров со словацкими историками, встреч с населением, бесед в мартинском районном комитете партии и т.д. можно сделать вывод, что население к советским людям относится хорошо, дружественно, любовно.

¹⁴ Речь идет о Франью Туджмане (1922–1999), ветеране Народно-освободительной армии Югославии, генерал-майоре, будущем деятеле движения «хорватской весны» начала 1970-х годов и первом президенте независимой Хорватии в 1990–1999 гг. Туджман в 1960-е годы много выступал как военный историк, занимавшийся прежде всего югославским сопротивлением времен Второй мировой войны. На момент приезда в Чехословакию он уже находился в опале, был снят с поста директора загребского института истории рабочего движения и исключен из СКЮ. В 1972 г. впервые был арестован за свою оппозиционную деятельность.

¹⁵ Общественная организация, основанная в XIX в. в городе Мартин. Сыграла ключевую роль в словацком национальном возрождении и развитии национальной культуры в условиях венгерской доминации.

Мартин – это центр словацкой культурной жизни. Здесь похоронены многие выдающиеся деятели словацкой литературы, искусства, ученые, общественные деятели. На многих памятниках, установленных на могилах martinского кладбища, имеются надписи, сделанные на русском языке. Любовь к России, воспитанная в прошлые годы, живет в этом районе и сейчас. Очень большой интерес к Советскому Союзу, к русским, украинцам проявляют учителя средних школ.

К сожалению, лишь немногие из историков Словакии были в Советском Союзе, а учителю средней школы вообще почти недоступна поездка в СССР из-за очень высоких цен на туристические путевки.

Мне представляется, что было бы во всех отношениях полезно изыскать возможности для приглашения на 2–3 недели некоторых словацких историков как по линии АН СССР, так и по линии МВО¹⁶ и МПР¹⁷. Список таких лиц можно было бы подготовить по линии советской части комиссии историков и согласовать его с нашим посольством или консульством¹⁸.

9. VII – 1968 Зам. директора Института славяноведения АН СССР Резонов¹⁹

Архив РАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622. Л. 145–150

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР.

Архив РАН – Архив Российской академии наук.

МВО – Министерство высшего образования СССР

МПР – Министерство просвещения СССР

ОВД – Организация Варшавского договора.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

СКЮ – Союз коммунистов Югославии

СЭВ – Совет Экономической взаимопомощи.

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

ЦК КПЧ – Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии.

ЧССР – Чехословацкая Социалистическая республика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив РАН. Ф. 681. Отдел научных связей с социалистическими странами.

РГАЛИ. Ф. 631. Союз писателей СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

«Бывшая Чехословакия сохранилась в виде общего культурного пространства». Словацкий взгляд на опыт существования с чехами в едином госпроекте в XX веке. Беседа со словацкими историками // Историческая экспертиза. 2022. № 1. С. 123–143.

Гаек М. Воспоминания о чешских левых. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 488 с.

Дубчек А. Надежда умирает последней. М.: Новый хронограф, 2019. 352 с.

¹⁶ Министерство высшего образования СССР.

¹⁷ Речь, очевидно, идет о Министерстве просвещения СССР.

¹⁸ О деятельности советско-чехословацкой комиссии историков уже в условиях так называемой гусаковской нормализации см. [Марынина 2014].

¹⁹ Отчет П.И. Резонова о поездке в Чехословакию на состоявшийся в июле 1968 г. VI съезд словацких историков был направлен ученым секретарем Института славяноведения АН СССР Ю.В. Богдановым начальнику отдела научных связей с социалистическими странами АН СССР И.Н. Киселеву. На сопроводительной записке стоит дата регистрации – 5 сентября 1968 г. (АРАН. Ф. 681. Оп. 3. Д. 622. Л. 144). Это означало, что отчет мог быть прочитан в вышестоящих по отношению к Институту славяноведения структурах только после августовской интервенции.

- Задорожнюк Э.Г. Чехословацкая оппозиция после поражения Пражской весны: исходные точки идейной дифференциации // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. редактор Г.П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 658–686.
- Марынина В.В. Советско-чехословацкая комиссия историков. Деятельность на фоне общественно-политических перемен в СССР и ЧССР (конец 60-х – 80-е годы XX в.). М., Институт славяноведения РАН, 2014. 160 с.
- «На идеологическом посту: 1960-е». Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 154–158.
- Стыкалин А.С. Что думали румыны об СССР в 1964 г. (Свидетельствует советский дипломат) // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. ХХ в./ отв. редактор Н.М. Куренная. М., Институт славяноведения РАН, 2011. С. 367–398.
- Стыкалин А.С. Чехословакия весны 1970 г. глазами советской писательской делегации // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 430–447.

Рукопись поступила в редакцию 06.05.2024
 Рукопись принята к печати 15.06.2024

REFERENCES

- «Byvshaya Czechoslovakia sokhranila» v vide obschego kul’turnogo prostranstva». Slovatskii vzglyad na optymizm sotsushestvovaniya c czechhami v edinom gosporeekte v XX veke. Beseda so slovatskimi istorikami. *Istoricheskaya expertiza*, 2022, no.1, pp. 123–143. (In Russ.)
- Dubček A. *Nadezhda umiraet poslednei*. Moscow, Novy khronograf Publ., 2019, 352 p. (In Russ.)
- Hájek M. *Vospominaniya o cheshskikh levyyh*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 488 p. (In Russ.)
- Mar’ina V.V. *Sovetsko-czechoslovatskaya komissiya istorikov. Deyatel’nost’ na fone obshchestvenno-politicheskikh peremen v SSSR I TsSSR (konets 60-h – 80-e gody XX v.)*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2014. 160 p. (In Russ.)
- «Na ideologicheskem postu: 1960-je». Vospominaniya sotrudnikov TsK KPSS. *Neprikosnovennyi zapas*. 2008, no. 4, pp. 154–158. (In Russ.).
- Stykalin A.S. Chto dumali rumynyi ob SSSR v 1964 g. (Svidetel’stvuet sovetskii diplomat). *V poiskakh novykh putei. Vlast’ i obshchestvo v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy v 50-e – 60-e gg. XX v.*, otv. red. N.M. Kurennaya. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, 2011, pp. 367–398. (In Russ.).
- Stykalin A.S. Czechoslovakia vesnyi 1970 g. glazami sovetskoi pisatel’skoi delegatsii. *Slavyanskii al’manakh*, 2022, no. 3–4, pp. 430–447. (In Russ.)
- Zadorozhniuk E.G. Czechoslovatskaya oppozitsiya posle porazheniya Prazskoi vesnyi: ishodnyie tochki ideinoi differentsiatsii. 1968. «*Prazhskaya vesna*». *Istoricheskaya retrospektiva*, otv. red. G.P. Murashko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2020, p. 658–686. (In Russ.)

Received on 06.05.2024
 Accepted on 15.06.2024

Информация об авторе:

Стыкалин Александр Сергеевич
 кандидат исторических наук,
 ведущий научный сотрудник
 Институт славяноведения
 Российской академии наук
 г. Москва, Российская Федерация
 Институт всеобщей истории РАН
 г. Москва, Российская Федерация
 ORCID: 0000–0003–0834–9090
 E-mail: zhurslav@gmail.com

Alexander S. Stykalin
 PhD (History), Leading Research Fellow
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 Institute of General History,
 Russian Academy of Sciences
 Moscow, Russian Federation
 ORCID: 0000–0003–0834–9090
 E-mail: zhurslav@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 141–144

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 141–144

DOI: 10.31857/S0869544X24060112, EDN: XGJRIS

Рецензия / Review

Н.М. Вагапова. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. М.: Государственный институт искусствознания, 2022. 380 с.

© 2024 А.Ю. Пескова

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

apeskova@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Пескова А.Ю. Н.М. Вагапова. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрально-го зарубежья: 1920–1960-е годы. М.: Государственный институт искусствоз-нания, 2022. 380 с. // Славяноведение. 2024. № 6. С. 141–144. DOI: 10.31857/ S0869544X24060112, EDN: XGJRIS

N.M. Vagapova. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s.

© 2024 Anna Yu. Peskova

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

apeskova@yandex.ru

For citation: Anna Yu. Peskova. N.M. Vagapova. Three Russian Directors in Europe. Unread Pages in the History of Russian Émigré Theatre: 1920s–1960s. Moscow: Gos-udarstvennyj institut iskusstvoznanija, 2002. 380 p. // Slavic Studies. Journal of Rus-sian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 141–144. DOI: 10.31857/ S0869544X24060112, EDN: XGJRIS

В последние десятилетия на фоне сокраще-ния числа отечественных специалистов по ис-кусству и культуре славянских народов и – со-ответственно – малочисленности публикаций на эти темы выход в свет каждого большого славистического исследования об искусстве или литературе неизменно становится важным событием в нашей науке. А уж тем более, если автор такого издания – столь именитый и за-служенный ученый как Наталья Михайловна Вагапова, кандидат искусствоведения, веду-щий научный сотрудник Государственного института искусствознания, всю свою

научную жизнь посвятившая изучению исто-рии югославянского театра и театральной культуры Балкан. Недавно опубликованная обширная и фундаментальная монография Н.М. Вагаповой «Три режиссера в Европе» ста-ла для всех российских славистов и историков театра ценнейшим источником информации как о деятельности русской театральной эми-грации, так и в целом об истории развития сценического искусства и формирования на-циональных театральных школ в 20–60-е годы XX в. в странах Европы, где жили и работали герои этой книги.

Историей русского театрального зарубежья Наталья Михайловна занимается с середины 1990-х годов, и за это время она опубликовала целый ряд статей на данную тему и монографию «Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах» (2007), в которую вошло несколько очерков о режиссерах, актерах, сценографах, чья творческая судьба оказалась связана с театрами данного региона. В каждом из биографических рассказов автор неизменно подчеркивала вклад этих деятелей театра в развитие, а порой и в становление театрального искусства славянских народов, а также в распространение традиций русской театральной школы за рубежом.

В своей новой книге Н.М. Вагапова фокусирует взгляд на судьбах трех персонажей — трех выдающихся русских театральных деятелей, каждый из которых, по правде говоря, достоин отдельного большого исследования (и надеемся, что они когда-нибудь появятся в нашей стране). Это три режиссера, почти ровесника: Николай Массалитинов (1880–1961), Петр Шаров (1886–1969) и Юрий Ракитин (1882–1952), которые волею судеб одновременно в 1920 г. оказались в эмиграции в странах Европы, где и прожили до конца своих дней: Массалитинов — в Болгарии, Ракитин — в Югославии, Шаров — в Германии, Италии, Австрии, Нидерландах. Каждому из трех своих героев автор посвящает отдельную главу книги (здесь они именуются частями), которая, в свою очередь, состоит из вводной биографической статьи и приложения, где публикуются редкие архивные материалы. Среди них мы находим воспоминания героев, выдержки из их дневников и личной переписки, причем многие из этих документов впервые вводятся в научный оборот. Все это вместе складывается в интереснейший рассказ о судьбах русской театральной эмиграции постреволюционной волны.

Написанию книги предшествовала долголетняя обширная и кропотливая работа Натальи Михайловны в многочисленных архивах, музеях хранилищах, библиотеках Европы, изучение личных архивов и эпистолярного наследия. Все способствовало глубокому осмыслению тех исторических и культурных процессов, на фоне которых складывались судьбы героев монографии.

Первая часть книги посвящена личности Николая Осиповича Массалитинова, талантливого актера и режиссера, чья жизнь с середины 1920-х годов и до последних дней была связана с болгарским театром. Путь из Московского художественного театра в Национальный театр имени Ивана Вазова в Софии

был для Массалитинова довольно извилистым. Один из любимейших актеров В.И. Немировича-Данченко (с. 18), помогавший К.С. Станиславскому в работе над его «системой» и в начале 1910-х гг. входивший «в ядро труппы» МХТ (с. 20), Николай Осипович в мае 1919 г. вместе со своими коллегами по театру отправляется на гастроли по Югу России. Спустя месяц военные события гражданской войны заставляют эту группу, возглавляемую одним из ведущих актеров МХТ Василием Качаловым (отчего она вошла в историю под названием «Качаловская группа»), изменить свои гастрольные планы и продолжать двигаться все южнее и южнее, в Грузию, Константинополь, на Балканы и далее в Центральную Европу. О затянувшихся на три года гастролях Качаловской группы написано немало, но выдержки из воспоминаний Н.О. Массалитинова, впервые опубликованные в данной монографии, дают нам ценнейшие свидетельства из первых уст о положении членов группы во время этого вынужденного турне и о многих обстоятельствах, впоследствии послуживших причинами возвращения или — напротив — невозвращения отдельных ее участников на родину. Сам Николай Осипович, несмотря на «страстное желание вернуться в Россию» (с. 27), сделать этого так и не смог и остался в Европе. Сначала он работал в Берлине и Праге, а затем в 1925 г. переехал в Софию, где ему предложили ставить на сцене Национального театра. В том же 1925 г. в болгарской столице была открыта Театральная школа под его руководством — первое постоянное театральное учебное заведение в стране. За 36 лет работы в софийском Национальном театре Массалитинову, на протяжении всей жизни остававшемуся преданным поклонником учения К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, удалось привить принципы русского психологического театра на болгарской почве, одним этим уже внеся неоценимый вклад в развитие театра Болгарии, а также «заложить основной фундамент современного репертуарного театра» страны (с. 43) и воспитать целую плеяду болгарских актеров.

Подобно Н.О. Массалитинову, Петр Федорович Шаров, которому посвящена вторая часть книги Н.М. Вагаповой, тоже начинал свои европейские странствования в составе Качаловской группы, затем вместе с другими не вернувшимися на родину членами этого коллектива работал в Пражской группе артистов МХТ, а с 1927 г. уже в западноевропейских театрах (Дюссельдорф, Милан, Рим, Амстердам). Его предыдущий богатый опыт работы в России в качестве актера в труппах К.С. Станиславского и В.Э. Мейерхольда, помощника

режиссера у К.С. Станиславского («Чайка», 1916), режиссера и педагога Второй студии МХТ, безусловно, помог ему раскрыть свой талант и получить заслуженное признание в Европе. Как отмечает автор монографии, «тема Московского Художественного театра, огромной любви к Театру, преданности идеалам, воспринятым в период работы в МХТ, красной нитью проходит через всю его переписку, через все статьи в программах спектаклей и интервью для зарубежной прессы» (с. 119). Режиссерский гений Станиславского на протяжении всей жизни был его главным ориентиром в профессии: «В моем сознании он остался для меня единственным в мире, выше него в искусстве нет никого», – приводит Вагапова слова Шарова из письма О.Л. Книппер-Чеховой 1928 г. (с. 146). Он неустанно знакомил европейскую публику с шедеврами русской драматургии, осуществляя на разных европейских сценах постановки произведений А.Н. Островского, А.П. Чехова, М. Горького, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Л.Н. Андреева и др. В 1946 г. в Риме Шаров основал и возглавил Свободную театральную академию, которая сегодня носит его имя. Как преданный последователь школы Станиславского, Шаров и в Европе упорно распространял и внедрял принципы его системы.

Наконец, третья часть книги знакомит нас с еще одним уникальным режиссерским талантом – Юрием Львовичем Ракитиным, чья многолетняя и плодотворная работа на сценах Белграда, Нови Сада и других балканских городов навсегда вписала его имя в историю сербского театра. Не случайно его наследие сегодня кропотливо изучается театроведами Сербии, а число книг и статей научного и мемориального характера о нем год от года неуклонно растет. Творчество Ракитина – это уникальный пример сплава режиссерских концепций К.С. Станиславского и В.Э. Мейерхольда, которые он впитал в себя за годы работы в их театрах в России, оттого некоторые из его спектаклей порой казались стилистически довольно «пестрыми, неоднородными» (с. 274). Особое внимание Вагапова уделяет известной скандальной истории с постановкой Ракитиным пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира» (1934) на сцене Национального театра в Белграде, которая вызвала острую реакцию сербской критики и протесты консервативной местной публики.

В книге можно найти довольно много сведений о конкретных постановках Массалитинова, Шарова и Ракитина, осуществленных ими в европейских театрах, в том числе фотографий афиш и сцен из спектаклей. Это,

бесспорно, добавляет красочности рассказу и еще больше приближает читателя к его героям. Изложенные здесь истории трех русских режиссеров сами по себе чрезвычайно увлекательны, но вместе с опубликованными в монографии архивными материалами они создают уникальную картину той эпохи, когда большинство театров Центральной и Юго-Восточной Европы еще находились в стадии становления, во многих странах региона не существовало собственных театральных школ. Именно участие талантливых русских режиссеров, в свое время получивших большой опыт в сотрудничестве с русскими гениями театра К.С. Станиславским, В.И. Немировичем-Данченко, В.Э. Мейерхольдом, оказалось значительную помощь в данных процессах. Ведь болгарскому и сербскому театрам в те годы, когда туда приходят работать Н.О. Массалитинов и Ю.Л. Ракитин, только предстояло сформировать свои драматические труппы, освоить современные принципы постановки, а затем и составить национальный репертуар. И приглашенные русские режиссеры великолепно справились с этими задачами, в том числе привлекая к постановкам других талантливых соотечественников, оказавшихся в эмиграции: режиссеров, сценографов, композиторов и т.д. И конечно, невозможно переоценить вклад героев этой книги в распространение русской культуры, литературы, достижений русского театра и актерской школы в Европе: «Всю свою творческую жизнь за рубежом Массалитинов, Шаров и Ракитин посвятили внедрению идей русского режиссерского театра в практику европейских сцен, особенно в спектакли по пьесам классиков русской литературы» (с. 8).

Наконец, в переписке трех режиссеров с другими деятелями русского театра нам раскрываются интереснейшие подробности их взаимоотношений, а также личности их коллег и друзей: О.Л. Книппер-Чеховой, В.И. Качалова, С.Г. Бирман, С.В. Мелик-Захарова, М.В. Добужинского и многих других. Из писем Массалитинова, которые он писал своей супруге в Софию во время своего визита в Москву и Ленинград в 1951 г., мы узнаем множество любопытных деталей московской и ленинградской жизни тех лет, притом не только театральной. В связи с этим следует отметить и богатый научно-справочный аппарат книги – краткие и эмкие комментарии о каждой упоминаемой в письмах или других архивных материалах личности, которые очень помогают при чтении.

Имена выдающихся театральных деятелей, ставших героями данной книги, навсегда вписаны в историю зарубежного театра. В тех странах, где они жили и работали, их архивы

бережно сохраняются, а режиссерское и педагогическое наследие изучалось и продолжает изучаться историками, театрологами, учениками и новыми последователями. При этом, к огромному сожалению, на родине они оказались практически забыты, как, впрочем, и многие другие эмигрировавшие деятели театра. Тем ценнее данный труд, который восполняет пробелы в наших знаниях о русской театральной эмиграции в целом и одновременно открывает нам этих удивительных режиссеров, через всю свою жизнь пронесших любовь к русскому театру, преданность отечественной театральной школе и неизменно пропагандировавших ее достижения за рубежом. Н.М. Вагаповой удастся погрузить читателя в атмосферу тех лет, когда все трое вынужденно

оказались вдали от родины, тяжело переживали разлуку с ней и искали пути применения своих талантов в новых обстоятельствах.

Хочется поблагодарить Наталью Михайловну за ее поистине самоотверженный труд по тщательному сбору и обобщению многочисленных и разнообразных материалов для этой книги, за возможность мысленно прикоснуться к наследию удивительных театральных личностей, которую мы получили благодаря этому уникальному изданию. Нет сомнений, что книга «Три режиссера в Европе» найдет и в нашей стране, и за рубежом своих читателей, интересующихся историей русского и славянского театра и биографиями его выдающихся представителей, тем более что, к счастью, число таких читателей по-прежнему очень велико.

Информация об авторе:

Пескова Анна Юрьевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0992-0180
E-mail: apeskova@yandex.ru

Information about the author:

Anna Yurievna Peskova

PhD (Philology),
Senior Researcher
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0992-0180
E-mail: apeskova@yandex.ru

УКАЗАТЕЛЬ

Славяноведение, 2024, № 6, с. 145–148

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 145–148

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2024 году

СТАТЬИ

<i>Агапкина Т.А.</i> Тоска и ее контекстуальные «партнеры» в русских заговорах. С. 5	№ 6
<i>Адельгейм И.Е.</i> Детская память о взрослой Истории. Травма Холокоста и миграции в «Спасении Атлантиды» З. Орышин. С. 95	№ 4
<i>Алмазов А.С.</i> Московские договорные статьи 1665 г.: переговорный процесс и утверждение царем. С. 16	№ 2
<i>Анхимюк М.Ю.</i> Евроинтеграция в программах чешских политических партий левого крыла в 1990–2010-е годы. С. 32	№ 5
<i>Аншаков Ю.П.</i> Волжане 35-й пехотной дивизии Рущукского отряда в Болгарии в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. С. 18	№ 3
<i>Бабоша И.А.</i> Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839). С. 5	№ 3
<i>Белова О.В.</i> Лексические раритеты этнокультурного пограничья. С. 22	№ 6
<i>Верижникова Е.В., Чиварзина А.И.</i> У зла много имен: <i>ѓавол, натемаго, даескраја</i> (к вопросу о македонских демононимах). С. 34	№ 6
<i>Ганин А.В.</i> Белые формирования в Польше и попытка срыва Генуэзской конференции в 1922 году. С. 31	№ 1
<i>Дмитриев М.В.</i> О западных и восточных границах «польского мира» и о польской идентичности в XIII–XIX веках. С. 34	№ 2
<i>Евстафьев Н.В.</i> Взгляд христианских авторов на практику девширме в Османской империи XVI века. С. 16	№ 4
<i>Завьялова М.В., Балкуте Р.</i> К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов на литовско-белорусском пограничье (по материалам этнографических экспедиций). С. 74	№ 3
<i>Каширин В.Б.</i> Днестровская кампания генерала князя А.М. Голицына 1769 г. и стратегия России в отношении княжества Молдавия в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 годов. С. 5	№ 1
<i>Комаров В.С.</i> Варшавское генерал-губернаторство как транзитное направление эмиграции из Российской империи в конце XIX – начале XX века. С. 5	№ 5
<i>Корзо М.А.</i> Проповедническое наследие Симеона Полоцкого и его источники: некоторые наблюдения. С. 26	№ 4
<i>Кочегаров К.А.</i> Александр Меншиков на страницах «Польской Илиады» Януша Вишневецкого. С. 38	№ 4
<i>Лунькова Н.А.</i> Диссидентство Ахмета Шерифа Шерефли: о травме «возродительного процесса». С. 105	№ 4
<i>Магадеев И.Э.</i> Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920–1924). С. 39	№ 1
<i>Медоваров М.В.</i> Сербо-албанский конфликт 1913–1914 годов: к истории восприятия в российской прессе. С. 30	№ 3

<i>Наумов Н.Н.</i> Религиозный фундаментализм и ветхозаветная топика в идеологии гуситских войн (осада Хомутова в 1421 году). С. 5	№ 2
<i>Остапчук О.А.</i> Функционально-стилистическая эквивалентность при передаче кодовых переключений (на материале глаголов в польской «Версии R» романа Э. Бёрджесса «Заводной апельсин»). С. 64	№ 4
<i>Падалко С.С.</i> Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии. С. 61	№ 6
<i>Пескова А.Ю.</i> (Москва). Драматургия А.Н. Островского в Словакии. С. 46	№ 5
<i>Пилипенко Г.П., Борисов С.А.</i> Семейный полилингвизм в миноритарном сообществе Хорватии (на примере многоязычной семьи из западной Славонии). С. 95	№ 1
<i>Пшеничный А.М.</i> Подходы греко-католического митрополита Андрея Шептицкого к национально-конфессиональной проблематике в начале XX века. С. 19	№ 5
<i>Рагозин Г.С.</i> Образы династии Прешмысловцев в «Австрийском Плутархе» Йозефа фон Хормайра. С. 55	№ 2
<i>Рыжкова Д.А.</i> Типология и лексикография: русский глагол <i>бросить</i> и его сербский переводной эквивалент <i>бацити</i> на типологическом фоне. С. 92	№ 2
<i>Сальков А.П.</i> Словацко-венгерская «Малая война» в контексте послемюнхенского кризиса в двусторонних отношениях (март – сентябрь 1939 г.). С. 54	№ 1
<i>Седакова И.А.</i> Этнолингвистика и фольклорная поэтика. 4. «Мать превращает сына в змея». С. 80	№ 4
<i>Серапионова Е.П.</i> Положение в Протекторате Богемия и Моравия и в Словакии летом 1944 года. С. 51	№ 4
<i>Синицын Ф.Л.</i> Участие Коминтерна и Всеславянского антифашистского комитета в создании иностранных воинских формирований на территории СССР (1941–1945 гг.). С. 70	№ 1
<i>Старикова Н.Н.</i> Словенская поэтесса и австрийская писательница: «гибридная» идентичность Майи Хадерлап и преодоление травмы постпамяти. С. 116	№ 4
<i>Толстая С.М.</i> Очерк польской народной демонологии. II. С. 65	№ 2
<i>Трунов Ф.О.</i> Стратегия и тактика ФРГ по формированию постюгославского пространства в 1990-е годы. С. 82	№ 1
<i>Улуниян Ар.А.</i> Балканы или Юго-Восточная Европа: новая концептуализация облика региона (конец XX – начало XXI века). С. 44	№ 3
<i>Флоря Б.Н.</i> Вопрос о судьбе г. Чигирина в отношениях Москвы и гетманства в первой половине 1678 года. С. 28	№ 2
<i>Флоря Б.Н.</i> Польское дворянское общество начала 90-х годов XVI века. Аннотация и Контрреформация. С. 5	№ 4
<i>Хазанова М.И.</i> Безагенсные конструкции как способ создания эффекта кинематографичности (на материале оригинала, русских и украинского перевода романа Э. Берджесса «Заводной апельсин»). С. 53.....	№ 6
<i>Црняк Д., Якушкина Е.И.</i> Лексическое своеобразие речи жителей г. Баня-Лука и его представление в лексикографии. С. 78	№ 2
<i>Шапич Ю.Л.</i> Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря). С. 60	№ 3
<i>Шатыко Е.В.</i> Травма эмиграции: смена языка (Б. Станичич, В. Чолич, А. Махмутович, А. Божичевич, Н. Кулиджан). С. 126	№ 4
<i>Шкапенко Т.М., Дудурich O.B.</i> Эпидигматика интернациональных лексем <i>пилот/pilot</i> в сопоставительном аспекте (на материале славянских языков). С. 105	№ 2

К ЮБИЛЕЮ ЖАННЫ ЖАНОВНЫ ВАРБОТ

<i>Валенцова М.М.</i> «Память славян в словах»: К юбилею Ж.Ж. Варбот. С. 111	№ 5
<i>Варбот Ж.Ж.</i> «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд»: проект, разработка, состояние, проблемы, решения. С. 67	№ 5
<i>Ефимова В.С.</i> <i>окидъ</i> , <i>съктюкрити</i> или <i>окидѣти</i> ? О месте глагольных perífras с семантикой 'причинение вреда' в старославянском лексическом инвентаре. С. 79	№ 5
<i>Саенко М.Н.</i> Праславянское *rѣtъ: реконструкция семантики и этимология. С. 92	№ 5
<i>Шалаева Т.В.</i> Жанна Жановна Варбот – этимолог. С. 64	№ 5

СООБЩЕНИЯ

Акимова О.А., Турилов А.А. Новое издание глаголических рукописей в Хорватии. С. 137	№ 4
Борисов С.А., Кикило Н.И., Немчинов В.А. Языковая ситуация у македонцев, чехов и словаков в Воеводине (по материалам экспедиции 2023 г.). С. 85.....	№ 6
Гаврилков М.А. Библейское цитатное пространство «Грамматики славенская правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого 1619 года. С. 116	№ 2
Гурочкина Е.А. Вклад А.И. Александрова в изучение светской и церковной истории Черногории на рубеже XIX–XX веков. С. 100	№ 6
Казаков И.И., Чиварзина А.И. В поиске мегленорумын: этнолингвистическая экспедиция в Македонию. С. 124	№ 2
Струтинский И.М. О похоронно-поминальной и календарной обрядности в сербском Банате: полевые исследования 2023 года. С. 75.....	№ 6

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Аржакова Л.М. К столетию историка-полониста: Владимир Александрович Якубский. С. 121	№ 5
Дыбо В.А. (публикация Дыбо А.В., Крылова С.А. и Саенко М.Н.). Из корреспонденции В.А. Дыбо: переписка с Г.К. Венедиктовым. С. 132	№ 2
Мельчакова К.В. Фотографический альбом Боснии и Герцеговины П.П. Пятницкого (новые сведения). С. 92	№ 3
Назаров С.О. Доклад В.М. Турока-Попова на заседании Секции общественных наук Президиума АН СССР 1964 г. о задачах советского славяноведения. С. 108	№ 3
Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Из писем Романа Якобсона академику А.А. Шахматову (по архивным данным). С. 114	№ 6
Станков Н.Н. К истории создания Института славяноведения в Советском Союзе: «Пражский» проект. 1926–1928. С. 115	№ 1
Стыкалин А.С. Проблемы чешско-словацких отношений в ХХ веке глазами советского историка (июль 1968 г.). С. 127	№ 6
Юрасов М.К. Один из основоположников отечественной унгаристики. К 100-летию со дня рождения В.П. Шушарина. С. 136	№ 5

РЕЦЕНЗИИ

Адельгейм И.Е. Б. Шеллкросс. Холокост: вещи. Репрезентация Холокоста в польской и польско-еврейской культуре / пер. с английского и польского М. Крисань. С. 130	№ 1
Баринов И.И. П. Маркевич. Едва ли союзники: сотрудничество нацистской Германии и украинских националистов в Генерал-губернаторстве в годы Второй мировой войны. С. 136	№ 1
Богомолов И.К. Sarajevo-1914. Sparking the First World War. С. 119	№ 3
Галамичев А.Н. Г.П. Мельников. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и Раннего Нового времени. С. 142	№ 2
Огнянов Л. Публикация документов по внешней политике Болгарии 1944–1947 годов. С. 145	№ 4
Пескова А.Ю. Н.М. Вагапова. Три русских режиссера в Европе. Страницы непрочитанной истории русского театрального зарубежья: 1920–1960-е годы. С. 141	№ 6
Трёbst Ш. Хованщина. Донесения шведских агентов, 1682–1683 гг. С. 124	№ 3
Шмелев Б.А. Распад Югославии: тридцать лет спустя. С. 146	№ 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гусев Н.С. III Всероссийское совещание славистов. С. 150	№ 2
--	-----

Дронов А.М. Конференция «Свобода на все времена: вечные ценности в мире ограничений и запретов в Центральной Европе и сопредельных регионах XVIII–XX вв.». С. 136	№ 3
Дронов М.Ю., Слоистов С.М. Научная конференция «Россия – Словакия: страницы истории». С. 152	№ 4
Копченова И.В. Международная конференция «Концепт границы в славянской и еврейской культурной традиции». С. 140	№ 3
Лопатина Е.Б. Границы, регионы, идентичности в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 127	№ 3
Носов Б.В. Конференция: «Социально-политические движения в истории России и Польши» С. 151	№ 2
Остапчук О.А., Уржса А.В. Международная научная конференция «I Широковские чтения». С. 150	№ 5
Усачева А.В. Конференция «Авторы-мигранты в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: проблемы интеграции и идентичности». С. 154	№ 4

ЮБИЛЕИ

Широкова Л.Ф. К юбилею Юрия Павловича Гусева. С. 140	№ 1
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Вячеслава Тимофеевича Середы (1951–2024). С. 154	№ 5
Памяти Ивана Ивановича Попа (1938–2023). С. 146	№ 1
Памяти Михаила Николаевича Кузьмина (1931–2023). С. 155	№ 2
Топорков А.Л., Чернецов А.В. Памяти Вильяма Фрэнсиса Райана (1937–2023). С. 142	№ 1
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2024 году. С. 145	№ 6

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ: № 0110184 от 04.02.1993 г.

Подписано к печати 18.09.2024. Дата выхода в свет 02.10.2024. Формат 70 x 100 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 12,7. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 133 экз. Заказ 1019. Цена свободная.

Учредители: Российской академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российской академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14
Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-037-24 ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1
Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

- Автоматика и телемеханика
Агрономия
Азия и Африка сегодня
Акустический журнал
Астрономический вестник. Исследования Солнечной системы
Астрономический журнал
Биологические мембранны
Биология внутренних вод
Биология моря
Биогеохимическая химия
Биофизика
Биохимия
Ботанический журнал
Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук
Вестник древней истории
Вестник Российской академии наук
Вестник российской сельскохозяйственной науки
Водные ресурсы
Вопросы истории естествознания и техники
Вопросы ихтиологии
Вопросы языкоznания
Вулканология и сейсмология
Высокомолекулярные соединения. Серия А
Высокомолекулярные соединения. Серия Б
Высокомолекулярные соединения. Серия С
Генетика
Геология рудных месторождений
Геомагнетизм и аэрономия
Геоморфология и палеогеография
Геотектоника
Геохимия
Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология
Государство и право
Дефектоскопия
Дифференциальные уравнения
Доклады Российской академии наук. Математика, информатика, процессы управления
Доклады Российской академии наук. Науки о жизни
Доклады Российской академии наук. Науки о Земле
Доклады Российской академии наук. Физика, технические науки
Доклады Российской академии наук. Химия, науки о материалах
Журнал аналитической химии
Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова
Журнал вычислительной математики и математической физики
Журнал неорганической химии
Журнал общей биологии
Журнал общей химии
Журнал органической химии
Журнал прикладной химии
Журнал физической химии
Журнал эволюционной биохимии и физиологии
Журнал экспериментальной и теоретической физики
Записки Российской минералогического общества
Зоологический журнал
Известия Российской академии наук. Механика жидкости и газа
Известия Российской академии наук. Механика твердого тела
Известия Российской академии наук. Серия биологическая
Известия Российской академии наук. Серия географическая
Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка
Известия Российской академии наук. Серия физическая
Известия Российской академии наук. Теория и системы управления
Известия Российской академии наук. Физика атмосферы и океана
Известия Российской академии наук. Энергетика
Известия Русского географического общества
Исследование Земли из Космоса
Кинетика и катализ
Коллоидный журнал
Координационная химия
Космические исследования
Кристаллография
Латинская Америка
Лёд и Снег
Лесоведение
Литология и полезные ископаемые
Мембранны и мембранные технологии
Металлы
Микология и фитопатология
Микробиология
Микроэлектроника
Молекулярная биология
Нейрохимия
Неорганические материалы
Нефтехимия
Новая и новейшая история
Общественные науки и современность
Общество и экономика
Океанология
Онтогенез
Палеонтологический журнал
Паразитология
Петрология
Письма в Астрономический журнал
Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики
Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования
Почвоведение
Приборы и техника эксперимента
Прикладная биохимия и микробиология
Прикладная математика и механика
Проблемы Дальнего Востока
Проблемы машиностроения и надежности машин
Проблемы передачи информации
Программирование
Психологический журнал
Радиационная биология. Радиоэкология
Радиотехника и электроника
Радиохимия
Расплавы
Растительные ресурсы
Российская археология
Российская история
Российская сельскохозяйственная наука
Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова
Русская литература
Русская речь
Сенсорные системы
Славицноведение
Современная Европа
Социологические исследования
Стратиграфия. Геологическая корреляция
США & Канада: экономика, политика, культура
Теоретические основы химической технологии
Теплоподъемность высоких температур
Успехи современной биологии
Успехи физиологических наук
Физика Земли
Физика и химия стекла
Физика металлов и металловедение
Физика плазмы
Физикохимия поверхности и защита материалов
Физиология растений
Физиология человека
Химическая физика
Химия высоких энергий
Химия твердого топлива
Цитология
Человек
Экология
Экономика и математические методы
Электрохимия
Энтомологическое обозрение
Этнографическое обозрение
Ядерная физика